

63 ч / 2 ук - Чарма /
Г-41

А.Г. Герцен

Ю.М. Могаричев

КРЕПОСТЬ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ

כּוּרְמַת-חַרְמַת

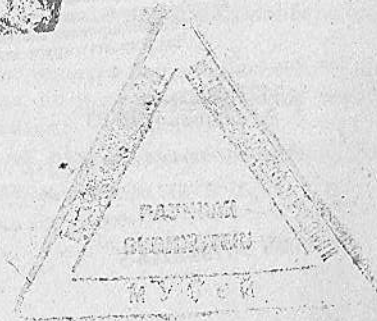
ЧУРМАТ-ХАРМАТ

63.9/2 № - Черны
Г-41
Археологические памятники Крыма
Серия основана в 1971 году

А.Г. Герцен
Ю.М. Могаричев

КРЕПОСТЬ
ДРАГОЦЕННОСТЕЙ
ᠵᠡᠪᠠᠵᠡᠨᠤᠯᠤᠰ
ЧУФУТ-КАЛЕ

Симферополь
«Таврия»
1993

8941

М/к

ББК 63.4 (2Ук-4Крм) лб
Г41

Рецензент А. И. Айбабин

Редактор Г. Н. Гржибовская

Выпущено по заказу Бахчисарайского
историко-культурного заповедника

Г41 Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.
Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале. — Сим-
ферополь: Таврия, 1993. — 128 с., ил. (Археологические па-
мятники Крыма).

ISBN 5-7780-0216-5

Книга, написанная учеными-археологами, рассказывает об одном из извест-
ных «лепешных городов» в окрестностях Бахчисарая — Чуфут-кале. Точка зрения
авторов на происхождение, историю памятника основывается на многолетних
археологических исследованиях городища.

Иллюстрирована цветными и черно-белыми фотографиями, рисунками.
Для широкого круга читателей.

Г 4403000000-00 19-93
М 216(04)-91

ББК 63.4(2Ук-4Крм) лб

ISBN 5-7780-0216-5

© А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев, 1993

ВВЕДЕНИЕ

«Крепость драгоценностей» — это название еще мало известно даже в среде крымоведов. Все знают древний город Чуфут-кале, руины которого ежегодно привлекают десятки тысяч любознательных.

Из этой книги вы узнаете об истории этого замечательного памятника, пройдете по улицам и переулкам угасшего города, побываете в тех его уголках, в которые обычно не заглядывают даже самые дотошные любители старины.

Авторы, не навязывая читателю своей точки зрения, постарались познакомить его с различными гипотезами, мнениями, существующими в науке по многим проблемам древней крепости.

В небольшой книге непросто изложить всю историю города, тем более, что на многие ее вопросы можно дать далеко не однозначные ответы. Исследования еще не завершены, но бесспорно, что Чуфут-кале — истинная «крепость драгоценностей». Не случайно такое название (наряду с другими) носила она в XVII в. Бессмысленно искать в руинах городища клады золота-серебра. Драгоценными являются сами древние стены, хранящие память веков, дающие нам почувствовать неумолимость хода времени и в то же время подарить ощущение вечности, преемственности прошлого и грядущего.

Подчеркнем еще раз, что не все сюжеты сложной жизни Чуфут-кале освещены в предлагаемой книге. В отдельном исследовании нуждается его этническая история. Она не может быть изложена вне общей картины развития различных этнических групп, обитавших в эпоху средневековья на территории Крымского полуострова.

Это, конечно, особая тема и не для одной книги. То же самое можно сказать и об архитектурных памятниках XIV — XV вв., несущих черты малоазийского зодчества. Их происхождение остается предметом дискуссии.

Задача книги — рассказать не только о том, что мы достоверно знаем о Кырк-оре — Чуфут-кале, но о том, что пока еще лежит в области активного научного поиска.

Авторы благодарят за помощь, оказанную в сборе материалов для книги, Е. В. Веймарна, М. Я. Чорефа, О. Б. Белого, В. Л. Вихновича, Н. В. Кошовскую.

Глава I. НА ПОДСТУПАХ К ВИЗАНТИЙСКОМУ ХЕРСОНУ

Дорога к Чуфут-кале начинается в предместье Бахчисарая — Староселье. Здесь — перекресток четырех долин. Наш путь вверх по балке Марьям-дере, по дороге, исхоженной миллионами ног, Чуфут-кале посещают более 120 тыс. человек в год.

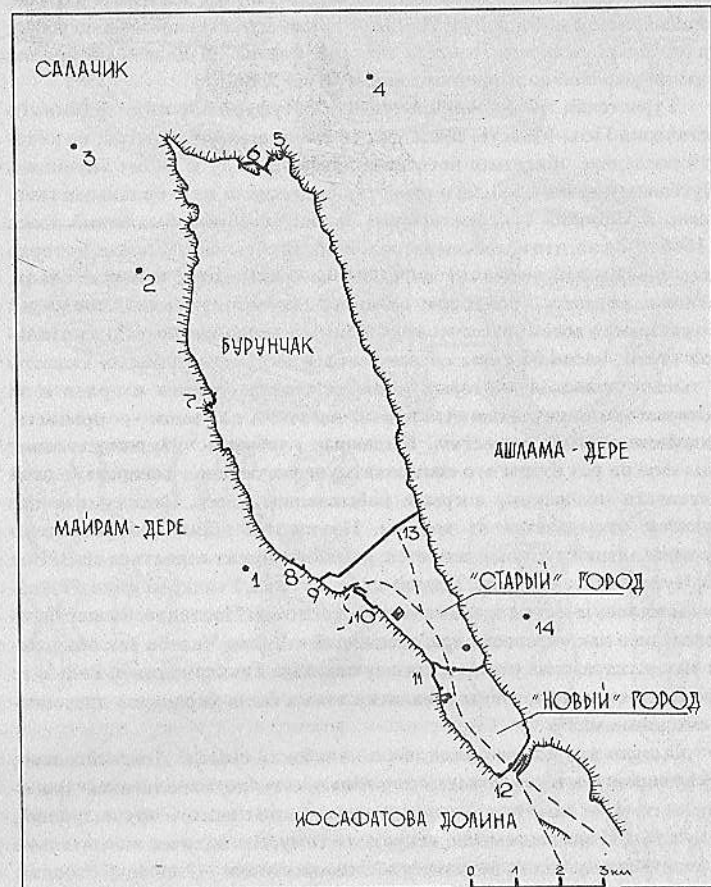
Не останавливаясь, пройдем мимо Успенского монастыря, оглянемся на выступающие слева из зарослей черешчатые крыши строений явно мусульманского облика. Минуем умирающую ореховую рощу.

Место, с которого начинается путешествие в древность, мало заметно на оживленной туристской тропе. На склоне в зарослях кизила и лещины скрыт древний могильник то ли жителей поднебесного города, то ли села, располагавшегося здесь поблизости, в долине. И такой неопределенности есть веские причины.

Давно уже ведется спор вокруг этого участка склона, напоминающего поле бывшего сражения, усеянного ошлывшими воронками. Этот грунт проседал в камеры склепов, выдавая их местонахождение.

Пошатаемся заглянуть в один из раскопанных склепов. В торцевой стенке ямы прямоугольной в плане формы, именуемой археологами дромосом, зияет узкий лаз, ведущий в камеру склепа. Обычно такие лазы имеют прямоугольную форму с арковидным завершением. Камеры в плане были, как правило, овальные или прямоугольные со скругленными углами. Потолок имитировал коробовый свод. В некоторых склепах имелись ниши-лежанки. На стенах хорошо видны следы орудий, которыми вырубались склепы. Борозды расположены в определенном направлении и с определенной частотой. Можно утверждать, что они оставлены орудием в виде кирки с лезвием шириной около 7 см. Удары были частыми и короткими, сверху вниз под углом 35—50°. Расстояние между бороздами, образовавшимися в результате ударов, — не более 8—9 см. Запомним характер следов. В дальнейшем, когда мы будем знакомиться с пещерами на плато, увидим, что следы таких же рубящих орудий остались и на стенах. Техника высекания менялась в разные эпохи. Этот факт поможет в установлении хронологии искусственных пещер.

Могильник в Марьям-дере был открыт П. П. Бабенчиковым, проводившим здесь небольшие разведки в 1946—1947 гг. В 1948 г. исследования проводил Е. В. Веймарн (Крымский филиал АН СССР), а с 1950 по 1961 гг. В. В. Крошоткин (Институт археологии АН СССР).

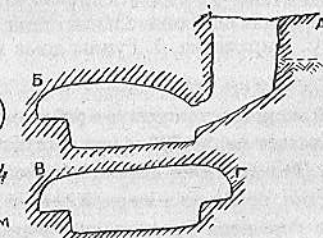
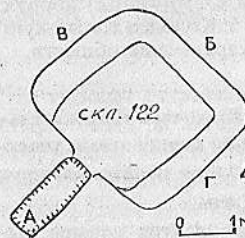
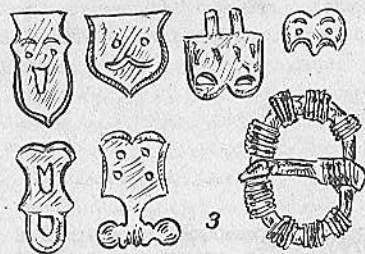
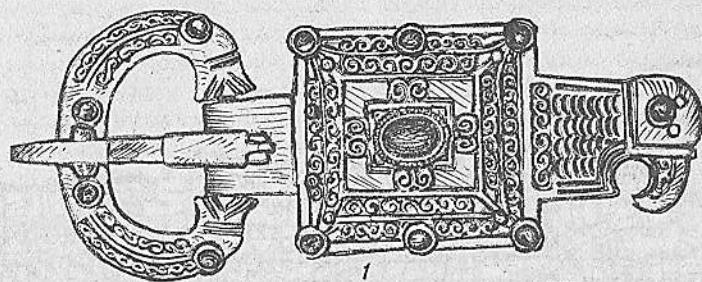
Ситуационный план Чуфут-кале. 1. Раннесредневековый могильник в Марьям-дере. 2. Остатки застройки Мариамполиса. 3. Дюрбе Хаджи-Гирея — Менгли-Гирея и Зинджарлы-медресе. 4. Раннесредневековый могильник на территории Салачика. 5. Оборонительная стена Биюк-исар. 6. Оборонительная стена Кичик-исар. 7. Оборонительная стена Дут-исар. 8. Оборонительная стена Пенджере-исар. 9. Ворота Кичик-капу, южный участок обороны Старого города. 10. Кенассы. 11. Средняя оборонительная стена. 12. Восточная оборонительная стена. 13. Бурунчакская стена. 14. Раннесредневековый могильник в Ашлама-дере.

Всего было раскопано 109 склепов, 24 подбойные могилы и 2 грунтовые. Погребальные сооружения расположены очень густо, нередко перекрывают друг друга. 76,9 % погребений сделаны в земляных склепах. Инвентарь их обычный для раннесредневековых могильников горного Крыма: серебряные и бронзовые пряжки, фибулы, височные кольца, разнообразные наборы бус. Найдены также известняковые надгробия, на которых высечены кресты простой формы. В целом могильник функционировал со второй половины VI по X вв.¹

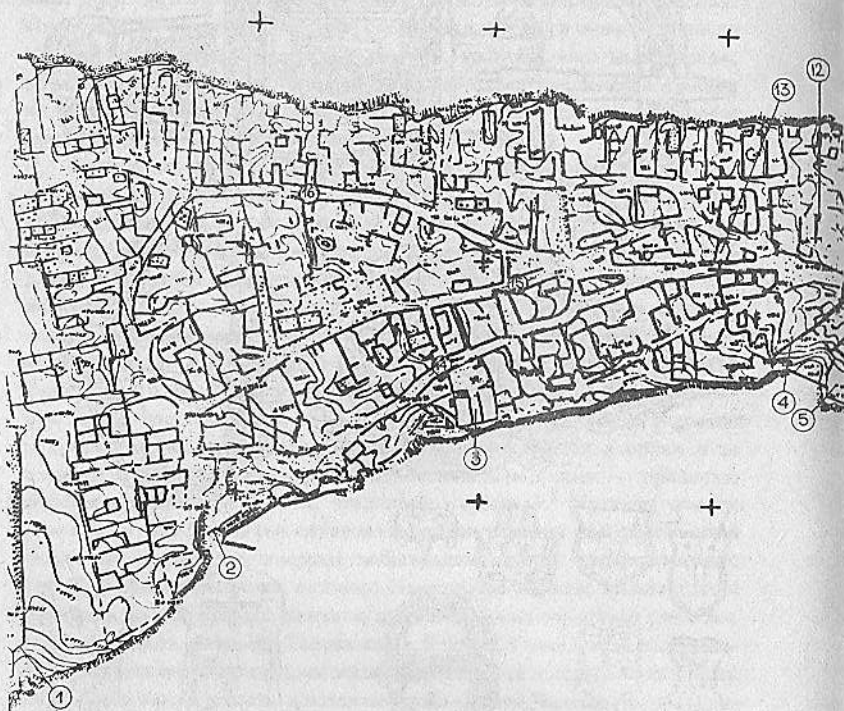
Туристская тропа, поднимающаяся к Чуфут-кале мимо иссякшего источника Газы-Мансур, совпадает со средневековой дорогой, по которой последние обитатели поселения завозили воду к своим жилищам. Путешественники прошлого столетия сравнивали их с орлиными гнездами, а турецкий путешественник Эвлия Челеби, побывавший здесь в 1666 г., писал, что крепость расположена на обрывистой скале, которая «своей вершиной достигает неба. Это высокий замок в форме овала, мощная крепость, основание которой составляет скала, имеющая в окружности восемь тысяч шагов. Вокруг нее вообще нет оборонительной стены, поскольку она со всех сторон окружена скалами высотой в тысячу аршин, на которых имеются гнезда соколов и орлов и за которые не зацепится никакой птичий коготь. А под ними — пропасти, подобные адским челюстям, бездонные глубины».² Путешественник (мы еще не раз будем его цитировать) верно передал восприятие этой местности человеком, впервые побывавшим здесь. Захватывающее зрелище открывается из долины. На крутом обрыве видны стены древних зданий, готовых, кажется, в любой момент сорваться вниз. Вот он, Чуфут-кале, Кырк-ор, Тоурак-кала, Бутмай, Гевхер-кермен. Названия менялись вместе с эпохами жизни поселения. Последнее может быть переведено как «крепость драгоценностей». Эвлия Челеби так объясняет его: «...татарские улемы дали ему название Гевхер-кермен. Ведь в те времена все ворота, стены и калитки замка были украшены драгоценными камнями».³

Однако для нас оно имеет более глубокий смысл. Действительно, Чуфут-кале и его окрестности подобны шкатулке, наполненной драгоценностями — замечательными плодами человеческого труда, знаний, искусства. И они непременно откроются тому, кто захочет внимательно взглянуть в прошлое, познать его. Эти памятники — наше достояние, наследство, которое мы обязаны сохранить, потому что оно принадлежит не только прошлому и настоящему, но и будущему.

Несколько слов о топографии Чуфут-кале. Плато, на котором расположено огромное городище, представляет собой отрог горного массива, сложенный мшанковыми известняками, ограниченный с трех сторон вертикальными обрывами высотой до 50 м. Над уровнем окружающих долин оно поднято на 200 м. Его поверхность имеет уклон к западу. На местности с руинами старых построек он слабо заметен, зато на карте по отметкам высот видно, что перенос урвней

Находки из раннесредневекового могильника в ущелье Марьям-дере.

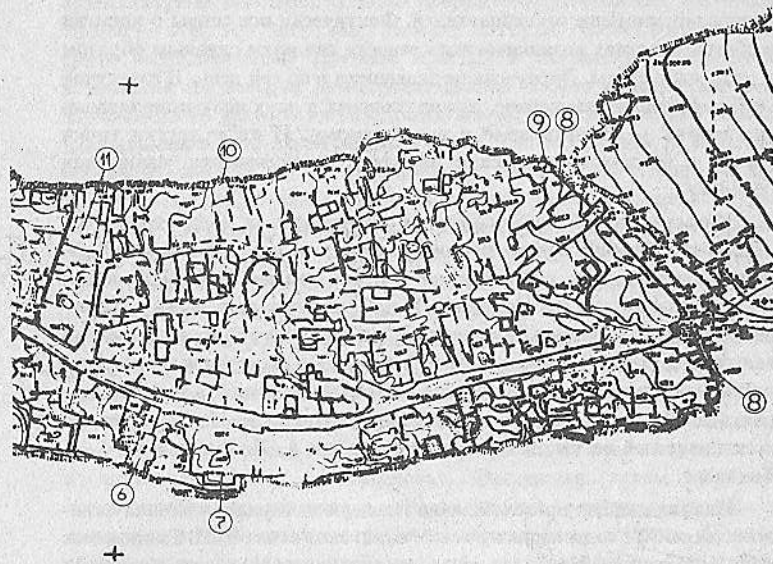

План Старого и Нового города Чуфут-кале.

1. Бурунчакская стена. 2. Кичик-Капу — Малые (Южные) ворота.
3. Кенасы. 4. Средняя оборонительная стена. 5. Колодец Копка-кую.
6. Усадьба А. С. Фирковича. 7. Руины дома караимских обществ.

между западной оконечностью плато и районом Восточной оборонительной стены составляет около 200 м при расстоянии между этими участками в 1700 м. Эта крутизна весьма ощутима, если пройти маршрут с запада на восток, особенно в жаркий летний день.

Территория городища традиционно делится на три хорошо выраженные части. Названия их устоялись с дореволюционных времен. В первой серьезной научной статье, содержащей описание городища и довольно точный его план, автор, известный знаток истории Крыма, военный инженер А. Л. Бертье-Делагард выделяет пустырь — незастроенную часть плато с запада площадью около 36 га, Старый город, отделенный от пустыря невысокой оградой, и Новый город, раскинувшийся между Средней и Восточной оборонительными стенами⁴.

8. Восточная оборонительная стена. 9. Руины бани и усадьбы.
10. Предполагаемая башня. 11. Пещерный комплекс «Чауш-кобасы».
12. Дюрбе Джанике-ханым. 13. Мечеть.

Эти термины сохраняются и в современной литературе. Правда, пустырь, вслед за авторами 20-х гг. XX в., сейчас часто называют «Бурунчак», то есть «мысок». Этим названием будем пользоваться и мы. На плане хорошо видно, что древняя застройка концентрируется в самом узком месте плато. Площадь Старого города составляет около 7 га, Нового — более 3 га.

Чтобы разобраться в истории поселения на чуфут-кальском плато, путешествие лучше начать у Средней оборонительной стены. Она в самом деле средняя, так как расположена в самом центре застроенной

⁴ В литературе приводятся другие данные о площади городища и его частей. Приводимые здесь цифры получены в результате новейшей инструментальной съемки плато, проведенной Е. Чикалкиным в начале 1980 г.

части, отделяя Старый город от Нового. К этому памятнику давно уже приковано внимание исследователей. Фактически все споры о времени и обстоятельствах возникновения крепости сводятся главным образом к датировке стены. Дискуссия не завершена и по сей день. В известной мере упрощая ее содержание, можно говорить о двух противоположных концепциях — византизме и автохтонизме. И та и другая точки зрения в основном сводятся к проблеме возникновения «пещерных городов».

Известно, что Византия строила укрепления на полуострове. Об этом сообщают письменные источники, прежде всего, знаменитый Прокопий Кессарийский, упоминающий о некоей стране Дори, населенной готами, союзниками Юстиниана I. Проходы в эту страну были укреплены «длинными стенами». Пока неясно, какие именно сооружения скрытуются под этими терминами. Еще с 30-х гг. XIX в. благодаря известному путешественнику швейцарцу Дюбуа де Моншеру с ними стали отождествляться «пещерные города», в том числе и Чуфут-кале. Из современных исследователей на такой точке зрения стояли А. Л. Якобсон и М. А. Тиханова.

Иная концепция происхождения «пещерных городов» начала складываться в 30-е годы нашего века. У ее истоков стоят В. И. Равдоникас и Н. И. Решников. Наиболее последовательно она изложена в работах Е. В. Веймарна. По его мнению причиной создания укреплений в юго-западной Таврике была не инициатива византийских властей, а формирование у смешанного по этническому составу местного населения феодальных отношений. Оно-то и привело к появлению различных поселений: городов, замков, монастырей, сел. В связи с этим Е. В. Веймарн считает неправильным само употребление термина «пещерные города», поскольку памятники, объединенные под этим названием, на самом деле не образуют какой-либо однородной группы. Они различны в типологическом отношении, разновременны и не могут считаться действительно пещерными поселениями, поскольку жилых скальных сооружений на них было крайне мало, а преобладали наземные жилые и хозяйственные постройки. По мнению Е. В. Веймарна, ссылавшегося на результаты раскопок, Чуфут-кале не мог быть византийской крепостью, так как наиболее ранние материалы, связанные с первым этапом жизни поселения, датируются X—XI вв., т. е. временем, когда византийское влияние в Таврике было слабым. Заметим, что на территории Бурунчака исследователем обнаружены также фрагменты амфор VI—VII вв., однако малочисленность этих материалов не позволила ему связать их со строительством первых оборонительных сооружений⁵.

И все же последнее слово в дискуссии осталось за византистами. В 1974 г. А. Л. Якобсон, анализируя технику кладки Средней стены и характер строительного материала, категорически высказался о более ранней дате — VI в.⁶ В этом же году вышла статья

московского археолога Д. Л. Талиса, также рассматривающая архитектурные особенности этого сооружения, но выводы его были иными — XII в.⁷ Вот так размах! Откуда такие разногласия среди исследователей? Причина кроется в скудности письменных источников по истории раннесредневековой Таврики, недостаточной изученности ее археологических памятников, в несовершенном знании раннесредневековой архитектуры. Очень сложно судить о времени основания постройки по строительной технике и стилю. Архитектура — один из самых консервативных видов искусства. Строительные традиции передавались и закреплялись в монументальных сооружениях, жизнь которых порой измеряется веками. Часто они становились образцами для зодчих последующих поколений. Неодинаково эволюционировали и различные архитектурные формы. Быстрее обновлялись планировочные и объемные решения христианских храмов, отражающие динамику развития идеологической системы христианства. Более консервативными оказывались стоящие в стороне от идеологических проблем каноны фортификации. Их изменения лежали в общем русле технического прогресса, не очень торжествующего в начальную эпоху средневековья. Рассуждая таким образом, легко прийти к мысли о невозможности установления более или менее точной даты постройки по техническим деталям. Однако современных исследователей это не останавливает. Они ищут другие пути решения задачи или, выражаясь научным языком, коррелируют различные факты, создают модель исторической действительности, отработывая с точки зрения ее достоверности различные детали, создавая образ, максимально соответствующий имеющимся данным. В этой работе каждый исследователь руководствуется определенной исторической концепцией. Как уже отмечалось, это или византизм или автохтонизм.

При таких обстоятельствах арбитром в споре нередко выступает археология. Ее источники — бесстрастные свидетели истории — памятники материальной культуры, казалось бы, могут внести ясность в решение проблемы. Однако в данном случае этому мешает одна «смертельная» для археологов особенность Чуфут-кале: чистота города, удивительный, можно сказать, санитарный порядок на его улицах. Его недангичные обитатели ревниво следили за тем, чтобы бытовой мусор, строительные остатки не скапливались. Все сбрасывалось с обрывов, причем неоднократно проводились генеральные уборки, результаты которых запечатлены в отложениях под обрывами городища. Не раз археологи пытались найти участки, где сохранились бы остатки наиболее ранних культурных слоев, однако на застроенной части плато это пока никому не удалось.

Раскопки Средней оборонительной стены, проведенные Е. В. Веймарном в 1956—1959 гг., затронули оконечность северной куртины, воротный проем Орта-капу (средние ворота) и лицевую сторону южной

куртины. Материалов ранее XIV в. обнаружено не было, а основная масса находок датируется XVII—XIX вв. Что же представляет собой это ключевое сооружение оборонительной системы поселения? Оно заслуживает достаточно подробного описания.

Было установлено, что оборонительная линия имела довольно сложное начертание, подчиненное условиям местности и создающее наилучшие условия для обстрела местности перед укреплением. Внешний пандус был выложен из хорошо отесанных известняковых блоков, плотно подогнанных друг к другу, уложенных ровными рядами.

В плане оборонительная стена выступает по отношению к предполью углом вперед. Длина каждой куртины — 60 м. Северная проходит по ровной местности, а южная по склону. В месте стыка куртин расположен воротный проезд, перекрытый циркулярной аркой. Ширина его составляет 3,6 м. Когда-то он имел двустворчатые ворота, открывавшиеся внутрь и запиравшиеся на тяжелый засов. Сохранился вырубленный в северной стене проема Г-образный паз, в который заводился брус засова. С севера ворота прикрывались выступом стены шириной 6,2 м. Такая компоновка крепостных стен известна еще в древнегреческих укреплениях. Привратный выступ, так называемый зикамний, служил позицией для флангового обстрела противника, штурмующего ворота. Не случайно его правостороннее расположение. В снаряжение древнего и средневекового воина входил щит, который он держал в левой руке, в правой было оружие. Поэтому правое плечо было наиболее уязвимым и это учитывалось создателями крепостей, возводившихся до изобретения огнестрельного оружия, сделавшего ненужными щиты и прочие тяжелые защитные доспехи.

С зикамния простреливалось не только предвратное пространство, но и предполье южной куртины. Что касается северной куртины, то она не была обеспечена фланговой защитой. Более того, ее северный фланг не доходя 11 м до обрыва имел излом внутрь. Здесь, у края скалы, как показали раскопки Е. В. Веймарна, была сделана вылазная калитка, прикрытая от взоров неприятеля, штурмующего ворота. Отсюда защитники крепости могли нанести внезапный удар сбоку по противнику.

Отсутствие фланговой защиты для северной куртины возмещалось проходящим параллельно с ней на расстоянии 10,5 м рвом, вырубленным в скале. До раскопок 1956—1959 гг. пространство перед стеной было покрыто руинами построек, относящихся к Новому городу. Застройка предполья началась, когда Средняя стена утратила свое боевое значение, став внутригородским сооружением. Это произошло после возведения Восточной оборонительной стены, о которой речь пойдет в четвертой главе. Раскопками был раскрыт северный участок рва, не доходящий 7 м до края обрыва. Большая часть рва пока скрыта руинами обширной усадьбы, примыкающей к Средней стене. За ней укрывались с XIX в. название «Монетный двор». Действительно, известно, что

крымские ханы выпускали монеты — асыры, на которых значится место чеканки — Кырк-ор, но достоверных фактов о нахождении его именно там нет.

При зачистке поверхности дороги, возле юго-восточного угла «Монетного двора», был найден заложённый камнями край рва. Он частично перекрывал дорогу, ныне проходящую через Орта-капу. Скорее всего, в древности, когда стена еще не потеряла своего боевого значения, трасса дороги проходила несколько дальше к югу.

На зачищенном участке ширина рва составляла около 4 м, глубина до 2 м. По предположению Е. В. Веймарна, ров мог наполняться водой — дождевой или талой, естественно, в небольших количествах, — слишком мала площадь водосбора. Скорее, покрывая дно, вода создавала у находившихся на краю рва иллюзию его большой глубины. Кроме того, выемка рва служила для сбора воды, предназначенной для хозяйственных нужд.

Перед северным флангом Средней стены, параллельно главному рву, были вырублены еще две прямоугольных в плане выемки. По мнению Е. В. Веймарна, они также служили рвами, создавая дополнительные препятствия для противника на этом ответственном участке обороны. Главной задачей системы рвов было не допустить подвоз осадной техники к крепостной стене. Это действительно было трудно сделать, поскольку путь шел по узким скальным перемычкам между рвами. В XVII в. во рвах начали добывать камень и вырубать хозяйственные помещения⁹.

Конструкцию внешней стороны Средней стены лучше всего рассмотреть на примере ее южного фланга.

Этот отрезок оборонительной стены достоин особого внимания. Здесь можно наблюдать все основные этапы строительной жизни Кырк-ора. В начале осмотрим мощные блоки (1 × 0,7 м), лежащие в основе стены в ее средней части. Они сохранились на высоту до трех рядов. На этой половине куртины, прилегающей к воротам выше блоков, идет кладка из хорошо подогнанных друг к другу камней размерами 0,65 × 0,35 и 0,55 × 0,4 м. Обращает на себя внимание пояс квадров, подвергшихся сильному выветриванию. Создается впечатление, будто гигантские осы стройки в стене свои гнезда. Кстати, геологи именуют такие формы выветривания «сотовыми».

Последний участок куртины, примыкающий к обрыву, заметно отличается по внешнему виду от других частей Средней стены. Он сложен из камней, различных по размерам, отделанных грубее, чем квадры: весьма условно выдержаны ряды кладок. Совершенно очевидно, что этот участок во времени возведения более поздний, чем соседний. Завершает южный фланг квадратная в плане башня, эффектно возвышающаяся над обрывом, подчеркнутая контрфорсом, установленным на самом краю пропасти. Башня эта имеет чисто декоративный характер.

Она была облицована плоскими плитами. С точки зрения же архитекторы она может датироваться не ранее XVII—XVIII вв.

Обратим внимание и на то, что южный фланг состоит из участков, отличающихся по тону — более темные (камни сильнее заветрены, дольше подвергались воздействию стихий) и более светлые, явно более позднего происхождения.

Создается впечатление, что этот участок когда-то был разобран или разрушен почти до основания. Затем кладку восстановили, вернув стене былую целостность. В истории Кырк-ора был эпизод, к которому некоторые исследователи склонны отнести образование пролома в стене. Это упоминаемое в сочинении арабского летописца Рукнеддина бей-Барса о разлении крепости войском золотоордынского эмира Ногая в 1298—1299 гг. Об этом подробнее будет рассказано во второй главе.

Если бы удалось найти веские доказательства, подтверждающие этот эпизод, мы бы получили важную опорную точку для датирования других архитектурных сооружений Кырк-ора. Однако археологические исследования пространства как перед стеной, так и за ней, а также соображения военно-исторического характера заставляют усомниться в обоснованности такой версии. Южный фланг Средней стены был, пожалуй, самым неудачным местом для ее штурма, несмотря на отсутствие рва перед ним. Стена стоит здесь на уступе над глубокой расщелиной, прорезающей скальный массив плато сверху донизу. В настоящее время расщелина заполнена землей и камнями, а устье ее перекрыто оборонительной стеной, построенной в период создания Нового города. Вероятно, по этой расщелине проходила ранняя дорога, сворачивающая от Орта-капу и выведившая в ущелье Марьям-дере.

Наиболее эффективное древнее осадное орудие — таран к южному флангу стены подвести было невозможно из-за крутизны склона на нем. Что касается метательных орудий, то история доогнестрельной артиллерии практически не знает случаев разрушения значительных участков крепостных стен камнеметами. В принципе возможен был обстрел из огнестрельного оружия, т. е. не ранее конца XV в., когда в Крыму появляется мощная осадная артиллерия, завезенная турками-османами. Однако на этот счет нет никаких достоверных источников.

Приходится считать, что разрушения на южном фланге вызваны другими причинами. Вероятнее всего, здесь разобрали часть кладки потерявшей боевое значение Средней оборонительной стены. Это могло произойти не ранее XVII в., когда эскалада (незастроенное пространство перед укрепленной линией) застраивалась жилыми и хозяйственными постройками. На участке с ровной поверхностью оборонительную стену сохранили, так как к ней было удобно пристраивать дома, и следы этих построек хорошо видны. Северный, и особенно южный фланги начали разбирать на строительный материал. Однако в дальнейшем обширная

брешь была заделана. Возможно, это произошло, когда караимская община, проявляя заботу о сохранении древностей Чуфут-кале, с конца XVIII в., ставшего посещаемым путешественниками и официальными особами (в том числе царственными), произвела ремонт, заложив брешь свежеработанным камнем, не успевшим до сих пор приобрести характерного «загара». Чтобы убедиться в том, достаточно взглянуть на темно-серые, в пятнах лишайника камни соседних построек, относящихся к XIV—XV вв. (мечеть, дюрбе), и сравнить с блоками, которыми заложена брешь на южном фланге Средней оборонительной стены.

Что касается «коренной кладки» южного фланга, состоящей из крупных, хорошо обтесанных квадров, то ее облик достаточно выразителен. При отсутствии связанных с ней стратиграфически синхронных археологических материалов поиск датированных аналогий является одним из способов определения времени появления кладки. Подчеркнем, что одним, но не единственным. Кроме аналогий, взятых из ближних и дальних мест, должны быть учтены все реалии исследуемого памятника, то есть требуется комплексный подход, осмысление прямых и косвенных «улик», обрисовывающих время и причины совершенного в далеком прошлом действия, результаты которого изучаются нами на основе дошедших материальных остатков — исторических памятников.

Если говорить об аналогиях, то можно сослаться на мнение известного исследователя крымского средневековья А. Л. Якобсона, писавшего в 1974 г.: «Ближайшую аналогию монументальной квадратной кладке нижнего яруса дают раннесредневековые ярусы некоторых куртин крепостной стены Херсона... и особенно нижние ярусы крепостной стены Мангуца, сохранившиеся на некоторых участках».⁹

Действительно, ранние крепостные стены Мангуца, Эски-кермена, нижний ярус Средней стены составляют один вид раннесредневековой фортификации, расцвет которой приходится на VI—VII вв., причем не только в Таврике, но и на Балканах, в Северной Африке, Месопотамии, Малой Азии, западном Кавказе, то есть в регионе, находившемся под политическим и культурным влиянием Восточной Римской империи, Византии.

Что касается второго яруса кладки Средней стены, хорошо выраженного на всем протяжении ее, в нем также использованы крупные блоки, но ритм рядов их иной. Этот ярус датируется не позднее, чем XII в.¹⁰ Более определенные рамки установить трудно, поскольку традиции ранневизантийской монументальной архитектуры оказали сильное влияние на зодчество последующих периодов. Нередко использовались и строительные материалы, взятые из ранних построек, прежде всего квадры, придававшие поздним постройкам архаический облик. На уровне современных представлений вполне может быть принята версия

о датировке второго яруса Средней оборонительной стены в диапазоне X—XII вв., хотя нельзя исключить вероятность органической связи, то есть фактически одновременности первого и второго ярусов. Еще не исследованы строительные вяжущие растворы в кладках стены. Сходство или различие в их составе даст возможность решить загадку истории одной из самых главных драгоценностей Чуфут-кале.

Средняя стена была ключевым сооружением оборонительной системы, но не единственным. Никакая крепость не может считаться законченной, если в ней остаются лазейки для неприятеля. Природа не поспешила придать чуфут-кальскому плато максимум достоинств для создания на нем укрепления. При первом взгляде на плато кажется, что взобраться на него невозможно. Однако имеются три узкие и крутые расселины, одна — на юго-западном и две — на северо-западном склонах. В этих последних, называемых Кучук-исар и Буюк-исар, то есть малая и большая стены, оборонительные узлы наиболее типичны. Они состояли из защитных стен и искусственных пещерных сооружений. Оборонительная стена, пересекающая расселину Кучук-исар в устье от скалы до скалы, сохранилась на высоту 5,8 м от современной поверхности земли, буюк-исарская на 7,7 м. Толщина их невелика — от 0,9 до 1,3 м. Выполнены они из бутового камня в технике, характерной для позднего средневековья. Нижняя часть стен скрыта под толщей нальзавной земли.

В обширном распадке, ныне закрытом стеной с воротами Кичик-кацу, построенными скорее всего в XV в., древняя линия обороны проходила у верхней кромки плато и перекрывала узкий извилистый скальный проход. Подтеска на краю скалы, так называемая «постель» для установки нижних камней этой стены, была обнаружена М. Я. Чоревым во время археологических разведок в 1972 г. Скала ниже линии этой стены изрыта многочисленными пещерами, созданными не ранее XI—XII вв.

Следует вспомнить правило фортификации о том, что при сомкнутом начертании крепостного полигона и линейном (полосном) построении обороны разомкнутость в малейшем ее звене делает всю систему открытой для неприятеля. Тут уповать на природную труднодоступность местности не приходится. Наполеон Бонапарт, хорошо знавший азбуку боевых действий, в свойственной ему афористической манере так сформулировал правило войны в горной местности: «Там, где пройдет козел, там пройдет солдат, где солдат, там батальон, а где батальон, там армия»¹¹. В качестве примера тщательной закулирки всех без исключения расселин можно привести мангускую и эски-керменскую крепости, хорошо иллюстрирующие ранневизантийскую фортификацию горной Таврики. Стены там сооружались даже на тех участках, где скальные склоны были недоступны без специальных приспособлений — лестниц, веревок с крюками.

Самые древние стены на Бурунчаке пока еще не открыты, однако сохранились связанные с ними внутрискальные помещения или, попросту говоря, пещеры. Они есть во всех расселинах, где существовали или существуют оборонительные стены.

Пещер, входящих в состав оборонительного комплекса, на плато не много. Однако именно они позволяют найти ключ к пониманию назначения и хронологии пещерных сооружений Чуфут-кале и других средневековых поселений Таврики, получивших обобщенное наименование — «пещерные города».

При внимательном исследовании пещеры оказываются поистине драгоценным источником для освещения темных пятен истории Таврики. Чтобы доказать это, нам необходимо посвятить читателя в некоторые тонкости сравнительно новой отрасли науки, находящейся на стыке археологии, архитектуры и спелеологии и получившей название спелеонистика. Она изучает историю искусственных пещерных сооружений, разрабатывает методы относительного и абсолютного датирования, восстанавливает технологию создания скальных помещений.

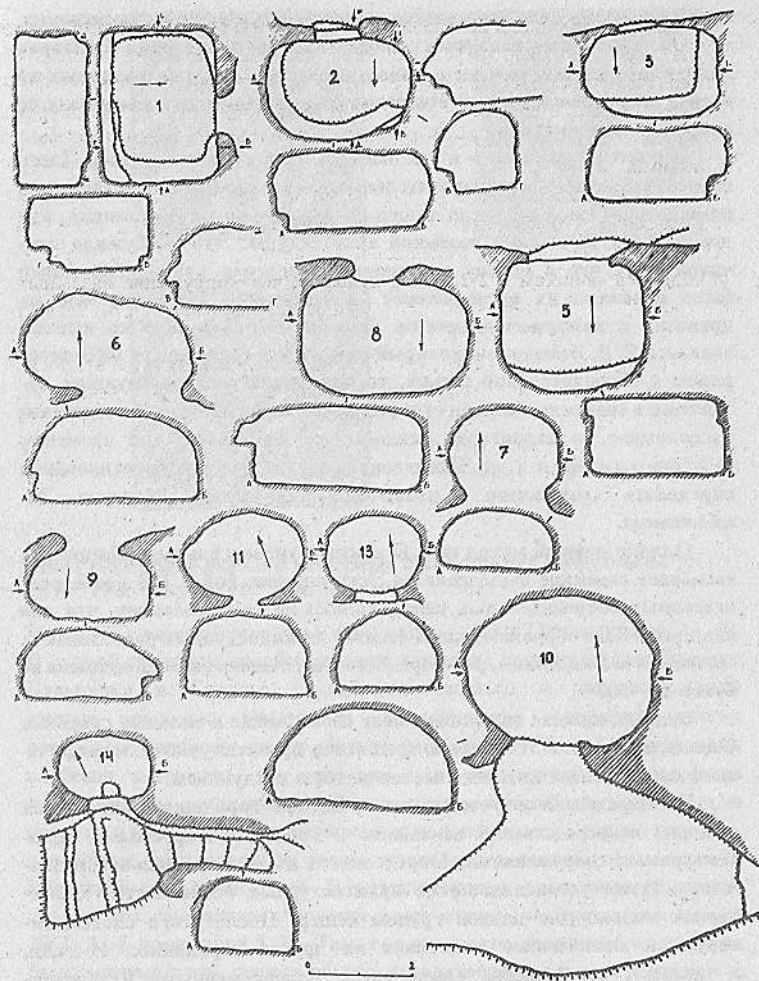
К сожалению, письменные источники не содержат описания процесса создания пещер. Но по этнографическим свидетельствам и следам орудий, сохранившимся на стенах, его можно реконструировать. Вот, например, как описывает процесс вырубki пещер исследовательница кашадоккийских пещерных монастырей Л. Родли: «В начале в скале высекался тоннель, достигавший примерно середины создаваемого помещения: в его дальнем конце делали расширение, которое доводили до пределов чуть меньших, чем планируемый контур помещения. Затем, начиная со свода и опускаясь вниз, на грубо обработанной поверхности скалы высекали детали архитектурного декора». По мнению грузинских ученых: «На начальном этапе скала обрабатывалась грубо: делались две глубокие параллельные борозды и оставшаяся часть между ними массы легко выбиралась одним ударом долота. С приближением к предполагаемой стене теска велась более осторожно и более углубленными инструментами. Если возникала необходимость тщательно подтесать помещение, то после выравнивания всех стен, сводов, профилей и фрагментов начиналась их отделка или протирка, для которой применялись абразивный камень и вода»¹³.

Использовался разнообразный железный инструмент: кирки, заступы, топоры, ломы, дробильные молотки, лошаты, молоты, но основным орудием при высеке в скале пещер была кирка, поскольку одной ее стороной можно высекать и надсекать камень, а другой откалывать углы и выступы. Существовал еще один способ создания пещер без применения железных орудий. Скалу раскаляли огнем, а затем обливали холодной водой, после чего она легко ломалась. В трещины вбивали деревянные клинья и прощипывали их водой.

Вырубка скальных помещений требовала гораздо меньших затрат труда, чем наземное строительство: два-три квалифицированных каменотеса для детальной обработки и несколько человек для выборки и вывозки камня. Выдалбливание небольшого помещения было под силу и одному человеку. К месту сооружения пещер не надо было доставлять никаких материалов, только инструменты, тачки для вывоза обломков скалы и, при необходимости, жерди для лесов¹⁴. По сведениям А. Л. Бертье-Делагарда, в 70-х гг. XIX в. при сооружении Успенского монастыря помещения в скале обходились монахам в 2-2,5 раза дешевле, чем сооружение наземных построек¹⁵. И это при том, что прочность и долговечность первых были значительно большими.

При изучении любого памятника необходимо ответить на вопросы: когда он возник, как долго существовал, почему и когда угас. Казалось бы, что может быть проще. Нужно только провести раскопки и восстановить хронологическую шкалу. Путь этот в принципе верен, но не для памятников скальной архитектуры. Ведь даже при беглом осмотре становится ясно, что в пещерах зачастую отсутствует культурный слой, содержащий основную историческую информацию. Пещерные сооружения обычно невелики по объему, и если бы из них во время использования регулярно не удаляли накопившийся сор, то за короткое время они полностью бы запылились землей. Такая вот «чистоплотность» сослужила дурную службу археологам. Так что же, признать данную проблему неразрешимой? Поначалу и признавали. Например, известный исследователь кавказских пещерных сооружений Д. А. Кишиндзе писал в начале века: «В трудном вопросе о датировке пещер мы находимся в самом беспомощном состоянии»¹⁶. Однако не все исследователи смирились со столь пессимистическим выводом. Попытки путей решения проблемы, пусть не всегда удачные, продолжались. Причем в каждом регионе, в зависимости от местных особенностей пещер, выработывалась особая методика исследований.

Показателен в этом отношении Кавказ, весьма обильный скальными сооружениями. Там находятся пещерные монастыри (например, знаменитые Вардзия, Гегард и др.), скальные села и даже целые «пещерные» районы в городах (Ани и Ушлисцихе). Многие памятники имеют хорошо сохранившиеся детали архитектурного устройства и декора. Вот на них-то и обратили внимание грузинские и армянские ученые. Они рассматривают такие сооружения в первую очередь как памятники архитектуры, увязывая их с наземными сооружениями, и по аналогии с последними определяют дату возникновения пещер. Надо сказать, что такая методика иногда себя оправдывает, так как в ряде случаев скальная архитектура копирует наземную. Но с другой стороны, при таком подходе вне поля зрения остается большая часть архитектурно невыразительных памятников.

Планы и разрезы раннесредневековых пещерных сооружений Чуфут-кале.

Иная ситуация в Малой Азии. Вхождение ее в состав православной Византийской империи объясняет появление там множества пещерных церквей, келий, которые украшались фресковой росписью. На ней-то, в основном, сосредоточили внимание исследователи. Правда, в последнее время они обратились и к скальной архитектуре, но ис-

кустведческий анализ остается ведущим в датировании памятников.

Особенностями пещерных сооружений на территории Болгарии является их сосредоточение в монастырях и обилие процарапанных на стенах рисунков и надписей. Исследователи изучают их в комплексе со скальной архитектурой.

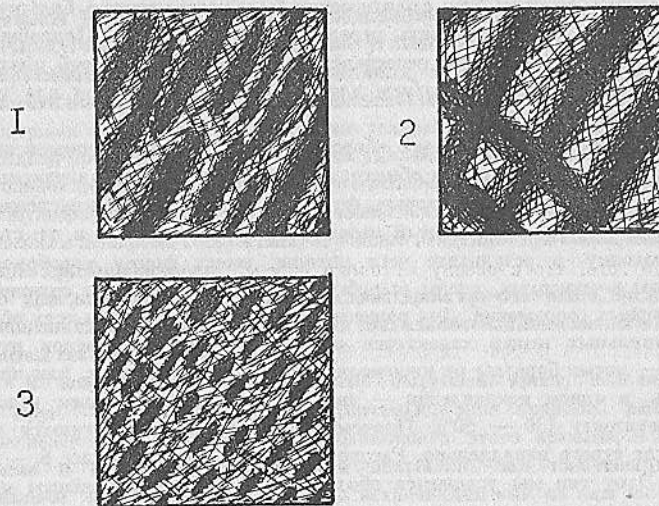
Имеются особенности и у крымских искусственных пещер. Здесь относительно немного выразительных в архитектурном отношении помещений. Основное число пещер сосредоточено на поселениях, где доминируют памятники наземной архитектуры. Это послужило причиной того, что в основу методики определения хронологии пещер было положено их расположение на территории городища или их привязка к наземным объектам. Данная методика широко использовалась Е. В. Веймарном, который считал, что если пещера находится рядом с оборонительной стеной, то она имела соответствующее назначение и возникла в период строительства этой стены; если помещение расположено на территории усадьбы, то оно датируется временем ее строительства и т. д. Исследователю удалось аргументированно определить хронологию и назначение ряда пещер Мангуца, Эски-кермена.

Однако данный метод нельзя считать универсальным. Например, вызывает сомнение выделение на Эски-кермене более 100 раннесредневековых оборонительных пещер только на том основании, что они находятся близ оборонительных стен и в легкодоступных расселинах¹⁷. По нашим наблюдениям, раннесредневековых пещер на Эски-кермене не более 25—30.

Видимо, каждая методика имеет свои слабые и сильные стороны. Одним из авторов этой книги предложен архитектурно-топографический метод, смысл которого заключается в следующем.

На определенном участке или участках городища выявляются пещеры, непосредственно связанные с хорошо датируемыми архитектурными сооружениями. Определяется их функциональное назначение. Затем устанавливаются архитектурные особенности, характерные только для данной группы пещер. После этого систематизируются аналогичные памятники на других городищах. И если, к примеру, все пещеры, связанные с одновременными и однофункциональными памятниками на различных городищах имеют одни и те же архитектурные особенности, то можно утверждать: мы имеем дело с помещениями, относящимися к одному периоду. Так поочередно, путем сопоставления, выделяя пещерные сооружения различного времени, можно установить их хронологию, выявить особенности эволюции¹⁸.

К настоящему времени в пределах чуфут-кальского городища насчитывается 167 искусственных пещер. Не исключено, что под руинами усадеб скрыты еще не известные нам полости. Распределяются пещеры следующим образом: на Буручаке — 23, в Старом горо-

Типы обработки скалы в пещерных сооружениях Чуфут-кале.
1. — Тип 1. 2. — Тип 2. 3. — Тип 3.

де — 60, с внешней стороны Кичик-капу — 35, в Новом городе — 49. В данной главе мы остановим ваше внимание только на сооружениях Буручак и Старого города, относящихся к оборонительным стенам, поскольку именно их с наибольшим основанием можно отнести к раннему этапу жизни поселения. Пещеры Буручак особенно интересны, так как они мало подвергались переделкам и в основном сохранили свой первоначальный облик, чего нельзя сказать о большинстве внутрискальных сооружений Старого города.

Кроме трех одиночно расположенных помещений, остальные 20 стянуты в пять комплексов. В легкодоступных расселинах пещерные сооружения допояляли оборонительные стены (пещерные комплексы № 1, 2, 4, помещения 8, 9). Там, где опасность появления неприятеля была минимальной, пещера обычно соседствовала с искусственной или естественной площадкой у края обрыва, откуда можно было наблюдать за местностью под обрывом, а в случае необходимости и отбросить карабкающихся по крутизне лазутчиков.

В связи с указанными особенностями оборонительные пещерные сооружения можно условно разделить на две группы: «боевые» и «подсобные». К первой группе относятся помещения, использовавшиеся для активной обороны. Они расположены по краям плато. Из пещер, а чаще с боевых площадок рядом, велся обстрел неприятеля. Комплекс площадка — пещерное сооружение мог служить и наблю-

дательным пунктом. Ведь с плато можно было просматривать большую территорию, контролировать передвижение противника. Подсобные помещения, не имеющие непосредственного выхода на край плато, служили временным укрытием для сторожей расселин или для хозяйственных целей.

В архитектурном плане оборонительные пещерные сооружения Чуфут-кале имеют много общего: во-первых, это почти одинаковые размеры помещений; во-вторых, форма — овальная или скругленная в плане; в-третьих, плавный переход от пола к стенам и от стен к потолку, в результате чего потолок имеет форму коробового свода; в-четвертых, следы вырубки, отражающие технику создания пещерных сооружений. Для раннего периода существования всех оборонительных пещер характерен один и тот же тип следов рубки — косые борозды от кирочных ударов, расположенные, как правило, в одном направлении — сверху вниз под небольшим углом к горизонту (30 — 50°). Причем эти борозды располагаются не всегда строго параллельно. Расстояние между ними не более 8 — 9 см. Этот тип мы условимся обозначать Т-1, а в дальнейшем познакомимся с характером следов вырубки в пещерах, относящихся к более поздним этапам существования Кырк-ора. В-пятых, форма входного проема — прямоугольная в плане с имитацией арочного решения в верхней части.

К особенностям рассматриваемых помещений можно отнести и вырубленные в скале скамьи, имеющиеся в ряде пещерных сооружений, а также арочные ниши.

Все эти сооружения строго привязаны к системе обороны и в других местах плато не встречаются. В относительной хронологии данный тип внутрискальных памятников является наиболее ранним.

Ближайшие аналоги ранним оборонительным пещерам Чуфут-кале — это первоначальные оборонительные пещерные сооружения Мангуша, Эски-кермена и Тесе-кермена¹⁹. Возникновение оборонительной системы на Мангуше относится ко второй половине VI — VII вв.²⁰, на Эски-кермене — к концу VI — началу VII вв.²¹ По всей видимости, ранним средневековьем следует датировать и возникновение укреплений на плато Тесе-кермена. Следовательно, и оборонительные пещерные сооружения Чуфут-кале можно отнести к тому же времени. Между рассматриваемыми помещениями Чуфут-кале и других указанных городищ есть поразительное сходство: в размерах, форме и решении потолка, внутренней обработке, внутренних деталях, форме и размерах входного отверстия, характере месторасположения (у оборонительных стен или в комплексе с площадкой), функциональном расположении и т. д.

Как отмечалось выше, много общего у них и с раннесредневековыми склепами. Размеры как тех, так и других сооружений варьируют в пределах от 3 м² до 11 м²; форма ранних пещер и склепов обычно

овальная или близкая к овалу, подпрямоугольная или имеет вид четырехугольника со скругленными углами. Потолки в пещерных сооружениях имитируют коробовый свод, такое же архитектурное решение имеют и потолки раннесредневековых склепов; тип обработки пещерных сооружений Т-1, в той же технике создавались и склепы; входной проем в раннесредневековые скальные помещения — прямоугольной формы с имитацией арочного решения в верхней части, аналогичную форму входа имеют в основном и склепы. Правда, входные проемы в пещерные сооружения, по вполне понятным причинам, имеют более крупные размеры.

Для ранних пещер Чуфут-кале характерны арочные ниши, предназначенные, очевидно, для установки светильников. Ниши аналогичной формы есть и в склепах.

В помещении № 16 на стене вырублен крест, вписанный в круг. Такие же кресты, датируемые, как правило, ранним средневековьем, известны и на могильниках этого времени, в том числе и на уже упоминавшемся некрополе под юго-западным склоном Чуфут-кале. Здесь кресты встречаются как на надгробьях, так и на стенах склепов²³.

Такое сходство между оборонительными и погребальными сооружениями встречается не только в Крыму. Например, наземные склепы с четырехскатным ступенчатым покрытием, расположенные в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии, имеют прямые аналогии с боевыми башнями вайнахов²⁴.

Таким образом, аналогии ранним искусственным пещерам Чуфут-кале можно найти только среди раннесредневековых памятников, причем рассматриваемые помещения имеют отличия от искусственных пещер городища Кыз-кермен, которое датируется VIII — IX вв.²⁵ И уж совершенно ништяк в архитектурном плане являются хозяйственные сооружения Эски-кермена, Тесе-кермена и Баклы, датируемые XII — XIII вв. Эти различия проявляются не только во внешних признаках (форма, размеры и т. д.), но и в характере обработки помещений. Еще больше различий у ранних оборонительных пещер с помещениями, относящимися к XV — XVIII вв. (подробнее об этом в следующих главах).

Подводя итоги, можно сделать вывод, что скальная архитектура Таврики зародилась не на местной основе и до VI в. она не имела широкого распространения. Традиция сооружения искусственных пещер пришла в Крым вместе с византийским политическим, идеологическим и культурным влиянием. В пограничных провинциях империи крепости возводились под руководством византийских инженеров, но руками, а нередко и на средства местного населения, составлявшего основу гарнизонов. Это и послужило причиной того, что оборонительные пещеры создавались в соответствии с византийской традицией, но конструктивное решение их было местным (вырубались они местными каменот-

сами, бравшими за образец архитектуру единственного известного им типа подземных сооружений, то есть склепов).

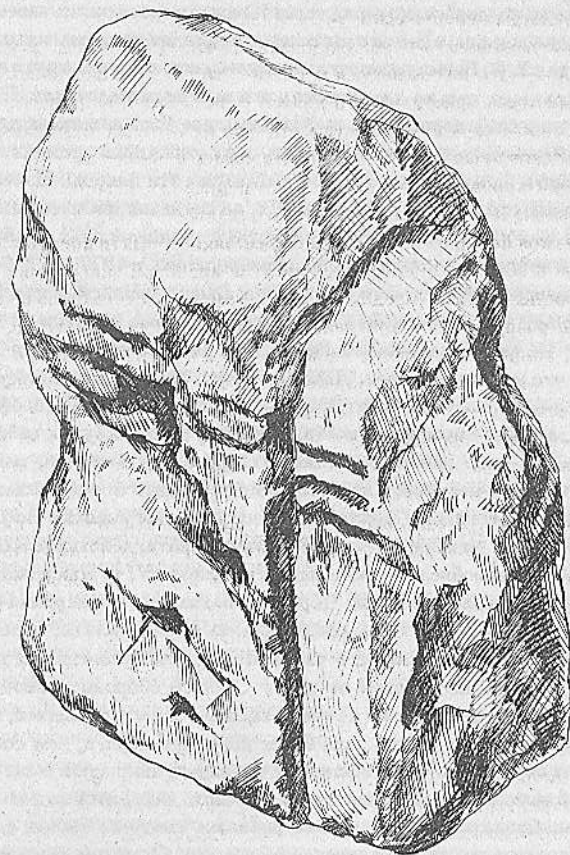
Если исходить из предположения, что на раннем этапе Чуфут-кале — это византийская крепость, то следует поставить вопрос о наличии здесь христианского храма, и, возможно, не одного.

В Старом городе можно увидеть три культовых памятника. Это мечеть, основанная в XIV в., и две караимские кенассы.

Следы христианского культового пещерного комплекса сохранились в районе Южных ворот, но речь о них пойдет позже. О существовании остатков большой византийской базилики на плато впервые заговорили еще в 20-х гг. XX в. Специалист по арабской эпитафике Осман Акчокраклы высказал предположение о том, что мечеть была возведена на месте разрушенного христианского храма. В пользу этого, по его мнению, свидетельствовали капители VI—VII вв. и осколки других архитектурных деталей из проконесского мрамора. Предполагалось, что при перестройке мечети ориентация здания поменялась на 90°, было убрано алтарное полукружие в восточной стене, и она стала глухой, а в Южной стене построили алтарную нишу михраба (мусульманского алтаря), обращенную на кыблу, то есть в сторону Мекки, священного города ислама²⁶. В середине 1950-х гг. еще одна мраморная капитель была найдена в ограде позднесредневековой усадьбы. Однако зачистка фундамента мечети, произведенная тогда же Е. В. Веймарном, не подтвердила гипотезу о перестройке церкви в мусульманский храм. И все же полностью отрицать существование в раннем средневековье христианского храма на плато было бы неверным. Нельзя не учитывать находки безусловно раннесредневековых, византийского происхождения мраморных архитектурных деталей, например, порога у входа в кенассный дворик, плиту на внешнем фронтоне восточных ворот. В окрестностях городища к ним можно отнести колонну в некрополе раннетатарского поселения в устье Бахчисарайского ущелья, плиту с греческой надписью, упоминающей имя Марии, хранящуюся в лавинарии Бахчисарайского музея, найденную при раскопках так называемой беседки Селямет-Гирея на территории ханского дворца. Плита была использована в качестве строительного материала, и ближайшим местом, где она могла быть добыта, является Кырк-ор или его ближайшие окрестности. Напомним, что ущелье с южной стороны чуфут-кальского плато именуется до сих пор Марьям-дере (ущелье Марии). С XV в. существует упоминаемый монастырь Успения Богородицы. Не исключено, что и храм, некогда существовавший на плато, также был посвящен Святой Марии.

Завершая разговор о мраморных архитектурных деталях, напомним, что в Крыму нет месторождений мрамора, а проконесский мрамор, столь любимый византийскими зодчими, к VIII в. перестал разрабатываться.

В балке Марьям-дере расположен упоминаемый раннесредневековый

Надгробие в виде базилики из некрополя на юго-западном склоне плато Чуфут-кале.

могильник. По этнической принадлежности погребенные определены как сарматы-аланы. Возникает вопрос, где они жили, под защитой ли оборонительной стены на плато, или же поселение находилось неподалеку в балке? А. Л. Якобсон и В. В. Кропоткин не сомневались в связи могильника с крепостью. Хотя последний под влиянием взглядов Е. В. Веймарна колебался. Сторонники поздней даты появления укреплений на плато отрицали эту связь. Е. В. Веймарн полагал, что кладбище средневекового города должно было быть соединено с ним хорошей удобной дорогой, по которой с достоинством, степенно могла бы

двигаться погребальная процессия. К некрополю из крепости действительно ведет дорога, которая через Южные ворота зигзагами спускается на дно долины, одно ее ответвление проходит через могильник. Но, как считал Е. В. Веймарн, ворота слишком узки, а дорога крута и могла использоваться только для пешеходов и вьючных животных. По главной же колесной дороге путь в Марьям-дере был слишком дальним. Таким образом, следовало бы считать этот могильник принадлежащим поселению в балке Марьям-дере. Рассмотрим эти доводы. Известно ли нам что-нибудь об этом поселении? Да, но сведения письменных источников о нем относятся к периоду позднего средневековья. Небольшие археологические раскопки в балке производились в 1977 — 1978 гг. на склоне напротив Успенского монастыря. Вывод уральских археологов, работавших здесь, таков: найденные строительные остатки не древнее VIII — IX вв. Значит, могильник возник раньше поселения в долине. Теперь что касается дороги. Действительно, если к могильнику следовать по дороге, ведущей через Восточные ворота и далее к Иосифовой долине, а затем спускаться к Марьям-дере, то путь будет неблизким. Однако при ряде раннесредневековых крепостей Таврики, например, Машуна, Эски-кермена, кладбища располагались в значительном отдалении от крепостных ворот. Есть еще контраргументы. Во-первых, сохранившиеся до нашего времени Южные ворота, действительно узкие и неудобные, приобрели нынешний вид не ранее XVI в. Как отмечалось, зачистки, проведенные М. Я. Чорефом, показали, что первоначальная оборонительная стена здесь проходила по кромке плато, перекрывающая распадок в наиболее узкой его части. Ворота тогда наверняка не были такими узкими. Во-вторых, от ворот Средней оборонительной стены, бывшей до появления Нового города внешней защитной линией, в балку Марьям-дере скорее всего вела более короткая дорога, чем современная. Она спускалась через обширный распадок, закрытый ныне стеной, высотой на 6 — 7 м, но значительная ее часть находится под земляным наемом. Стена эта плохо просматривалась снизу из балки, сливаясь с известняковыми вертикальными обрывами. Отметим, что наиболее ранние склепы могильника в Марьям-дере располагаются в восточной части некрополя, в непосредственной близости от Кучук-капу.

На основании раскопанных погребений можно сделать вывод о постепенном распространении христианства среди местного населения. Об этом свидетельствуют нательные кресты, кресты, процарапанные на стенах склепов, а также на надгробьях, чертги с христианскими символами. Особенно интересны известняковые надгробья, которые устанавливались у дромосов на поверхности земли. На них были вырезаны изображения орудия казни мессии. Одному из надгробий была явно придана форма архитектурного сооружения, прямоугольного в плане, с одной скругленной торцевой частью. Перекрытие его было явно стропильным, а не сводовым. Очевидно, что надгробие изображает христианский храм базиликального типа, характерный для раннесред-

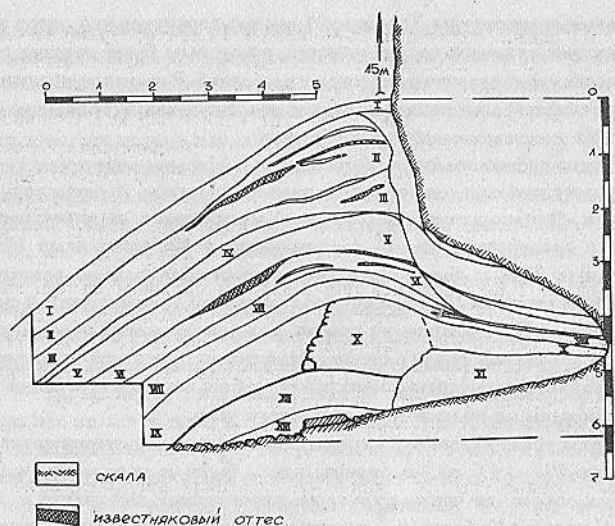
невековой архитектуры Таврики. И вполне вероятно, что перед нами изображение главного храма крепости, с которым была связана духовная жизнь его гарнизона и окрестных поселений. В нем народившиеся на свет крестились, венчались и получали последнее напутствие, перед тем как сойти в вечный мрак склепов и могил.

Можно предположить, что могильник в Марьям-дере принадлежал непосредственно населению укрепленной части плато, то есть гарнизону крепости. Однако это не единственный могильник в ее окрестностях. В месте соединения ущелий Ашлама-дере и Кучук-ашлама (балка Осишова) в 1948 г. были обнаружены просевшие склепы раннесредневекового типа, а в 1969 г. один из авторов этой книги зачистил склеп, разрушенный бульдозером на северном склоне Ашлама-дере, под местом расположения Нового города. Найденные здесь два захоронения имели характерные черты аланского погребального обряда: покойники были уложены на подсыпку из древесного угля.

Таким образом, вокруг укрепленного плато концентрируются могильники VI — IX вв., а значит, здесь были и поселения, жители которых сохраняли черты культуры, характерной для степей и предгорий Северного Кавказа, т. е. аланского населения, волнами переселявшегося в Таврику уже с I в. н. э. Но особенно их приток стал заметным с включением алан в состав остготского (середина III в.) и гуннского племенных союзов (вторая половина IV в.).

Как уже отмечалось, в развитии исторического процесса в горной Таврике заметны две линии: оседло-земледельческого и степного миров. После разгрома позднескифских поселений в результате готских походов и гуннского нашествия в конце IV в. степные районы надолго опустели. Зато в горах археологические материалы демонстрируют заметное оживление. Здесь появляются поселения и могильники, этнический состав которых недостаточно выяснен. Е. В. Веймарн, Т. Н. Высотская считают, что это были поздние скифы, смещенные завоевателями с насыженных мест. А. И. Айбабин видит в этих горах прежде всего сармато-алан, которые проникли на полуостров в начале эпохи Великого переселения народов. В их среде были готы, во всяком случае исследователь могильника в Марьям-дере В. В. Кропоткин ищет именно о готско-аланской его принадлежности.

Следует отметить, что и в округе других византийских крепостей в Юго-Западной Таврике отмечается такая же картина соотношения поселений и могильников. Так, вокруг Машунского плато, на котором во второй половине VI в. в конце правления Юстиниана I была создана самая крупная на полуострове крепость, также концентрируются некрополи, имеющие ярко выраженный аланский характер, хотя не исключено, что среди населения, оставившего эти могильники, было немало готов, с принятием христианства перешедших на аланский погребальный обряд²⁷. Пришедшие в середине III в. в Крым готы кремнировали умерших, а новая

Стратиграфия шурфа № 1 (по Е. В. Веймарну).

I — Гумус. II — мягкая темная земля с прослойками глины и золы. III — глинистая мягкая коричневая земля. IV — золотистая серая земля. V — темно-коричневая земля. VI — темно-серая мягкая земля. VII — темно-серая земля с большим количеством щебня. VIII — темно-серая земля с небольшим количеством щебня. IX — камень и отесок. X — обломки скалы, камни с темно-серой землей. XI — черная мягкая земля. XII — завал крупного и мелкого камня с темной землей. XIII — завал крупного и мелкого камня с темно-серой землей.

христианская обрядность требовала сохранения тела усопшего, дабы не лишит его надежды на грядущее воскресение. Возможно поэтому так трудно уловить готские черты в погребениях средневекового времени, хотя в то же время письменные источники упрямо твердят о сохранении в Таврике готского населения, сохранявшего не только этническое самосознание, но и язык, по крайней мере до XVI в. Что касается алан, то по данным авторов XIII—XV вв. область их обитания в Крыму определено соотносилась с крепостью драгоценностей — Кырк-ором, но об этом подробнее в следующей главе.

Итак, перечисленные в совокупности факты как будто не противоречат гипотезе зарождения крепости во второй половине VI в. Однако уже говорилось и о существовании иных взглядов. Особого внимания заслуживает концепция Е. В. Веймарна, в 1956—1959 гг. проводившего раскопки на городище и в его окрестностях. Отметив малую вероятность обнаружения ранних материалов на территории поселения, исследователь основное внимание сосредоточил на зондировании склонов плато, предполагая, что здесь можно нащупать наиболее древние куль-

турные отложения, связанные с поселением. Если с поверхности плато сбрасывали строительный и хозяйственный мусор, значит, искать его необходимо на склонах, а не на вершине.

Пожалуй, наиболее важные результаты дал шурф № 1. Обычно его материалы фигурируют в публикациях в качестве обоснования хронологии Средней оборонительной стены, а значит, и времени зарождения поселения. Важность вопроса требует обращения к материалам отчета о раскопках, составленного Е. В. Веймарном по итогам работ 1956 г.²⁸ К сожалению, в опубликованной в 1968 г. статье шурф № 1 описан очень кратко.

Шурф № 1 был заложен под северным обрывом на три метра к востоку от места, над которым находилась оконечность Средней оборонительной стены. При площади 3 × 7 м глубина его достигала 5 м. Стратиграфия, то есть картина культурных напластований в разрезе, оказалась таковой: 13 слоев — 13 страниц истории Кырк-ора — Чуфут-кале. Их толщина скрывала скальный навес, грот, на дне которого в слое № 11 в темной мягкой земле найдены фрагменты остродонной амфоры и лешных сосудов и какого-то железного предмета, возможно сковородки. Последний попал сюда явно в позднее время. По определению Е. В. Веймарна слой датировался позднеантичным временем, не позднее IV в. н. э. Попадание керамических фрагментов в слой с поверхности плато исключено, так как он отложился под скальным навесом. Очевидно у подножия обрывов в сухих, теплых гротах люди селились еще до зарождения крепости, а в качестве загонов для скота они использовались вплоть до XX в.

Слой № 12 и № 13, располагавшиеся за пределами грота на склоне, на том же уровне, что и № 11, никаких находок, связанных с деятельностью людей, не содержали. Их перекрывал слой земли, насыщенный камнем и щебнем, накопившийся в период строительства Средней оборонительной стены. Датированных материалов в нем не было. Выше лежащий слой (№ 8) толщиной 0,4 м — темно-серая земля с большим количеством щебня — содержал фрагменты круглодонных амфор, сероглиняных горшков, плоских кровельных черепиц, а также перстень из голубого стекла. Эти находки были определены VIII—X вв. Последующие слои сформировались уже в XIV—XIX вв. Следовательно, появление Средней оборонительной стены относится ко времени до VIII в. или, точнее, между IV и VIII вв. Можно вполне считать, что плато тогда было слабо заселено. Фактически под обрывами и на склонах не обнаружены фрагменты этого времени. В Старом городе единственным свидетельством о существовании поселения является частично уничтоженная при подтеке скалы в период строительства Средней стены зерновая яма; перекрытая квадратной кладкой лицевой панциря.

Более результативными оказались разведки на Бурунчаке, где в период расцвета городской жизни не было застройки и потому сохранились ранние археологические материалы.

Пейзаж Бурунчака резко контрастирует с городской частью. Он представляет обширный луг с отдельно стоящими деревьями, посередине и далее к западу объединяющимися в небольшой лесок. Если бы не открывающаяся слева панорама долины с застилающей ее россышью домов Бахчисарая, создастся впечатление, будто наблюдаешь уголок африканской саванны. Далее на горизонте темнеет приземистый контур Внешней гряды с обширным прогибом Качинской долины. В ясную погоду на закате в той стороне видны солнечные блики на поверхности моря.

Поверхность чуфут-кальской саванны имеет хорошо заметный уклон к западу. Здесь почти не заметны следы человеческой деятельности. В центре мыса, в скале, вырублены два прямоугольных в плане бассейна. В начале 90-х гг. XVIII в. их видел путешествовавший по Крыму академик П. С. Паллас, отметивший, что на мысе когда-то находился ханский зверинец, в котором содержались олени и серны. Один из бассейнов расчищен М. Я. Чорефом в 1970-х гг. Выяснилось, что при площади 12×8 м глубина его составляла 1,1 м. Восточный борт выполнен был в виде двух ступеней, по которым животные могли спускаться к самому дну водоема, вряд ли наполнявшегося до самых краев, сюда могла поступать только дождевая и талая вода, сбегавшая под уклон со скальной поверхности мыса. В настоящее время даже после сильных дождей вода едва покрывает дно бассейна, накоплению ее мешает дерновый слой, активно формирующийся на протяжении последних двух столетий. По краю мыс был обнесен небольшой стеной из дикого камня, не подпускавшей животных к обрыву.

Кое-где среди травы выступают груды камней — следы бывших чисток земли под огородные участки.

Почвенный слой на Бурунчаке очень тонок, практически на любом участке мыса можно увидеть выходы материковой скалы. Даже близ оконечности, где древесная поросль довольно густа, мощность надскальной почвы очень мала, в лучшем случае она достигает 0,5 м.

Однако, исходя из наличия на краю мыса раннесредневековых пещерных сооружений, следует предположить, что он был заселен, хотя и незначительно. Все это не может не привлечь внимания исследователей. Какую роль играл этот луг в жизни поселения? Судя по характеру его памятников и свидетельству путешественников, он служил для выгона скота. Следует отметить, что и на других средневековых поселениях Горного Крыма, например, Мангуше, Эски-кормене, также существовали незастроенные участки, предназначенные для той же цели.

Исследования, энциклопедически проводившиеся на территории Бурунчака в 50—80-х гг. Е. В. Веймарном, М. Я. Чорефом, В. Н. Хоменко и авторами этой книги, показали, что плато было заселено человеком еще в неолите (новокаменном веке), то есть не менее 7 тыс. лет тому назад. В первой половине I тыс. до н. э. здесь появились носители

кизил-кобинской культуры, которых многие исследователи отождествляют с таврами. Вероятно, плато служило убежищем для обитателей обширного кизил-кобинского поселения, исследованного Х. И. Крис в 50-х гг. в ущелье Ашлама-дере. Следующая по времени историческая эпоха отражена в тонком переотложенном культурном слое Бурунчака фрагментами позднеантичных амфор. Их сменяют формы, характерные для раннего средневековья (VI—X вв.). Материалы более позднего времени представлены в этом районе в очень незначительном количестве. Несколько забегая вперед, скажем, что это можно объяснить возведением в XIV в. стены, отделившей Бурунчак от формирувавшегося в это время Старого города, ставшего преградой для попадания на Бурунчак городского мусора этого и последующих времен. Что-то, конечно, приносилось и выбрасывалось людьми, посещавшими мыс, но такие находки попадались, в основном, в дерновом слое.

Наибольшая мощность культурного слоя на Бурунчаке отмечена в расселинах его северо-западной оконечности, где патечная земля накапливалась, останавливаемая стоящими на ее пути стенами, являющимися своеобразными плотинами, — Биюк-исар и Кучук-исар, о которых читатель уже знает.

В 1988 г. у тыльной стороны Биюк-исара был заложен раскоп, достигший на глубине около 4 м поверхности материковой скалы у северного фланга стены. Вероятно, в средней части расселины раскоп был бы глубже еще на 1,5—2 м. Открывшаяся картина достаточно показательна и подтвердила уже сложившиеся представления об основных этапах истории Бурунчака. Выделено три культурных горизонта. Нижний — коричневая земля с мелким известняковым щебнем — содержал малочисленные, но хорошо определяемые находки — фрагменты амфор VI—IX вв. Верхние два слоя датировались XIV—XVII вв. Трудно было бы ожидать на отдаленной окраине крепости, вдали от наиболее освоенной территории плато, изобилия археологических находок, но те немногочисленные, что были добыты, воистину драгоценны. Важно отметить одно обстоятельство. Как отмечалось, оборонительные стены в расселинах превращали их в своеобразные накопители грунта, смываемого с поверхности плато. Вместе с ним попадал бытовой и строительный мусор. Очевидно, он вместе с землей беспрятственно скатывался по склонам в долину. С VI в. на их пути стали оборонительные стены, возведением которых закончилось формирование одной из крепостей на подступах к византийскому Херсону.

Крепость без воды — не крепость. По словам позднеримского теоретика фортификационного искусства Вегеция Флавия Рената «Великим преимуществом пользуется город, если внутри его стен имеются неиссякаемые источники. Если природа этого не дала, нужно выкопать колодцы, как бы глубоко ни пришлось их рыть, и вытаскивать воду сосудами при помощи канатов... Кроме того, во всех общественных зданиях, так же как во многих частных домах, должны быть тщатель-

нейшим образом устроены цистерны, чтобы они служили водоемами для дождевой воды, которая стекает с крыши. Не так легко победит жажда тех, кто находится в осаде, если они за это время станут пользоваться хотя бы незначительным количеством воды, пусть только для питья»²⁹.

До сих пор неясно, как решалась проблема водоснабжения в ранней крепости на чуфут-кальском плато. Примеры других средневековых крепостей Горной Таврики показывают, что обычно сооружались колодцы, перехватывавшие подземные русла источников, выходявших из гротов под обрывами. Наиболее интересен осадный колодец Эски-кермена, пробитый с поверхности плато к истокам грота, в котором был родник. Этот колодец, созданный в VI—VII вв., представлял собой круто наклоненную галерею, которая шестью маршами вела к подножию обрыва. В горизонтальной ее части накапливалось до 70 м³ воды. Эта влага конденсировалась из атмосферного воздуха, проникавшего в трещиноватую толщу мшанковых известняков, слагающих тело эски-керменского плато.

Колодцы другого, шахтного типа, известны в цитадели Мангуша на мысе Тешкли-бурун и в Новом городе Чуфут-кале. Первый был сооружен в XIV—XV вв., а второй не ранее XV в. Принцип выбора места для их сооружения тот же, что и на Эски-кермене — перехват естественных выходов воды под обрывами. Вероятно, такой же колодец был и в крепости Каламит-Инкермане, о котором вплоть до первой половины XIX в. упоминают в своих записках путешественники.

Что касается Чуфут-кале раннесредневекового периода, то до середины 1950-х гг. приходилось ориентироваться на смутные указания поздних авторов о существовании в Старом городе колодца, ведущего за пределы крепости к источнику, находившемуся на склоне горы, недалеко от подножия обрыва. Так М. Я. Фиркович писал о колодце Сукур-кую (слепой колодец), или Тик-кую (прямой колодец), находившемся под Бурунчаком: «Это грандиозный сход, косо вырубленный тоннелем к воде. Отверстие этого тоннеля на Бурунчаке ныне скрыто под кучей камней»³⁰. С. М. Пашал, караимский гахам, упоминает о подземном ходе у малых ворот, ведущем к источнику у подножия скалы. В его время этот вход был забит камнем и песком. Высказывалось предположение, что этот колодец, сходный по типу с эски-керменским, следует искать в расселине, перекрытой оборонительной стеной Пенджаре-исар. Возможно, дальнейшие совместные исследования археологов и геологов позволят решить эту проблему.

Е. В. Веймарн скептически относился к гипотезе о существовании раннесредневекового колодца, полагая, что водоснабжение крепости было организовано иным способом.

В 1958 г. при расчистке пространства между воротами Орта-капу и заложеной оконечности большого рва был обнаружен высеченный в скале желоб, в котором на глиняной подсышке была уложена нитка водопровода. Он состоял из керамических труб длиной 0,46 м и внутрен-

нем диаметре на узком конце 0,07 м каждая. Всего было открыто 22 звена, соединенных гидравлическим известковым раствором. По мысли Е. В. Веймарна, этот водопровод, сооруженный в XI—XII вв., подавал воду в город из источников, предположительно находившихся к востоку от крепости, неподалеку от северо-западной стороны караимского кладбища в Иософатовой долине. Разрушена эта магистраль была в связи с засышкой главного рва в конце XVI—XVII вв.

В этой гипотезе есть ряд уязвимых мест. Так, весьма сомнительно, что из Иософатовой долины могло поступать сколько-нибудь значительное количество воды, поскольку площадь водосбора этого возвышенного участка плато (около 600 м над уровнем моря) невелика, нет и определенных данных о существовании здесь каких-либо заметных выходов воды в период, соизмеримый со временем существования крепости. Нет также никаких следов желоба на предполагаемой его трассе как на территории Нового города, так и за его пределами. Вряд ли желоб, глубиной до 0,4 м (такая глубина была в районе Орта-капу) был полностью уничтожен. Нет и достаточно надежного обоснования даты этого сооружения. Хронология типов гончарных труб совершенно не разработана, в лучшем случае можно различать античные и средневековые звенья. И еще одна существенная деталь. Желобу, проходившему через ворота, вдоль стены так называемого «монетного двора», предшествовал другой, более ранний, пересекавший желоб с трубами. Он отводил воду с территории «монетного двора» или же предшествовавшей ему усадьбы. Очевидно, что данный водоотвод возник в условиях Нового города, когда пространство перед Средней стеной было застроено, а ров заложен, иначе имело бы смысл сбрасывать дождевую и снеговую воду в ров, а не в воротный проезд.

Возможно, открытая раскопками 1958 г. система предназначалась для перехвата ливневых вод, сбегавших по выбитой в скале дороге к воротам Орта-капу. Этот водопровод подводит к искусственной пещере, над которой установлен каменный колодезный сруб. К нему устремлены и другие желоба. Из этого резервуара брали воду для скота и технических целей еще в XIX в.

Одной из проблем истории античного и средневекового Крыма является отождествление конкретных городищ с пунктами, упоминаемыми в скудных письменных источниках. Неоднократно предпринимались попытки определить, как называлась «крепость драгоценностей» в дотатарский период. Пожалуй, наиболее оригинальную точку зрения высказал в 1883 г. известный краевед В. Х. Кондорак, видевший в Чуфут-кале тавро-скифский город Неаполис³¹. Никаких серьезных доводов для обоснования этого он не привел. Наиболее

²⁹ В настоящее время утвердилось мнение о локализации Неаполя на месте городища Керменчик на юго-восточной окраине Симферополя. См.: В. Б. С. о т с к а я Т. Н. Скифские городища. — Симферополь: Таврия, 1989.

оживленно обсуждалась связь городища с Фуллами. Первое упоминание этого топонима содержится в рассказе византийского историка Меландра о посольстве, направленном в 579 г. императором Тиберием в Тюркский каганат, владения которого простирались в это время до восточного побережья Азовского моря. Ни в этом, ни в более поздних источниках не содержится определенных указаний на местоположение Фулл, хотя упоминаются они в связи с весьма важными обстоятельствами. Так, в «Житии Иоанна Готского», повествующем об антихазарском восстании в Таврике в 80-х гг. VIII в., сообщается о пленении хазарами вождей восстания — архиепископа Иоанна Готского и «осиодина Дороса» и о заточении их в Фуллах. Отсюда Иоанну удалось бежать и отплыть в Амастриду на южном берегу Черного моря.

С Фуллами связан эпизод в деятельности Константина Философа (в монашестве Кирилла), одного из создателей славянской азбуки. Возвращаясь из хазарских владений, куда он прибыл для участия в религиозных диспутах, Константин перед отплытием из Херсона успел посетить Фуллы, вероятно находившиеся где-то неподалеку. Здесь он, по сообщению «Жития», успешно проповедовал христианство среди местных язычников и убедил их срубить дуб, которому они поклонялись.

В конце IX в. была образована Фульская епархия, которая неоднократно в дальнейшем, вплоть до XV в., то сливаясь с Сугдеевской (Сугдо-Фульская), то вновь становилась самостоятельной. Во второй половине XV в. Кафа стала центром униатской Фульской епархии, а в начале XVII в. упоминаются раздельно Кафская и Фульская епархии.

Поиски связать Фуллы с конкретными памятниками делались неоднократно. Насчитывается более 15 вариантов их локализации. В настоящее время в научном обиходе осталось три.

В. В. Кропоткин, исходя из географических сведений, содержащихся в источниках, помещает Фуллы на юго-восточном побережье Крыма на месте средневекового городища Теисень (Планерское).

Еще в конце XVIII в. в статье Тунманна «Крымское ханство» высказано было мнение о совпадении Фулл с Чуфут-кале. В дальнейшем А. Л. Бертъе-Делагард и А. Л. Якобсон немало поработали над усилением аргументации этой версии.

В 1968 г. была опубликована статья (уже упоминавшаяся) Е. В. Веймарна, посвященная итогам раскопок Чуфут-кале. Изложив в ней вывод о появлении города на чуфут-кальском плато в XI—XII вв., автор, естественно, отверг его связь с Фуллами, упоминавшимися в VI—IX вв. По его мнению, Фуллы могли находиться по соседству и соответствовать городищу Кыз-кермен, впервые упомянутому

* Дорос — крепость в Юго-Западной Таврике, захват которой хазарами послужил поводом к восстанию. Она может быть локализована на Мангульском плато.

П. С. Палласом еще в конце XVIII в. Е. В. Веймарн исходил из того, что на близком расстоянии (около 3 км) не могли существовать два крупных поселения; одно из них должно было сменить другое. Таким образом, Кыз-кермен предшествовал Чуфут-кале.

Систематические раскопки Кыз-кермена, проводимые сотрудником Бахчисарайского музея А. В. Белым с конца 70-х гг., подтвердили дату угасания городища, установленную А. Л. Якобсоном, — IX в., а Фуллы, Фульская епархия, как уже отмечалось, продолжали существовать еще более пяти веков.

Можно констатировать, что пока положение Фулл на исторической карте Крыма определить не удастся. Ни один из предполагаемых вариантов локализации не может связать воедино имеющиеся данные. Вопрос остается открытым, и, несомненно, к нему еще не раз будут обращаться исследователи средневековой истории Крыма. Выяснение его затрудняется и нашим слабым знанием средневековой топонимики Крыма. Во-первых, источники не дают ответа на вопрос, что понимать под Фуллами — город, область или то и другое. Во-вторых, мы не можем гарантировать, что разные источники не упоминают разные поселения, то есть то, что в Крыму, возможно, были не одни Фуллы. Так, А. Л. Бертъе-Делагард находил в южной части полуострова не один топоним с корнем «фул» — «фил». То же можно сказать и о других топонимах. Например, под именем Феодоро известны княжество в горной части Юго-Западного Крыма, его столица, расположенная на Мангупе, и какое-то поселение на побережье (оно отмечено на ряде средневековых карт). Например, центр Готской епархии сначала находился в Партенитах, затем перекочевал на Мангуп, а еще позже им стал Успенский монастырь. Возможно, что такое могло произойти и с Фульской епархией. Вероятно, этим можно объяснить ее соединение то с одной епархией, то с другой.

В V—VI вв. Византия активно укрепляет старые города и сооружает новые крепости в горных пограничных районах, стремясь остановить усилившийся поток варваров. Пик фортификационного строительства приходится на эпоху Юстиниана I (527—565 гг.). Не осталась в стороне и Таврика. Одним из первых деяний Юстиниана здесь было подчинение Боспора, принадлежавшего до этого гуннам. В Боспоре и Херсонесе ремонтируются городские стены, на южном берегу появляются крепости Алустон и в Горзувитах. Таким образом, Византия устанавливает военный контроль по всей береговой линии Юго-Западной и Юго-Восточной Таврики.

В горной области военными союзниками империи были готы и аланы, находившиеся на положении федератов. Для их защиты и организации возводятся «длинные стены», местоположение которых в последние годы уточняется. Термин «готаланы», употребляемый некото-

рыми авторами для обозначения этих федератов, возможно, правильно определяет их этнический состав. Пока трудно судить, были ли как-то разграничены территории расселения готы и аланов или же они представляли когломерат с выраженным преобладанием аланских черт, что, как отмечалось, отражено в погребальном обряде могильников «пещерных городов».

В то же время есть указания источников XIV—XV вв., отождествляющих Кырк-ор именно с областью расселения аланов-асов. Сохранили свой язык и этническое самосознание и крымские готы, достоверные упоминания о которых встречаются вплоть до XVI в. В середине XV в. Иосиф Барбаро, венецианский путешественник, описывая остров Кафы, то есть Крым, говорит о существовании к западу от столицы генуэзских владений на полуострове области Готии, а далее по побережью Алании. Как известно, генуэзской администрации было создано Кашиганство Готия, занимавшее территорию от Чембало (Балаклавы) до Алушты, а возможно, и до Туака (Рыбачье).

Пока набеги кочевников не были направлены на аннексию земель, «длинных стен» было вполне достаточно для их отражения. К тому же, по всей видимости, строительство и содержание стен обходилось дешевле, чем крепостей. Юстиниан I, несмотря на размах строительства, весьма бережливо подходил к финансам. Однако при целенаправленном наступлении противника прорыв линейной обороны в одном месте приводил к катастрофе. Поэтому с изменением политической обстановки во второй половине VI в. византийским наместникам Таврики пришлось усиливать систему защиты. Это время характеризуется упадком империи: огромные финансовые затруднения, военные неудачи, выразившиеся в потере практически всего, что было завоевано при Юстиниане, усилившийся натиск на границы. Затронул этот процесс и Таврику. Сюда вплотную подходит граница Тюркского Каганата, а в 570 г. тюрки уже разграбили Боспор. Не имея возможности активно отражать неприятеля на всех направлениях, византийские императоры перераспределяют силы. Основные были брошены на борьбу с Персией, где фактически решалась судьба империи. В других местах, где также ощущалось давление варваров, но не в такой степени, создаются экзархаты — Равеннский и Карфагенский. Экзархаты представляли собой полунезависимые области, в которых экзарх возглавлял как военные силы, так и гражданскую администрацию, и подразумевала защиту своих территорий собственными силами без привлечения вооруженных сил центра империи.

О вхождении Юго-Западного Крыма в состав экзархатов у нас нет сведений. Здесь, по всей видимости, несмотря на усиление натиска тюрков, политическая обстановка продолжает оставаться относительно спокойной. Более того, в это время Византия здесь расширяет свои владения, осваивая дальнюю округу Херсона путем строительства

опорных пунктов. Тогда же и возникают в горном Юго-Западном Крыму крепости, некоторые из них известны нам как «пещерные города». Гарнизоны их состояли, очевидно, из местных жителей: такая практика была обычной для византийской периферии. Строились они под руководством византийских инженеров, с привлечением строительных артелей Херсона, но силами местного населения. Необходимо отметить, что к интересующему нас времени Византия начинает строить подобные сооружения не только руками федератов, но и за их счет.

Вполне понятно отсутствие упоминания о строительстве крепостей в Таврике в источниках. Внимание летописцев было приковано к делам на востоке, а относительно спокойная дальняя провинция их мало интересовала. Крым выявляется в источниках только в связи с какими-то значительными событиями, например, ссылка сюда свергнутого императора Юстиниана II. С другой стороны, нам известно, что строительная деятельность в империи не прекращается. Строятся крепости в Подунавье, хотя и не в таком количестве, как при Юстиниане I. Не является исключением и Крым, о чем свидетельствуют эшиграфические источники. Известны строительные надписи этого времени, одна из них, относящаяся ко времени правления Юстина II (565—578 гг.), найдена в Херсоне, другая, датированная 590 г., обнаружена на Боспоре. Эти крепости вполне соответствуют финансовому положению империи того времени. Ведь за исключением Манг уша-Дороса, центра Крымской Готии, который начал возводиться еще при Юстиниане I с присущим ему размахом, и Эски-кермена, строительство остальных, возникших, очевидно, несколько позже, обходилось не так дорого, и вполне было под силу местному населению.

Соответствуют этому и пещерные сооружения, вырубать которые было гораздо дешевле, чем строить наземные.

Тот факт, что крепости принадлежали местному населению, но были под определенным контролем Византии, подтверждают и скудные письменные источники. Так, посланный в Херсон римский паша Мартин в своих письмах указывает на крепости местных племен в окрестностях города. «Сосланные в Херсон при Ираклии (византийский император, 610—641 гг.) Евреий и Феодор были часто разлучаемы насильно и отправлены в укрепления соседних племен.³² Из источника следует, что эти укрепления подчинились Византии, так как трудно допустить, чтобы оппозиционеров могли отправить в неконтролируемые правительством места. В начале VIII в. эту же ситуацию рисуют события, связанные уже с упоминавшимся Юстинианом II. По словам византийского хрониста Феофана, правители крепостей, узнав, что вновь вернувший себе престол Юстиниан II намерен расправиться с не поддерживавшими его жителями Таврики, «приняли меры безопасности и, вынужденные задумать (что-то) против василевса, послали к хакану в Хазарию просить войско для своей охраны»³³, вместе с херсонеситами «жители других крепостей» отвергли Юстиниана и провозгласили василевсом ссыльного Вардана-Филиппика.

Вполне возможно, что в число этих крепостей входила и твердыня на чуфут-кальском плато. Причем, это было не густо застроенное поселение, а, скорее, убежище с небольшим постоянным гарнизоном. Было оно также культовым центром области, населенной аланами, постепенно переходившими в христианство. Не удивительно, что на плато и его склонах не удастся обнаружить сколько-нибудь значительного археологического материала раннесредневекового времени. Жизнь в основном концентрировалась в окрестных поселениях, жители которых в случае угрозы со стороны кочевой степи со скотом и прочим движимым имуществом укрывались в крепости. Можно представить, как через ворота в стене, которая только через тысячелетие станет Средней, шел блеющий, мычащий скот, скривили колеса двукольных повозок, влеко-ных невозмутимыми быками, сустились по бокам колонны вооруженные люди, тревожно оглядывавшиеся на запад. Оттуда из продольной долины, разделяющей Внешнюю и Внутреннюю гряды, чаще всего исходила угроза. По ней кочевники могли из степей полуострова проникнуть глубоко в Горную Таврику, приближаясь к византийским владениям, к их форпосту — Херсону.

В такое время поверхность плато напоминала обширную рыночную площадь. То там, то тут возникали импровизированные жилища, шатры, составлялись кибитки, разгонялись по отдельным гуртам домашние животные. Этот пестрый шумный табор не утихал до поздней ночи. Возле главной оборонительной стены и пещер, в расселинах, горели костры, возле которых шовалку спали воины гарнизона и добровольные защитники крепости — вчерашние пастухи и земледельцы. На стенах тускло поблескивали острия копий, изредка позвякивал металл: оружие соударялось с пряжками и наконечниками поясов — обязательными атрибутами одежды воина.

За их спинами не было ни усадеб, ни стен, ни зарослей — только голая скала, временно обжитая людьми. Лишь недалеко от ворот высилось белое здание под оранжевой черепичной крышей, — базилика. Через много столетий на этом месте вырастут жилые дома, хозяйственные постройки, протянутся заборы усадеб. В их кладки, как древняя кровь в жилы отдаленного потомства, войдут детали этого великолепного храма, возможно, носившего имя Пресвятой Богородицы. А еще позже руины усадеб окончательно скроют его место, оставив слабый, рассеянный след и надежду верить нам еще одну сокрытую временем драгоценность.

Глава II. В СТРАНЕ МАЛЫХ АЛАН

«Керкер или Керкри... находится на краю седьмого климата в стране Асов, его имя значит по-турецки сорок человек; это укрепленный замок, трудно доступный; он опирается на гору, на которую нельзя взойти. На верху горы есть площадь, где жители страны (в минуту опасности) находят убежище. Этот замок на некотором расстоянии от моря; жители принадлежат к племени Асов... Керкер находится на север от Сары-Кермена (Херсонеса. — *Авт.*); между этими двумя местами один день пути»³⁴. Данный отрывок взят из сочинения «Таквим аль-бульдан» — «Устройство стран» — главы «О седьмом климате» выдающегося арабского ученого-энциклопедиста Абу-ль-Фиды (Абу-ль-Фида Имад ад-Дин аль-Малик аль-Муй-ад-Исмаил ибн Али аль-Ашоби). Он принадлежал к роду знаменитого султана Саладина, хорошо знакомого читателям по роману Вальтера Скотта «Ричард Львиное Сердце». Абу-ль-Фиде с юношеских лет пришлось большую часть жизни провести в войнах с крестоносцами и монголами. Будучи эмиром города Хамы, он прославился не столько как правитель и военачальник, сколько своими учеными трудами.

Встречающийся в сочинении Абу-ль-Фиды термин «климаты» будет упоминаться еще не раз, поэтому поясним его.

Во-первых, климаты — широтные пояса, на которые античные и средневековые географы разбивали поверхность Земли. Выделялось 7 климатов; последний из них, по определению одного древнеисландского географического трактата, «называется Диаборисфен; он идет от Меотийских болот и до Рифейских гор и на севере от государства Германии и далее на запад по Энглану до моря»³⁵.

Во втором значении климатами называлась область в Таврике, в которой находились крепости, принадлежавшие сначала Византии, а затем перешедшие к хазарам. Впервые они упомянуты византийским летописцем Феофаном по поводу ссылки римского пашы Мартина «в Херсон и климаты» в 655 г., затем в описании событий, связанных со

ссылкой в Херсон императора Юстиниана II (695 г.), его бегством оттуда к хазарам (705 г.), возвращением на константинопольский престол с помощью болгарского хана Тервела и организацией карательной экспедиции против Херсона (710—711 гг.). Поводом для последней якобы явился заговор против Юстиниана II со стороны «херсонитов, босфорян и остальных климатов». Ниже в том же отрывке говорится о жителях крепостей, обратившихся за помощью к хазарам для отражения византийских карателей³⁶.

В сочинении византийского патриарха Никифора «Бревиарий», в описании тех же событий, упоминаются жители архонств, которых приказал истребить Юстиниан II. Таким образом, в третьем значении под климатами надо понимать крепости, расположенные на пространстве между Херсоном и Боспором в горной части Таврики, управляющиеся архонтами, то есть византийскими военными чиновниками. До двадцати из них попали в руки посланных Юстинианом в Херсон карателей и были убиты в море. В число климатов наверняка входила крепость Дорос (Машуш), в которую в свое время бежал из ссылки Юстиниан II и оттуда добрался на Боспор в ставку хазарского кагана. В конце VIII в. Дорос был захвачен, что привело к антихазарскому выступлению, вошедшему в историю как восстание Иоанна Готского.

В сочинении византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», написанном в 948—952 гг., говорится о «крепостях климатов», находящихся между Херсоном и Боспором, подвергающихся нападениям пачинактов (печенегов). В трактате названо количество климатов — девять. Они играли важную роль в жизни Хазарии, отсюда она получала «изобилие», но для этого хазары вынуждены были совершать в область климатов походы для сбора дани. Правитель кавказской Алании мог нападать на хазар, идущих в климаты, и это устраивало византийцев, усиливших в X в. свое влияние на полуострове.

В другом источнике — так называемой пространной редакции письма Хазарского кагана Иосифа к визирю испанского халифа Хасдаю ибн-Шаируте — указаны пограничные пункты, которыми владели хазары в Таврике: Керчь, Судак, Алушта, Ламбат, Партегит, Алушка, Машуш, Кут (вероятно, Эски-кермен), Алма (Бакла?), Бурлок (?), Грузин (?). Возможно, среди них находились и те, которые значились как климаты³⁷. И хотя Кырк-ор в этом перечне не назван, он вполне мог подразумеваться среди прочих климатов, так как находится в глубине, а не на окраине их области. Вероятно, западная ее часть была заселена аланами, о чем позволяет судить так называемое «Аланское послание епископа Феодора» (первая половина XIII в.). Феодор был направлен для проповеди христианства в кавказскую Аланию и добрался к своей пастве через Херсон. Отсюда, преследуемый какими-то недругами (в «Послании» они конкретно не названы), Феодор со спутниками становится «беглецами в аланском селении неподалеку от Херсона», ибо «близ

Херсона живут Аланы, столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонцев, словно некоторое ограждение и охрана города». Несмотря на угрозу нападения со стороны недругов Феодора, аланы не выдали епископа, и он смог благополучно продолжить свой путь на Кавказ³⁸.

По мнению известного исследователя аланской культуры В. А. Кузнецова, не исключено, что малые аланы, упомянутые Феодором, обитавшие близ Херсона, и малые аланы у Константина Багрянородного, защищавшие Херсон и климаты от хазарских набегов, относятся к этнической группе алан Юго-Западной Таврики, родственной большим северокавказским аланам³⁹.

О расселении алан рядом с готами на территории Крыма свидетельствует источник, близкий по времени к сочинению Абу-ль-Фиды. Марино Сапуло, венецианский летописец, в письме к французскому королю Филиппу IV (1344 г.) указывает среди народов, попавших в зависимость от татар в Газарии (так назывался Крым в итальянских городах), готов и алан⁴⁰. Достаточно определено указание венецианского купца и дипломата Иософата Барбаро о размещении Алании в юго-западной части полуострова: «Далее за Кафой по изгибу берега на Великом море находится Готия, за ней Алания, которая тянется по «острову» в направлении Монкастро». Причем реальным было не только географическое, но и этническое разграничение: «... благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы, они завоевали эти страны и смешали свое имя с именем алан. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами и те и другие следуют обрядам греческой церкви»⁴¹.

Практически все исследователи крымского средневековья отождествляли Кырк-ор с главной крепостью крымских алан, в которой нашел убежище Феодор. Прямым подтверждением этому является замечание арабского географа Ал-Калкашанди (нач. XV в.) о том, что центром страны асов, зависимой от Золотой Орды, является крепость Киркир⁴². А турецкий историк XVIII в. Аали-Эфенди писал на основе древних источников: «Кырк-эр есть крепость из городов ассских на севере от Сары-Кермена»⁴³. Как уже отмечалось, Сары-керменом мусульманские авторы именовали Херсон.

В послании кардинала Германа II (1237 г.), патриарха константинопольского, аланы названы в числе народов, следующих христианству⁴⁴. Еще более определенные сведения о крымских аланах сообщает В. Рубрук, в июле 1253 г. направлявшийся из Судака к Перекопу. В степи он встретился с аланами, «которые именуются там Аас, христиане по греческому обряду, имеющие греческие письмены и греческих священников. Однако они не схизматики подобно грекам, но чтут всякого христианина без различия лиц»⁴⁵. Именно эти благочестивые аланы и предоставили убежище епископу Феодору, хотя, с точки зрения католика Рубрука, он был схизматиком, раскольников. Как известно,

раскол в христианстве на православную и католическую церкви произошел в 1054 г. В 1204 г. Константинополь был захвачен крестоносцами и до 1261 г., несмотря на то, что Византийская империя практически не существовала, православный патриарх сохранился и продолжал назначать епископов и курировать население, исповедовавшее православие. Вероятно, крымским аланам были не знакомы нюансы конфессионального конфликта, и они не делали особых различий между представителями Константинополя и Рима. Хотя по всем свидетельствам они были христианами византийского (греческого) толка, на что прямо указывал и Рубрук.

Можно с уверенностью считать, что встреченные Рубруком асы-аланы были обитателями Юго-Западной Таврики, знали толк в торговле. Получив от слуг Рубрука переры, то есть золотые монеты, «они терли их пальцами и подносили к носу, чтобы узнать по запаху, не медь ли это». Видимо, им были хорошо знакомы византийские монеты, в которых в XIII в. содержалось до 1—3 лигатуры (примеси меди).

Однако вернемся из степей в горные долины Таврики и попытаемся взглянуть на страницах каменной книги истории Кырк-ора следы алан. Сделать это весьма непросто: некрополи X—XIII вв., принадлежавшие христианскому населению крепости и ее окружи, пока еще не обнаружены. В наиболее полно изученном могильнике в Майрьям-дере самые поздние захоронения относятся к X в. Есть еще обширное караимское кладбище в Иисофатовой долине, там имеются надгробия с датированными эпитафиями раннесредневекового времени, есть даже упоминание в одной из них под 706 г. имен Моисея и Гошла Алани⁴⁶. Однако ранние надгробные тексты этого кладбища, к сожалению, нельзя использовать в качестве источника без серьезного научного анализа. Что касается городища, то археологические материалы, которые можно было бы отнести к XI—XIII вв., на нем, да и в его ближайших окрестностях, не найдены. Впрочем, это объяснимо, если учесть слова Абу-ль-Фиды о том, что жители окружи поднимались в крепость только лишь в случае военной опасности, то есть она использовалась, как и в раннем средневековье, в качестве временного убежища. И все же к одному памятнику нам хотелось бы привлечь внимание читателя.

Преодолев подъем по туристской тропе от подножия до ворот Кичик-капу, можно увидеть искусственные пещеры. Перед стеной их насчитывается 12, расположены они в три яруса. За воротами пещеры зияют по обе стороны дороги, ведущей в глубь городища. Слева они расположены в три, а справа в четыре яруса. Всего здесь насчитывается 32 помещения. Внимательно всмотревшись в подробный план этого участка, можно установить следующее. Помещения, расположенные как перед, так и за стеной, схожи между собой размерами и планировкой. Кроме того, можно разглядеть следы вырубленных в скале лестниц, когда-то связывавших помещения разных ярусов. Лестницы эти местами пересека-

ются кладкой оборонительной стены. К тому же расположение щелей перед стеной и даже непосредственно под ней противоречит всем канонам фортификации. Ведь они ослабляли оборону, позволяя противнику накашливаться в них, не подвергаясь обстрелу защитников. Из этих наблюдений можно сделать следующие выводы. Пещеры появились в распадке на южной стороне плато ранее сохранившейся оборонительной стены. Первоначально они составляли единый комплекс, в котором можно выделить три типа помещений. К первому относятся две пещеры верхнего яруса, близкие к упоминавшимся бурунчакским. Одна расположена под стеной позднесредневековой усадьбы, а вторая, полуразрушенная, — рядом с дорогой, выходящей на Кенасскую улицу. Второй тип представлен наибольшим количеством помещений. Внешне они похожи на предыдущие, но главное отличие состоит в характере обработки стен. На них запечатлены следы рубящих орудий в виде глубоких параллельных борозд, расстояние между которыми составляет 0,12—0,2 м. Такие помещения есть по обе стороны крепостной стены. К третьему типу относятся пещеры хорошо выраженной четырехугольной в плане формы, с резкими, а не скругленными, как в предыдущих типах, углами. Стены гладко обработаны, на них незаметны следы ударов орудий.

Достаточно определенно можно утверждать, что эти три типа неодновременны, каждый из них соответствует определенному периоду. Это подтверждают и следы острожек.

Попробуем определить хронологию памятников, составляющих комплекс в районе Кичик-капу. Как уже говорилось в первой главе, на начальном этапе создания крепости в конце VI—VII вв. расщелина на южном склоне была защищена оборонительной стеной, располагавшейся в 15—20 м к северу от сохранившейся. При ней находились вырубленные в скале укрытия для караульных. Легко догадаться, что помещения первого типа как раз соответствуют этому периоду и данной оборонительной линии. Возможно, таких сторожек было больше, но их разрушили или же значительно расширили в последующее время.

Больше всего вопросов вызывает многочисленная группа пещер второго типа. Возникли они в достаточно малом хронологическом интервале, на что указывает их большое сходство между собой. Что касается назначения этих пещер, то можно уверенно отвергнуть предположение об их хозяйственном использовании. В них отсутствуют зерновые ямы и вырубки для установки шифсов, нет и следов приспособлений для содержания домашнего скота. Не были эти пещеры и оборонительными. Для этого они слишком многочисленны, в них нет следов амбразур, да и расположены они в несколько ярусов на доступном для подъема склоне, а не на господствующих над местностью высотах.

Пожалуй, наибольшее сходство этот комплекс внутрискальных помещений имеет с пещерными монастырями Горной Таврики. В том, что христианский монастырь мог быть в крепости или рядом с ней,

ничего удивительного нет. Во-первых, здесь по крайней мере до середины XIV в. обитало аланское население, исповедовавшее христианство. Во-вторых, на других укрепленных поселениях Таврики, например, Мангуше, Эски-жермене, Теше-жермене также существовали подобные монастыри. Нередко они располагались поблизости от крепостей, например Чилтер-коба рядом с Сюренской крепостью. В обрыве под крепостью Каламита был крупный пещерный монастырь. Разумеется, таких аналогий, подкрепленных самыми обилиями соображениями, недостаточно для окончательного заключения о назначении комплекса у Кичик-кауу. Для этого не хватает весьма существенной детали — храма, обязательного атрибута христианского монастыря. В настоящее время в этом районе, да и вообще на городище, не обнаружено какого-либо пещерного сооружения, в котором можно было бы предположить христианскую церковь. Но обратимся к литературе прошлых лет, а также к данным последних архитектурно-археологических исследований.

В книге А. В. Попова «Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай» (1888 г.) читаем: «Все повернули влево и стали подниматься по довольно крутой тропинке. Вскоре показалась между развалинами разработанная для пешеходов дорожка с камнями в виде ступенек, значительно облегчавших подъем. Направо по входе в ворота, при разделении дорог, были осмотрены остатки пещерной церкви, по указанию сторожа, по его словам, здесь была живопись, возле церкви усыпальница, из больших пещер некоторые окружены выдолбленными возвышенностями, может быть, тоже усыпальницы. В церкви алтарная часть полукруглая, в тех местах, обратил внимание гул пустоты»⁴⁷.

Караимский гахам обратился в Таврическую ученую архивную комиссию (ТУАК) с просьбой «осмотра и исследования» этого открытия. Ее члены осмотрели пещеру и пришли к выводу: «Ввиду изложенного мы не решаемся утверждать, что осмотренная нами с особой тщательностью пещера могла быть когда-нибудь христианской церковью и скорее готовы высказать предположение, что она, в позднее время служила обыкновенным жильем для людей»⁴⁸.

В дальнейшем В. П. Бабенчиков вернулся к предположению о принадлежности данного помещения к христианскому культовому комплексу⁴⁹. В 1970-х гг. М. Я. Чорев обследовал предполагаемую церковь, а в соседнем помещении раскопал усыпальницу с находившимися в ней человеческими костями⁵⁰. Возникло вполне обоснованное мнение о том, что, вследствие позднейших переделок, первоначальный облик церкви изменился. Важно отметить, что на стенах пещер данного комплекса были обнаружены процарапанные христианские символы — кресты.

Есть здесь и помещения с гробницами, по форме аналогичные тем, которые имеются в других пещерных монастырях.

Интересно помещение № 39. Вдоль стен вырублена скамья. В полу

выдолблены четыре ямы, очевидно, для очагов. У входа в полу две хозяйственные ямы. Все это говорит о том, что данное помещение могло быть трапезной.

Итак, есть все основания предполагать наличие в этом месте монастыря. Когда же он возник? Видимо, когда в Юго-Западном Крыму окончательно утвердилось христианство и появились другие пещерные монастыри.

В связи с этим подробнее рассмотрим вопрос о времени их зарождения. Тем более, что он имеет прямое отношение к памятнику, тесно связанному с Чуфут-кале, — Успенскому монастырю.

В 1877—1878 гг. русский византист В. Г. Васильевский опубликовал два агиографических источника — Житие Стефана Нового и Иоанна Готского, на основании изучения которых он пришел к выводу о значительной иконопочитательской иммиграции в Крым, в результате чего полуостров превратился в ослот иконопочитания. А в начале XX в. Ю. А. Кулаковский, как уже отмечалось, очевидно находившийся под влиянием авторитета В. Г. Васильевского, выдвинул гипотезу о возникновении крымских пещерных монастырей в VIII—IX вв. и их связи с иконопочитателями. Причем сам исследователь отмечал, что ничего ранее XII—XIV вв. в пещерных монастырях он не обнаружил, однако все же писал, что «начало пещерножителства можно все-таки отнести к эпохе иконоборчества. Основанием для такого предположения является сходство в типе между крымскими сооружениями и в Южной Италии и Сицилии»⁵¹.

Эпоха иконоборчества — период византийской истории с 726 по 842 г. Инициатором иконоборчества явился император Лев III Исавр (717—741 гг.), затем эту политику проводил его преемник Константин V Копроним (741—775 гг.). Формально иконоборчество возникло как движение против почитания икон, распространение которых представляло часть византийского общества во главе с императорами как усиление языческих традиций, возврат к идолопоклонству. Однако истинные причины его гораздо сложнее. Иконоборчество зародилось как протест «против богатой городской церкви с ее пышным официальным культом, бесчисленным паразитическим городским монашеством... Оно было во многом движением тех новых социальных сил, которые преодолевали неизжитое старое и способствовали формированию новой (феодальной. — *Авт.*) Византии. Императоры иконоборцы не только опирались на эти силы, но были, по существу, выразителями их интересов»⁵². Запрет устанавливать иконы и изъятие у церкви земель вызвали сопротивление у части общества. Оппозицию правительству составили в основном старое городское духовенство, монашество, остатки прежней знати и значительная часть зависимого от них городского торгово-ремесленного населения и бедноты. Сопротивление иконопочитателей было настолько сильным, что императоры были вынуждены перейти к репрессиям: часть монастырей была закрыта, монахов

отдавали в солдаты, насильно женили. Это вызвало монашескую эмиграцию в места, где власть императоров была слабой. Именно с ней и связывалось появление в Юго-Западном Крыму пещерных монастырей.

Эту гипотезу поддержали практически все последующие исследователи. Однако, несмотря на кажущуюся правдоподобность, она имеет немало слабых мест. Остановимся на этом вопросе более подробно.

К пещерным монастырям VIII—IX вв. обычно относят Иккерманский, Шулдан, Челтер-кобу, Чилтер-мармара, Успенский, Качикальси, а отдельные исследователи и Тепе-кермен. Имеются ли в этих пещерных монастырях реальные памятники VIII—IX вв.? Наиболее ранние надписи, известные в пещерных сооружениях, относятся ко времени не ранее XII в., это же можно сказать и о фресках.

Отсутствие в пещерных сооружениях раннего культурного слоя крайне затрудняет их датировку. Пока археологические работы на пещерных монастырях не дали комплексов VIII—IX вв., связанных с внутрискальными сооружениями.

Остановимся на широко распространенном убеждении о сходстве пещерных монастырей Крыма и других регионов. Обычно привлекаются аналогии из Южной Италии, Малой Азии, Кавказа и Болгарии. Необходимо отметить, что внешняя однотипность монастырей (тем более принадлежащих к одному христианско-византийскому кругу) будет проявляться неизбежно, так как все они вырублены в вертикальной скале. Рельеф юго-западного Крыма и горных районов Малой Азии, Южной Италии, Болгарии весьма сходен, что также придает внешнее сходство постройкам. Помещения вырубались в вертикальной скале одними инструментами, не менявшимися веками. Поэтому Успенский монастырь, большая часть сооружений которого относится к середине XIX в., на первый взгляд мало отличается от более ранних христианских пещерных обителей.

Важно отметить, что привлекающиеся обычно в качестве аналогий крымским пещерным монастырям Кавказа и Болгарии в большинстве своем основаны не ранее XII в.

Что касается Малой Азии, то путешествовавший по ней в конце прошлого века известный русский ученый-искусствовед Я. И. Смирнов не нашел ни одного ранее X в. Эти выводы в основном подтверждают и современные исследователи.

Более того, в вышедшей в 1985 г. монографии Л. Родли «Пещерные монастыри византийской Кашадокии» отмечается, что монастыри там являются не ранее XI в. К более раннему времени относятся отдельно стоящие кельи, большинство которых датируется концом IX—X вв., то есть послеконоборческим периодом. Таким образом, ни о каком перенесении пещерных монастырей в Крым из Малой Азии в VIII — первой половине IX в. говорить не приходится.

То же можно сказать и о Южной Италии, где основная

масса пещерных монастырей возникает после восстановления иконопочитания в 842 г.

Что касается Таврики, то, как уже отмечалось, Ю. А. Кулаковский не находил пещер древнее XII в., А. Л. Бертъе-Делагард, занимавшийся изучением пещерных сооружений Крыма, считал, что они появляются не ранее X—XII вв. Н. Л. Эрст, основываясь на памятниках культовой скальной архитектуры, относил крымские пещеры к XII—XIII вв.

Сторонник ранней датировки пещерных монастырей, знаток византийской архитектуры, А. Л. Якобсон выявил всего два памятника, относящихся, по его мнению, к VIII—IX вв. Это пещерные церкви в Иккерманском монастыре и на Тепе-кермене. Причем в датировках он основывался на своей же концепции непродолжительного существования базилик, а также на херсонесских аналогиях. Им вполне справедливо было замечено, что «непосредственные образцы архитектурных форм пещерных базилик строители черпали в Херсоне (Херсонесе)». Однако нельзя забывать, что пещерная архитектура консервативна. Поэтому если в Херсоне базилики и строились в VIII в., то воплотиться в скальной архитектуре они могли позже. В Византии известны пещерные базилики XI—XII вв.

Рассмотрим топографические особенности пещерных монастырей Крыма. Нетрудно заметить, что все они не были серьезно укреплены и обычно стояли на древних дорогах, то есть на людных местах. К ним и сейчас есть относительные удобные подходы. Создается впечатление, что монахи были хозяевами положения, им некого было опасаться — ни иконоборцев, властвовавших в Херсоне и Таврике, ни их союзников — хазар. Известно, что в недоступные для императора места бежали наиболее фанатичные монахи, большинство же просто подчинялось требованиям правительства. Поэтому вряд ли гонимые монахи основывали монастыри в беспокойном Крыму у всех на виду. Обратимся к письменным источникам. О монашеской иммиграции на северные берега Черного моря сообщает всего один источник — «Житие Стефана Нового»; другие же, обычно используемые в качестве доказательства иконопочитательской иммиграции в Таврику, либо ничего не говорят об этом, либо повествуют о ссылке, а не бегстве в Крым представителей иконопочитания.

Остановимся более подробно на «Житии». Один из идеологов иконопочитания — Стефан Новый, видя, что ситуация в империи складывается в пользу иконоборцев, которые перешли к репрессивным действиям в отношении фанатиков-иконопочитателей, сообщает своим последователям три района, на которые не распространяется власть императоров-иконоборцев. Это, «во-первых, северные склоны Евксинского Понта, бережные его области, лежащие по направлению к Зикхийской епархии, и пространства от Босфора, Херсона, Никоисса по направлению к Готии низменной, во-вторых, области, лежащие по Парфенийскому морю, именно митрополии Никонопольская, насупротив

Старого Рима, Неаполь до реки Тибра, острова Кипр»⁵³. Таким образом, в отношении северопричерноморских областей источник дает лишь общие ориентиры.

Известно, что автор «Жития» лично не знал этих мест, и, естественно, какие-то факты могли быть им искажены и упущены. Рассмотрим указанные в «Житии» «побережные его области, лежащие по направлению к Зикхийской епархии». С ними относительно ясно — это Кавказское побережье, которое действительно было иконопочитательским. Во втором отрывке Боспор и Херсон выступают не как места, куда можно стремиться, а как крайние пункты Крымского побережья, причем нет даже намека, что эти города находятся в области иконопочитателей. Теперь о так называемой «низменной Готии». Если под этим термином вслед за многими авторами понимать Юго-Западный Крым, то возникает много вопросов. Можно ли Юго-Западный Крым, где находятся пещерные монастыри, назвать «низменной Готией», тем более в других источниках этот термин по отношению к данному району, как и к Южному берегу, отсутствует. И причем здесь Никопис, расположенный на Кавказе? На наш взгляд, данный текст понимать надо так: автор «Жития» называл известные ему города в качестве ориентиров. Таким образом, Зикхийская епархия — район к востоку от Крыма, а Низменная Дунайская Готия (действительно низменная) — к западу от полуострова. Крым же, как видно из источника, не входил в зону влияния иконопочитателей. Данное предположение будет выглядеть более правдоподобно, если напомнить, что имеется масса сведений об иконопочитателях в Италии, Палестине, но ни один источник не упоминает о прибытии их в Крым. Даже «Житие Иоанна Готского», резко направленное против иконоборцев и достаточно подробно освещающее ситуацию в Таврике в конце VIII в., не сообщает об этом. Не сообщает оно и о массовом строительстве монастырей в Крыму, и поэтому важен факт основания Иоанном монастыря на его родине, в Партенитах⁵⁴. О притоке иконопочитателей в Крым после смерти Константина V говорить не приходится, ибо его преемник Лев IV Хазария к монахам относился довольно либерально, а вскоре в империи иконопочитание было восстановлено. Не был Крым иконопочитательским и во второй период иконоборчества. Более того, он, как и в первый период, оставался оплотом иконоборчества. Сведения о религиозной жизни в Таврике начала IX в. дают произведения апологета иконопочитания Феодора Студита. Наиболее интересны два документа: письмо к епископам, сосланным в Херсон, и письмо к архимандриту Готскому. В первом, написанном в 821 г., он пишет: «мне кажется... что и для спасения тамошних жителей устроена ссылка ваша... ибо прибыть (туда), вы явились светильниками для находившихся во мраке и заблуждении жизни, руководителями слепых, учителями добродетели, проповедниками благочестия, наставниками совершенных здесь против Христа страшных дерзостей»⁵⁵. Если учитывать религиозно-политическую об-

становку того времени, то под фразами «спасения тамошних жителей» и «совершенных здесь против Христа страшных дерзостей» следует понимать только одно — религиозная обстановка в Херсоне и Таврике не удовлетворяла Студита, а это значит, что здесь господствовали силы, чуждые ему идеологически, т. е. иконоборцы. Федор Студит даже посылает ссылкой деньги, из чего следует, что положение их в Херсоне было далеко не лучшим. Подтверждает сообщение Студита и монах Епифаний, посетивший Крым в конце VIII — начале IX в.: «Херсаки же народ коварный и до нынешнего дня туги на веру, лгуны и поддаются влечению всякого ветра»⁵⁶. Здесь указание не на язычество местных жителей, а как раз на ересь, то есть не на что иное, как на иконоборчество. Причем под термином «херсаки» в свете новых данных следует понимать не только, а возможно, и не столько жителей Херсона, но население области, подчиненной этому городу⁵⁷.

В письме архимандриту Готии по поводу некоторых вопросов церковной и монастырской жизни Студит упрекает, что в Готии не знают учения Василия Великого, которое было основой жизни византийского монашества. Но могло ли такое произойти, если бы Таврика была наводнена фанатиками-иконопочитателями, в свое время бежавшими в Крым, или их последователями? Далее Феодор Студит негодует, что в таврических монастырях монахов отдают на суд мирян. Это уже совсем непохоже на иконопочитателей-ортодоксов и скорее всего является свидетельством сильных иконоборческих традиций.

Далее из текста письма мы узнаем о практическом отсутствии ортодоксальных монастырских традиций в Таврике, что новых людей в монастырь часто принимают «просто и без разбору», без обязательных испытаний. Ясно, что в практику вошла система сложения с себя монашества или беспреступного перехода из одного монастыря в другой. Монахи имели рабов⁵⁸. Таким образом, ни о каком значительном влиянии иконопочитания на религиозную жизнь Таврики даже в начале IX в. говорить не приходится.

Подтверждают это и сведения из жизни мирян. Так, после того как император Константин VI заточил свою жену в монастырь и женился на Квикуларии, его примеру в числе прочих последовал тошарх Готин и Климатов. Следовательно, и в среде таврических гражданских верхов не следовали канонам ортодоксального христианства, проводниками которого в то время в Византии выступали иконопочитатели. Таким образом, никаких реальных данных о возникновении пещерных монастырей в Крыму в связи с иконопочитательской иммиграцией у нас нет. Все археологические материалы, эпиграфические источники, анализ исторической обстановки указывают на возможную дату их создания — не ранее XI—XII вв., что соответствует и времени их появления в других регионах.

Исходя из сказанного, время жизни монастырского комплекса у ворот Кичик-капу предварительно может быть определено XI—XIV вв. Вероят-

но, после захвата крепости татарами и превращения ее в дальнейшем в столицу Крымского ханства, христианский монастырь при ней ликвидируется, однако не окончательно. Не случайно именно с XV в. появляются сведения об Успенском монастыре, который мог стать преемником обители, ранее располагавшейся на противоположном склоне ущелья Марии, у самого входа в бывшую алаанскую твердыню.

Вероятно, в XV—XVI вв. оборонительная система этого участка изменяется. Строится Южная стена, а монастырь разделяется на две части. Те пещеры, которые оказались впереди стены, разрушаются или засыпаются, чтобы не мешать обороне, а пещеры за стеной превращаются в укрытия для защитников данного участка.

После переезда ханской ставки в Бахчисарай у Южных ворот, судя по сведениям Эвлии Челеби, поселяются наиболее бедные обитатели Чуфут-кале. Причем жили они там, по мнению А. Л. Бертье-Делагарда, вплоть до XIX в.

О жизни алаанской области в Юго-Западной Таврике известно немного. По мнению некоторых исследователей, в XII—XIII вв. она являлась полудефеодальным княжеством, центром которого был Кырк-ор. К сожалению, определенные сведения на этот счет отсутствуют.

В 1223 г. монголо-татарскому нападению подвергся Судак, а вскоре уже весь степной и восточный Крым стал золотоордынским уделом. Сначала привыкшие к стенам золотоордынца не проникали далеко в горы, и поэтому зависимость Кырк-ора от татар, вероятно, выражалась лишь в выплате дани. Но постепенно татары проникают и в горный Юго-Западный Крым.

Для того, чтобы лучше понять происходившие в Крыму события на исходе XIII — начале XIV в. и место, занимаемое в них Кырк-ором, мы должны упомянуть еще раз одно важное свидетельство, относящееся к середине XIII столетия.

В 1253 г. вдоль берегов Крыма прошел на корабле монах Мипорий Гильемилла Виллем де Рубрук, посланец французского короля Людовика XI к монгольскому хану Мушке. В Судак началась сухопутная часть его великого путешествия, о перипетиях которого, о виденном и пережитом нам известно из подробного отчета монаха-дипломата. Особый интерес представляет следующий отрывок: «На море от Херсона до устья Танаида находятся высокие мысы, а между Керсеной и Солдайей существует сорок замков. Почти каждый из них имел особый язык: среди них было много готов, язык которых немецкий»⁵⁹.

В этом описании внимание привлекает упоминание о неких сорока замках, расположенных между Судакком и Херсоном. Подавляющее большинство комментаторов этого текста сходились в том, что его надо понимать как свидетельство того, что по морскому побережью были в середине XIII в. разбросаны многочисленные крепости, числом если не сорок, то около того. Известный краевед В. Х. Кондораки в объемном труде, посвященном столетию присоединения Крыма к России, насчитал

точно сорок городищ на побережье от Судака до Херсонеса. Туда вошли разновременные и разногруппные памятники, и сейчас об этой «инвентаризации» можно вспоминать как об историческом курьезе.

Однако наряду с таким буквальным толкованием в XIX в. была сделана другая попытка интерпретации данных Рубрука. Активный деятель Одесского общества истории и древностей, знаток исторической географии Северного Причерноморья Ф. К. Брун предлагал под сорока замками понимать не ряд укреплений, а одно конкретное поселение, название которого могло быть переведено именно как «сорок замков», а в оригинале оно звучало как Кырк-ор. Вывод Ф. К. Бруна был поддержан В. Ю. Юргевичем. Такова очень интересная догадка Ф. К. Бруна. Если принять ее в качестве рабочей гипотезы, то можно сконструировать модель социально-политической и этнической ситуации в Юго-Западном Крыму. Но для этого нужно снять одно важное этимологическое противоречие. Ведь Кырк-ор — топоним тюркского происхождения. Могла ли крепость, по всем данным находившаяся в зоне расселения алаи, носить тюркское название? В принципе это возможно, если учесть, что тюркская топонимика выдвигается в Горном Крыму уже в IX—X вв., о чем говорит уже упоминавшийся «Еврейско-хазарская перешиска». В X в. на месте византийского Дороса появляется хазарский Мангуц, правда, неясно значение обоих этих названий, но первое явно не тюркское (вероятно, греческое), второе — скорее всего тюркское, включенное в ряд с другими: Ал-ма, Бурк, Кут. Между прочим, «Перешиска», перечисляя обширные пункты хазар на границе с византийскими владениями, не содержит никаких намеков на существование большой крепости в районе современного Бахчисарая. Хотя некоторые находки на плато датируются этим периодом и по всем представлениям в это время должна была существовать и средняя оборонительная стена. Быть может, крепость не была пограничной, а находилась в хазарском тылу.

Но есть и другое объяснение. Нередко в топонимике складывается ситуация, когда при смене населения в той или иной местности происходит и частичная смена географических названий. Причем некоторое количество старых топонимов сохраняется. Они или переводятся на язык нового населения, или переосмысливаются, если их прежнее название (не обязательно значение) совпадает со словами на новом языке. В языкознании это называется омонимией. Например, в Крыму в послевоенные годы была произведена смена почти всех крымскотатарских названий населенных пунктов, но некоторые уцелели, переобразовавшись в славяноязычные, например, Сойренъ — Сирень, Тоилы — Тополевка, Карасу — Карасевка и т. д. Такое калькирование могло происходить в Таврике в период расселения в ней татар. Скорее всего, спутник, с которым общался Рубрук и со слов которого он вел запись, был татарин, и он перевел Рубруку по его просьбе или по собственной инициативе название крепости (области), находившейся

между Судаком и Херсопом. Рубрук пишет о том, что в Судаке он получил пять верховых лошадей, две повозки и двух провожатых, «которые правили повозками и кормили быков и лошадей». Несомненно, это были местные жители, знавшие жизнь причерноморских степей и язык их обитателей. От них он мог услышать о поселении, лежащем западнее их маршрута от Судака к Перекопскому перешейку. Важно отметить, что, прощаясь вдоль Крымского побережья, Рубрук не заметил никаких укрепленных поселений. Сведения о них он получил уже выехав из Судака по сухопутному маршруту, и это лишний раз убеждает в правильности догадки о расположении 40 замков не на побережье, а в области предгорья, пограничной со степью.

Если взглянуть на карту Крыма, то можно увидеть, что Чуфут-кале действительно находится между Судаком и Севастополем, ближе, конечно, к последнему. Причем уточнение «между» весьма существенно, так как, несомненно, в средние века существовал торговый путь, связывающий восточную и юго-западную части полуострова, и проходил он по продольной долине, разделяющей Внутреннюю и Внешнюю гряды Крымских гор. Мысленно прочертив по ней путь от Судака на запад, мы попадаем по слабо искривленной дуге к Херсонесу. Причем на этом пути в то время первым крупным средневековым укреплением будет именно Кырк-ор. Бакла не в счет, так как это поселение можно считать открытым, оно имело крошечную цитадель, вмещавшую в себя едва ли до сотни человек. Можно также отметить, что даже сейчас, несмотря на развитую дорожную сеть, сухопутную поездку из Судака в Севастополь удобнее и быстрее совершать по шоссе, идущему через Симферополь, а не по Южному берегу, в то время изолированному району Таврики, находившемуся в стороне от главных сухопутных дорог.

Вряд ли стоит сомневаться, что связь по суше между юго-восточными и юго-западными районами была более надежной, чем морем, поскольку возможности каботажного плавания вдоль Южного побережья ограничены сезонными условиями. Южный берег, лишенный бухт, с редкими якорными стоянками, не располагал к плаванию в период частых штормов. Фактически суда могли спокойно плавать только с поздней весны до ранней осени.

Как же могла именоваться первоначальная крепость, известная со второй половины XIII в. как Кырк-ор? На этот счет есть гипотеза, высказанная в статье востоковеда А. Я. Гаркави, посвященная вопросам топонимики Крыма⁶⁰. Автор выводит название Кырк-ор не из тюркской, а иранской этимологии. Приводится пример из прикаспийской области Гилян, где находилось укрепление Керкери (пункт-сиппа). Название в целом переводится как «крепость для защиты тыла». Учитывая, что Кырк-ор вплоть до XV в. связывается в источниках с областью ираноязычных алан, такое предположение не безосновательно.

Впрочем, можно найти и греческую основу этого же названия. Известна крепость и остров Керкера в Эгейском море (современный Корфу).

Русский тюрколог В. Д. Смирнов видел возможность превращения греческого слова Каллиакра в татарское Кркр⁶¹.

В. Х. Кондораки приводит пример, который очень наглядно демонстрирует превращение греческого топонима в тюркский, причем модель чрезвычайно близка к исследуемой нами ситуации. На Южном берегу Крыма есть небольшое курортное местечко Кшкенез, это греческое название переводится как «ползущий, текучий» и может быть связано с оползнями, не столь уж редкими стихийными бедствиями, которым подвержен данный участок берега. Местные жители из числа татар по-своему произносили и объясняли этот топоним. Дадим слово В. Х. Кондораки: «Татарское поселение Киркенез, получившее название свое, как думают татары, от слова Кирк или Хирк (сорок) и хане (двор), то есть сорока-дворье, но в сущности происхождение от греческого киркинос: круг или огражденное место»⁶². Итак, «огражденное место», что вполне соответствует ситуации на плато Чуфут-кале. Хотя, конечно, искать буквальное соответствие значения топонима особенностям местности довольно опасно. Можно легко впасть в заблуждение, что хорошо сознавали и дореволюционные исследователи.

И хотя известный крымский историк и археолог А. Л. Бертье-Делагард скептически отнесся к возможности омонимии в отношении первоначального наименования крепости, тем не менее в пользу ее можно привести такой аргумент, как долгое, до XV в. включительно, бытование различных вариантов названия — Керкери, Киркель, Керкиади, Керкри — пока, наконец, не установился тюркоязычный вариант с двойным толкованием «Сорок замков» или «Сорок братьев», окончательно вытеснивший аланскую или какую-то другую топонимическую традицию.

Рубрук сообщает о том, что население этих замков, а по нашему толкованию (следуя за Ф. К. Бруном) замка, говорило на «тевтонском» языке, под ним скорее всего подразумевался готский язык, о существовании которого в Крыму есть сведения вплоть до конца XVI в.

Действительно, в горах Юго-Западного Крыма существовали две соседние этнические области — Алания и Готия, что зафиксировано венецианским путешественником Иосифом Барбаро в первой половине XV в. Причем в прошлом аланский Кырк-ор находился недалеко от границы с Готией. Не случайно Иоганн Шильтбергер в начале XV в. помещал его в области Суды (по Ф. К. Бруну, в Готской области). Однако в том же XV в. генуэзцы под Готией понимали территорию, входившую в состав княжества Феодоро, столицей которого был Мангуц, именовавшийся также и Феодоро. Конечно, готский язык присутствовала здесь как реликт наряду с аланским. Не исключено, что эти два

индоевропейских языка в представлении сторонних наблюдателей, пользовавшихся зачастую сведениями из вторых рук, объединились в один — готский, что отражало очень древние исторические реалии, а именно — подчинение северокавказских алан готам еще в III в. н. э., результатом этого было появление этнического наименования «го-то-алань». Отметим, что известные нам до сих пор эпиграфические памятники христианского населения этого района Крыма все без исключения грекоязычные, в чем проявило себя мощное инфильтрирующее влияние грековизантийского православия, пустившего здесь глубокие корни, тем более что и готский, и аланский языки в Крыму были бесписьменными, и область их распространения рассматривалась как единая этнотерритория.

Итак, можно выдвинуть следующее толкование сообщения Вильгельма Рубрика. В горной Юго-Западной Таврике в середине XIII в. существовала мощная крепость, бывшая историческим центром области расселения малых алан; ее тюркское название — Кырк-ор. С середины XI в. до начала XIII в., когда степями и предгорьями безраздельно владели половцы, эта область платила им дань. Кстати, их протекторат распространялся и далее, вплоть до Южного берега, о чем свидетельствует чернил (люция) арабского географа Идриси, указавшего в конце XII в., что Джалига (Ялта) находится в стране команов. Естественно, что после вторжения на полуостров татар и подчинения им половецких владений Кырк-ор начал платить дань победителям. Вопрос о времени и обстоятельствах захвата Кырк-ора татарами нуждается в особом рассмотрении. Турецкий историк XVIII в. Сеид Мухаммед Риза передает такую легенду: «В прежние времена непохвальший народ из племени Могульских, называемый Ас, вследствие полной своей уверенности в неприступности замка, проявлял непокорность и сопротивление Крымским ханам. Один из потомков Чингиз-хановых, Шейбек-хан, напрягал все усилия, чтобы осадить и стеснить его, но не в состоянии был завоевать и покорить его. Тогда один из эмиров племени Яшлау, сметливый человек, подал блестящую мысль вооружиться новым и крепким оружием изречения «Война — хитрость». Он велел собрать все, сколько было в ханском лагере, барабаны, дудки и вообще все музыкальные инструменты, а также тазы, горшки и прочую медную посуду, и колотить в них в течение трех дней и ночей. По поговорке «Газ упал с крыши», произведенный шум, точно светопредставление, ошеломил и привел в ошеломление жителей крепости. Они думали, что уже происходит атака, и с оружием в руках трое суток не спали: все караулили в указанных им местах, стоя на ногах, точно кладбищенские надгробные памятники. Когда не стало у них мочи, на четвертый день они все поневоле мертвецки заснули. Хитрый мирза, воспользовавшись этим случаем, развернул свое победоносное знамя и со своими приверженцами, именными татарами, произвел атаку. Скверные гяуры спали и не чуяли нападения татар, которые без боя и сражения овладели

ключами означенной крепости». В. Д. Смирнов, детально разобрав эту легенду, посчитал ее сплошным вымыслом. Отрицает он и существование хана Шейбека: «Под этим именем (Шейбек) истории известен Мухаммед-бек, один из ханов династии нейбаиндской, погибший в сражении с Исмаил Шахом в 1510 г. Но в то же время господствовал Менгли-Гирей»⁶³.

Многие исследователи склонны связывать захват Кырк-ора татарами с походом Ногай в 1299 г. По мнению Ю. А. Кулаковского, это произошло в 1428 г. и совпало с переносом ханской ставки из Солхата в Бахчисарай. Однако есть все основания не соглашаться ни с той, ни с другой датой.

О походе Ногай в Крым в 1299 г. и в связи с этим событием упоминания Кырк-ора (а это первое несомненное упоминание крепости в источниках), сообщает летопись Рукнедина Бейбарса, придворного историка египетских султанов Калауна и Эшасара Мухаммеда, умершего в 1325 г. Золотоордынский темник (амир) Ногай, правивший в Добрудже, области на нижнем Дунае, подвластной Золотой Орде, начал борьбу за власть с законным правителем, чингизидом ханом Токтой. В 1299 г. он направил в Крым для сбора дани своего внука Актаджи, который был убит генуэзцами в Кафе. По словам Бейбарса, Ногай в ответ на это обрушился со своим войском на Крым и разорил многие поселения. Об этом же сообщает другой арабский историк — Иби-Хальдунь. Оба эти свидетельства заслуживают серьезного внимания, поэтому имеет смысл представить их читателю. «Известие об умерщвлении его дошло до Ногай, деда его, который отправил в Крым огромное войско. Оно ограбило его (Кафу), сожгло его, убило множество крымцев, взяло в плен находившихся в нем куцов мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество их, и ограбило Сару-кемиш, Кырк-ери, Керчь и др.»⁶⁴. Иби-Хальдунь в сообщении о походе Ногай говорит, что внука его убили не в Кафе, а в Крыму, и озлобленный темник захватил «этот город да окрестные села и поля, и разрушил их»⁶⁵.

Оба источника свидетельствуют о захвате одного города — Крыма, известного еще под названием Солхат (современный Старый Крым). Возник он как торговое поселение на важнейшем караванном пути, начинавшемся в Кафе и ведущем в Китай, Индию, Монголию. В дальнейшем название этого богатого, быстро разраставшегося города перешло на весь полуостров и сохранилось до наших дней.

Именно с карательной экспедицией Ногай многие археологи склонны связывать следы пожаров и разрушений, встречающихся в слоях, которые могут быть датированы золотоордынским временем.

Делались попытки отыскания следов погайского разгрома и на Чуфут-кале. Об этом уже читатель знает.

Однако вот что обращает на себя внимание.

В тексте источника не сообщается о покорении Кырк-ора татарами, а только об его ограблении, под этим можно понимать разрушение окрестных селений и вымогание дани. Более того, через 22 года после похода Ногаю уже не раз упоминавшийся Абу-ль-Фида пишет, что Кырк-ор находится в руках ассов. Если бы крепость была татарской или зависела от татар, он бы несомненно это отметил.

Описывая владения хана Узбека в 1334 г., Ибн Батута сообщает: «А владения его обширны и города велики. В числе их Кафа, Крым, Маджар, Судак, Азов, Хорезм и столица его Сарай». Как видим, из крымских городов здесь перечислены Кафа, Судак, Крым (Солхат). Кырк-ора в этом списке нет, хотя он был важным пунктом и, следовательно, если бы принадлежал татарам, то, несомненно, был бы упомянут. Из всего сказанного напрашивается вывод, что во время правления Узбека (до 1342 г.) Кырк-ор был вне золотоордынской территории.

Первым письменным свидетельством о вхождении Кырк-ора во владения татар является упоминание обитие на Синих водах литовского князя Витовта, с одной стороны, и ханов Крымского, Мангочского и Киркельского, с другой, закончившейся победой Витовта. Следовательно, в 1363 г. Кырк-ор уже принадлежал татарам и являлся центром одного из уделов Золотой Орды. Другим источником, подтверждающим это положение, является ярлык Тимур-Кутлука (1397 г.), где упомянут Крым и Кырк-ор. Эти сведения подтверждает и уже упоминавшийся Иоганн Шильтбергер: «Item, страна, называемая Кишчак, с столицей Солкат. В этой стране собирают разного рода хлеб. Есть город Каффа, при Черном море, окруженный двумя стенами. Во внутренней части шесть тысяч домов, населенных итальянцами, греками и армянами. Это один из главных черноморских городов, имеющий во внешней черте до одиннадцати тысяч домов, населенных христианами: латинскими, греческими, армянскими и сирийскими... Есть в городе и много язычников, которые имеют в нем свой храм. Четыре города, лежащие при море, зависят от Кафы, где есть два рода евреев, которые имеют две синагоги в городе и четыре тысячи домов в предместье. Item, город Керкер в хорошей стране, именуемой Готия, по которой язычники называют Тат. Она населена греческими христианами и производит отличное вино»⁶⁶. Здесь вполне можно согласиться с Ф. К. Бруном, что под «тат» татары понимали покоренную страну. Итак, письменные источники позволяют предположить, что Кырк-ор был взят татарами между 1342 и 1363 гг.

Подтверждают этот вывод и археологические источники. По данным раскопок, наиболее ранние памятники Чуфут-кале, принадлежавшие татарам, были отнесены к середине XIV в. В это время на городище строится мечеть (1346 г.)⁶⁷. Правда, была обнаружена и надпись 1320 г.,

но она попала на городище значительно позже, так как уже отмечалось, что в это время крепость принадлежала аланам-христианам.

Итак, эпиграфические источники позволяют отнести захват татарами Кырк-ора во время Джанибека, сына Узбека, что вполне соответствует политической обстановке того времени. Джанибек выступает как агрессивный правитель. Он захватывает земли Молдавии, ведет войну с Кафой. Возможно, что жертвой этой завоевательной политики явился и Кырк-ор. Тем более, что имя Джанибек могло к XVIII в. трансформироваться в Шейбек и в этом виде попасть в легенду, приведенную Ризой.

Вышеизложенное очень хорошо согласуется с данными, полученными при исследовании первого татарского поселения в Юго-Западном Крыму — Эски-юрта, расположенного в 4 км от Чуфут-кале, в районе современного железнодорожного вокзала в Бахчисарае: оно возникает не ранее второй половины XIV в.⁶⁸. То есть, захват Кырк-ора не мог произойти ранее этого времени. Скорее всего, появление Эски-юрта и подчинение Кырк-ора — звенья одной цепи — прошикования золотоордынцев в Юго-Западный Крым, своего рода нейтральную территорию между Золотой Ордой и генуэзскими владениями. В 40-х гг. XIV в. хан Джанибек начал войну с генуэзцами. Но попытка захватить Кафу кончилась провалом. Возможно, Джанибек хотел нанести удар по генуэзцам со стороны Горного Крыма, ведь генуэзские поселения были разбросаны по всему побережью — от Кафы до Херсона. Но поражение в войне заставило его отказаться от задуманного и довольствоваться только кыркорской областью. В это время в глубинной части горного Юго-Западного Крыма на «ничейной земле», играя на противоречиях между Золотой Ордой и генуэзцами, возникло третье политическое образование в Крыму — княжество Феодоро.

Возникает вопрос: каковы же причины, заставившие татар направить свою экспансию в Юго-Западный Крым? Очевидно, здесь надо выделить две: во-первых, экономическую — постепенное оседание кочевников на земле и, следовательно, стремление татарской знати к захвату земель в горном и предгорном Крыму, которое стимулировалось наличием старого земледельческого населения⁶⁹, во-вторых, политическую — начало междоусобиц в Золотой Орде во второй половине XIV в. привело к тому, что часть татар продвинулась в Юго-Западный Крым, менее доступный для вторжений со стороны степей и имеющий хорошо укрепленную крепость Кырк-ор.

После включения Кырк-ора во владения Золотой Орды он становится центром бейлика беков Яшлау, имевших, очевидно, относительную независимость от Орды. В это время, как уже отмечалось, киркельский хан упоминается рядом с крымским, мангочским, а в ярлыке Тимур-Кутлука кыркорская область называется рядом с крымской. Что касается беков Яшлау, то еще в первой половине XVII в. они выступают как древние

владельцы Кырк-ора. Заметное место Кырк-ор стал занимать в период образования Крымского ханства (первая половина XV в.).

Об этом вы узнаете в следующей главе.

Глава III. ГНЕЗДО ГИРЕЕВ

Перед воротами Орта-капу возвышается центрическое восьмигранное сооружение под черепичной крышей. Со стороны привратной площади к нему пристроен резной портал, образованный шилонами, перекрытыми массивной аркой. Погребальные сооружения такой конструкции — мавзолеи — в Крыму появились в XIV в. Их архитектура сложилась в малоазиатских княжествах, основанных турками-сельджуками на территориях, отнятых в XI—XII вв. у Византии. На крымскотатарском языке они назывались «дюрбе», или «дурбе». Арабская надпись, словно орнамент украшающая мраморное надгробие в мавзолее, гласит: «Это гробница знаменитой государыни Джанике-Ханым, дочери Тохтамыш-хана».

Того самого золотоордынского хана Тохтамыш, который через два года после Куликовской битвы привел огромное войско под стены града Дмитрия Донского.

Мавзолей вызывает немало вопросов. Удивляет его хорошее состояние — ведь окружающие постройки лежат в руинах. Сохранил ли он первоначальный вид? Есть ли хоть малая доля истины в поэтических легендах, посвященных «государыне Джанике-Ханым»? В одной из них Джанике-ханым — юная прекрасная девушка — жертвует собой ради спасения родного города, осажденного врагами, в другой — она гибнет вместе с возлюбленным, не покорившись жестокой воле родителей.

Прекрасный знаток истории Крыма А. Л. Бертье-Делагард в статье, посвященной древностям Чуфут-кале, вышедшей в 1920 г., с большой долей скепсиса писал о героине легенд: «С ее именем (Джа-

нике-ханым. — *Авт.*) связано несколько вздорных, мимо народных рассказов, но точно-исторического о ней ничего не известно»⁷⁰.

Настолько ли безнадежна ситуация? Внимательное чтение сочинений мусульманских авторов XV в. убеждает в ином. Джанике-ханым достаточно известная фигура не только в истории Крыма, но и Золотой Орды.

Летописец Кадыр Али-бей под 822 годом хиджры* (1419—1420) сообщает: «У Тохтамыша была дочь по имени Джаншюкка, ее взял Едигей, в то время Кадыр-Берды было три только года: Джаншюкка выпросила у Едигея пощадить ее брата, спрятала его в царства»⁷¹. Описанные события происходили ранее указанной даты, так как в упомянутом рассказе о сражении войск, возглавляемых Кадыр-Берды и Едигеем на реке Яик (Урал), повествуется о гибели обоих полководцев⁷².

Косвенное свидетельство о Джанике-ханым можно обнаружить в сочинении арабского летописца Абд-Ал-Раззака Самарканди (1413—1482 гг.). Под 814 г. х. (1411—1412) он говорит об осаде войсками Джелаль-ад-дин-султана сына Тохтамыша города Хорезма, в котором укрылся Едигей, потерпевший поражение в предыдущем сражении. Командующий осаждающими послал следующий приказ одному из своих военачальников: «Если Идигу пришлет своего сына Султан-Махмуда и сестру Джелаль-ад-дина, которая имела этого сына..., то не войдите с ним»⁷³. Здесь прямо не указано имя сестры, но легко догадаться, что это дочь Тохтамыша и жена Едигея, не кто иной, как Джанике-ханым.

Встречается упоминание о ней и в сочинениях Эльмакризи (1364—1442 гг.) «Книга путей для познания династий царских»: «В шевалье 819 года (22.11—21.12. 1416 г.) прибыла хатун, жена эмира Идики, государя Дештского». Она хотела из Дамаска совершить хадж... В свите ее находилось 300 всадников»⁷⁴.

Другой летописец Ибихаджара Эласкалани (1372—1449 гг.), автор сочинения «Извещение неразумных о датах века» отмечает прибытие знатной путешественницы в богатейший город мусульманского Востока — Дамаск: «В 819 г. х. (1416—1417) прибыла в Дамаск хатун, жена Идику, владельца Дештского, с просьбой совершить хадж. Вместе с ней прибыло 300 всадников, и они совершили хадж в обществе сирийского каравана»⁷⁵.

В 1437 г. Джанике-ханым скончалась и была погребена на плато Кырк-ора с титулом «великой государыни».

Для того, чтобы из этих отрывочных сведений, относящихся к жизни «великой государыни», извлечь нужную информацию, надо разобратся в сложных переплетениях родовых и своих связей Тох-

* В дальнейшем — г. х.
Дешт, Дешт-и-Кипчак — так называли мусульманские авторы Золотую Орду.
Паломничество в Мекку.

тамшевичей. Какая штючка этого клубка выведет нас к мавзолею на главной площади Кырк-ора?

Многочисленная родня знаменитого хана Тохтамышша, имевшего трех жен (заметим, что Коран позволяет иметь четырех законных жен), описана в прибавлении к сборнику летошней персидского летошца Рашид-ад-дина. Чтобы не утомить читателя перечислением имен бесчисленных родственников, обратимся к таблице, составленной на основе источников⁷⁶.

Схема дома хана Тохтамышша
(по источникам, опубликованным В. Г. Тизенгаузенем)

Она поможет разобраться в родственных симпатиях и антипатиях Джанике-ханым. Особое внимание привлекает потомство от жены Тохтамышша, дочери Хаджи-бека, а также некоей «наложницы из племени черкес».

Ничего не известно о детстве Джанике-ханым. Первое упоминание связано с браком ее с Едигеем, могущественного эмира погайской орды, до 1397 г. находившегося не только в родственных, но и в дружеских отношениях с Тохтамышем.

По словам историка Ибнарабшаха, «эмир Идику был у Тохтамышша одним из главных эмиров левой стороны (крыла войска. — *Авт.*), одним из вельмож, избравшихся во время бедствий для устранения их, и из людей здравомыслия и совета; племя его называлось Кушрат»⁷⁷. А в летошиси Эдзехеби в сообщении о смерти Едигея в 822 г. х. (1419—1420) говорится: «Умер великий эмир в Деште, Идики, распоряжавшийся управлением Сарая и Дешт-и-Кыпчака; султаны при нем носили только имена, но не имели никакого значения. Вот почему некоторые летошисцы полагали, что он назывался государем Дешта»⁷⁸.

В 1397 г. Едигей переметнулся к самаркандскому правителю Тимуру, причиной этому стало изменившееся отношение к нему со стороны Тохтамышша. Как отмечал Ибнарабшах, хан «был свирепого

права». На золотоордынский престол Тохтамышсел в 773 г. х. (1371—1372). Его правление прошло под знаком жестокой борьбы с Тимуром. Военные действия развернулись на огромных пространствах Дешт-и-Кыпчака от Тюмени до Крыма, от Сарая до Хорезма. Не последнюю роль в обострении этой борьбы сыграла фигура Едигея, ставшего союзником Тимура и подстрекавшего его к активным действиям против Тохтамышша.

Злобу Тохтамыш вымещает на своей жене Тогайбек (Тавлинбек в русских летошисях), матери Джанике-ханым. Он убивает ее⁷⁹.

Мы вправе предположить, что брак между Джанике-ханым и Едигеем состоялся до разрыва с Тохтамышем (1397 г.). Вероятно, невестой она стала, как это обычно бывало на мусульманском Востоке, в возрасте 14—15 лет. В источниках имя Едигея начинает часто встречаться не ранее 1395 г. Возможно, именно в течение двух лет после поражения Тохтамышша от Тимура в 1395 г. произошло возвышение Едигея, подкрепленное браком с дочерью Тохтамышша.

Хан стремился привязать к себе эмиров, сделать их послушными не только силой административной власти, но и с помощью родственных уз, выдавая за предводителей орд своих дочерей. Сестра Джанике-ханым (имя ее неизвестно) была замужем за эмиром Базаном, сражавшимся в войске Джелал-ад-дина против Едигея, заседевшего в Хорезме.

Вероятно, в момент разрыва между Едигеем и Тохтамышем Джанике находилась вдали от ханской ставки. Вряд ли у нее были нежные отношения со свирепым родителем, убившим ее мать.

Едигей, несомненно, был незаурядной личностью, способной претендовать на высокое положение в золотоордынской иерархии, но не на высшее, ибо Чингисханом был установлен порядок престолонаследия, в соответствии с которым только его потомки могли становиться великими ханами.

Завет этот исполнялся свято, превратившись в юридический институт, — тюрю, имевший фундаментальное значение для всей правовой системы Золотой Орды. Многие представители феодально-родовой знати, сосредоточившие в своих руках военную и политическую власть, вполне достаточную для реализации претензий на высший престол, так и не смогли преодолеть последний барьер — слово Чингисхана, обретшее силу священного закона. Поэтому бывало так, что всеильный временщик вынужден был терпеть на официальном престоле безвольную фигуру из потомства Чингисова, с которой в сознании подданных олицетворялась законная власть. Так было и с всеильным Ногаем, и не менее могущественным Едигеем.

Брак с чингизидкой Джанике-ханым позволял последнему стать своимком в роду носителей высшей власти, и это давало надежду если не ему, то его потомству, при удачном стечении обстоятельств, претендовать на трон.

⁷⁶ Главный источник — «Летошисей Рашид-ад-дина»⁷⁶.

Однако смерть прервала путь Едигея к заветной мечте. Джанике-ханшам, несомненно, имела высокие привилегии и была единственной надеждой на реализацию его честолюбивых замыслов. Это понимал не только Едигей, но и его противники. Недаром одним из первых требований Джелал-ад-дина к осажденному Хорезму была выдача его родной сестры с племянником.

Джанике не довольствовалась затворническим уделом женщины-мусульманки. Она стремилась приобрести политическое влияние, а путь к этому лежал через религиозную деятельность. Именно поэтому в 1416 г. она с шашинной свитой совершила паломничество в Мекку, о чем заговорил весь мусульманский мир. Джанике стала заметной политической фигурой. О влиянии ее на Едигея свидетельствует упоминутый случай с Кадыр-Берды. Видимо, она имела возможность не только спасти жизнь брата, вырвав его из рук Едигея, но и сиротить так надежно и далеко, что он оказался недостижимым для всемогущего эмира, который несомненно был заинтересован в устранении маленького царевича, последнего сына Тохтамыша. И мы знаем, что опасения Едигея подтвердились. В 1420 г. «Кадыр-Берды-хан во главе с крымским войском перешел через Волгу и вступил в сражение с Едигеем у реки Ян» (Урал. — *Авт.*)⁸⁰. Эта битва стала последней для обоих полководцев.

Спасая Кадыр-Берды, Джанике, вероятно, руководствовалась не только родственными чувствами, но и дальновидным политическим расчетом, ведь Едигей имел от нее сына и стремился сделать его единственным законным претендентом на престол, устранив всех остальных тохтамшиевичей, не исключая и саму Джанике.

Однако до сих пор речь шла о деятельности Джанике-ханшам, связанной с Золотой Ордой. Но в ней нет ответов на такие важные для нас вопросы: почему Джанике погребена в Кырк-оре и почему в эпитафии она названа «великой царицей». Чтобы ответить на эти вопросы, надо углубиться в генеалогию ее рода.

Из предыдущей главы читатель знает, что татары захватили Кырк-ор в середине XIV в. Его правители, наместники золотоордынских ханов, принимали участие в военных походах, об одном из которых сообщает ряд независимых источников. В 1363 г. великий князь литовский Ольгерд разгромил на Синих Водах (ныне река Синюха, левый приток Южного Буга) татарское войско, возглавляемое тремя князьями — Бек-Хаджи, Кутлу-бугом и Дмитрием. Историческая интерпретация и хронология этого события вызвала споры среди исследователей⁸¹. Однако в отношении личностей князей и их уделов мнение едино. Первые два — наместники, правившие от имени золотоордынского хана, а третий, судя по имени, христианин, был союзником, правителем княжества Феодоро, столицей которого являлся город на манушском плато, известный под таким же названием — Феодоро. Кутлу-буг был ханом крымским, или солхатским, то есть правил в Восточном Крыму, центром

которого был город Крым (современный Старый Крым), а Бек-Хаджи, или Хаджи-бек, сидел в Кырк-оре. Таким образом, лишь перечень князей позволяет уяснить политическую структуру, сложившуюся на полуострове после его включения в состав Золотой Орды. К этому можно добавить, что южное и юго-восточное побережье находилось под контролем генуэзцев, укрепившихся здесь в 60-е гг. XIII в. и находившихся в напряженных отношениях и с Золотой Ордой и с Феодоро. Отсюда политическое сближение последних, выразившееся в участии манушских князей в сражении на Синих Водах. Имя Хаджи-бека в дальнейшем не раз мелькает в источниках. Его дочь Тогайбек становится женой Тохтамыша и матерью Джанике. Дальнейшее читателю известно: Тогайбек стала жертвой свирепости хана.

Итак, родственные корни Джанике восходят к Кырк-ору. Не здесь ли укрывала Джанике своего брата Кадыр-Берды, ведь это была родина его матери, бывшей не из знатного татарского рода, а «наложницей из племени черкес»? Как известно, татары нередко именовали черкесами алаи-асов⁸², древних жителей Кырк-ора. Становится ясным, почему в последнее сражение с Едигеем Кадыр-Берды вел войска из Крыма.

Уяснив генеалогию, перейдем ко второй части вопроса. После гибели Кадыр-Берды в 1420 г. Джанике осталась старшей в роду Тохтамыша и могла претендовать на высшую власть, но не во всей Дешт-и-Кипчак, где шла ожесточенная борьба за трон между многочисленными ветвями Чингисова дерева, а у себя на родине в Кырк-оре, вдали от кровавых усобиц, сотрясавших евразийские степи. В этих условиях усиливалась тенденция к обособлению Крыма в силу его географического положения и развития торгово-экономических отношений, приближенности к византийской и западноевропейской цивилизациям.

Вполне вероятно, что Джанике была правительницей или регентшей кырк-орского бейлика вплоть до своей кончины, и вряд ли это правление было безоблачным, так как междоусобице столкновения докатывались и до Крымских гор.

В 20—30-х гг. XV в. источники в большей степени освещают жизнь соседнего с Кырк-ором Манушского княжества, где в это время правил энергичный князь Алексей, который в союзе с правителем Солхата вел напряженную войну с генуэзцами, основал порт в Каламите, строил крепости на южном побережье, контролируемом его врагами. В 1433 г. князю удалось захватить крепость Чембало (Балаклаву), которую генуэзцы вернули себе лишь в результате большой военно-морской экспедиции. На помощь союзнику явился Хаджи-Гирей, правивший в Крыму (Солхате), но Чембало уже была в руках генуэзцев. Вскоре ему пришлось нанести контрудар по отряду Карло Ломеллино, двигавшемуся после победы над Феодоро от Кафы на Солхат. На полпути, в урочище Карагозы, пятитысячный отряд генуэзцев был наголову разбит трехтысячным войском Хаджи-Гирея, и тем не менее внутренние распри в Золотой Орде вынудили хана бежать в Польшу. В 1437 г. он

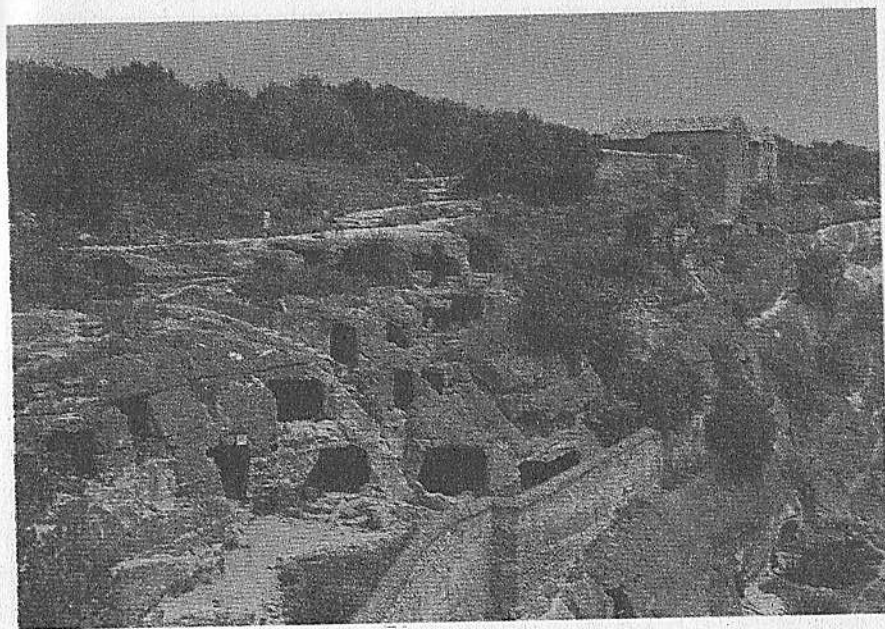
был поставлен на крымский престол королем Сигизмундом. Но правление его было недолгим, в том же году он вновь отправляется в изгнание, найдя приют при дворе польского короля.

Очередное изгнание Хаджи-Гирея совпало с датой смерти Джанике-ханым. Случайно ли это? Вероятно, правительница бейлика, и ранее благоволившая к Хаджи-Гирею, видела в нем ошору в борьбе с Тохтамышевичами Кичи-Мухаммедом и Сейд-Ахметом, претендовавшими на полновластие в Крыму. Смерть Джанике была сильнейшим ударом для Хаджи-Гирея, он лишился поддержки и вынужден был эмигрировать. В Крым Хаджи-Гирей вернулся в 1443 г., но только в 1449 г. окончательно обосновался в Кырк-оре, ставшем более чем на полвека главной ханской ставкой, фактической столицей молодого Крымского ханства.

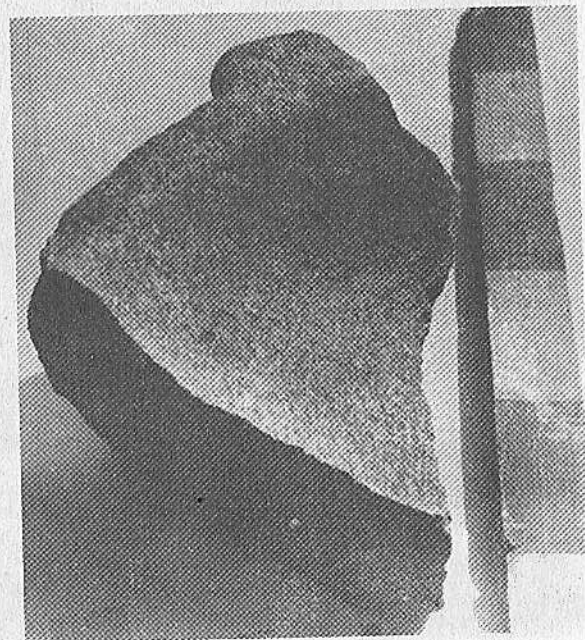
В начале XVI в. в устье ущелья Марьям-дере близ Успенского монастыря был построен мавзолей, в котором были погребены Хаджи-Гирей, скончавшийся в 1466 г., а в 1515 г. и строитель мавзолея Менгли-Гирей. Возникает вопрос, где находилось место первоначального захоронения основателя династии Гиреев? Не исключено, что это был Кырк-ор, поскольку там хоронили и других правителей. Вот свидетельство французского путешественника Жильбера Ромма, посетившего Чуфут-кале в 1789 г.: «В центре города посреди домов видны остатки гробницы, воздвигнутой над прахом Гайдар-хана, умершего лет 300 назад»⁸³. Автор ошибся, речь, конечно, шла о гробнице Джанике-ханым, но, видимо, память о погребении в Кырк-оре Гайдар-хана, сына Хаджи-Гирея, сместившего с трона отца и правившего несколько месяцев в 1456 г., сохранялась⁸⁴. Это может быть объяснено существованием гробницы с соответствующей надписью, не дошедшей до нашего времени. На рисунках мавзолея Джанике-ханым, относящихся к середине XIX в., хорошо видны мусульманские надгробия, расположенные рядом с ним.

При раскопках в 1988 г. позднесредневековой усадьбы у северной оконечности Восточной оборонительной стены Чуфут-кале в глубокой скальной выемке было найдено надгробие с датой 1416 г., подтверждающее существование на плато татарского некрополя.

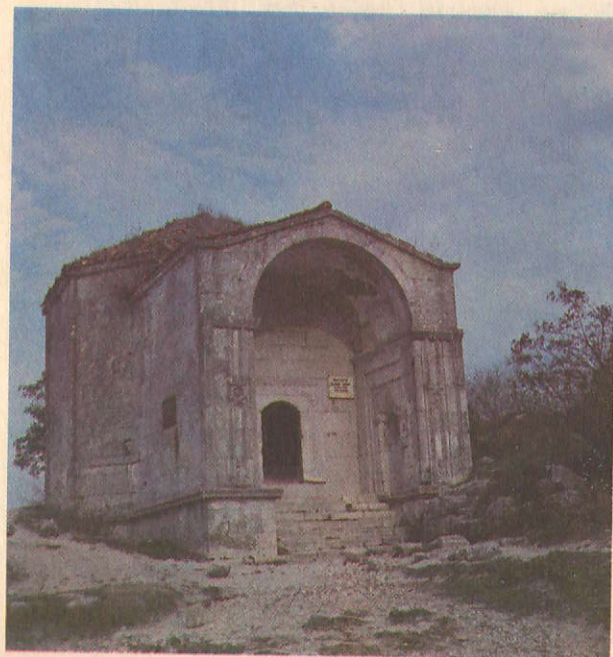
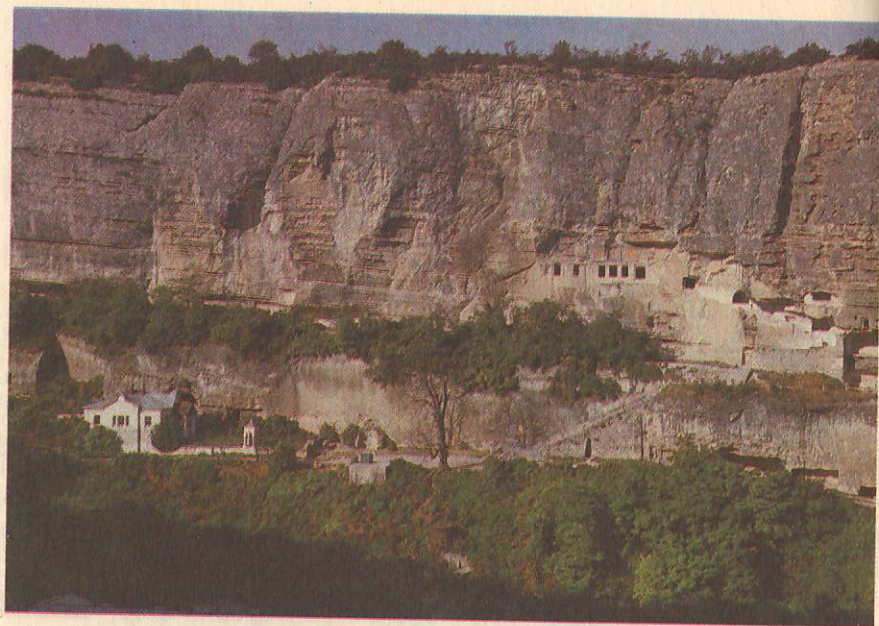
Был ли воздвигнут мавзолей Джанике-ханым сразу после ее смерти или некоторое время спустя? Вероятно, все-таки последнее. Близость его архитектурных деталей с мавзолеем в Салачике и с так называемым Эски-дюрбе близ ханского дворца в Бахчисарас позволяют предположить, что наиболее вероятная дата строительства гробницы «великой государыни» — начало XVI в. Это было время окончательного упрочения на крымском престоле династии Гиреев в лице Менгли-Гирея. Разгромив орду Ших-Ахмата, последнего золотоордынского правителя, Менгли-Гирей окончательно разрубил чингисов узел для Восточной Европы. Золотая Орда перестала существовать как единое государство.

Панорама южной части Чуфут-кале. На переднем плане пещерные сооружения предполагаемого монастыря.

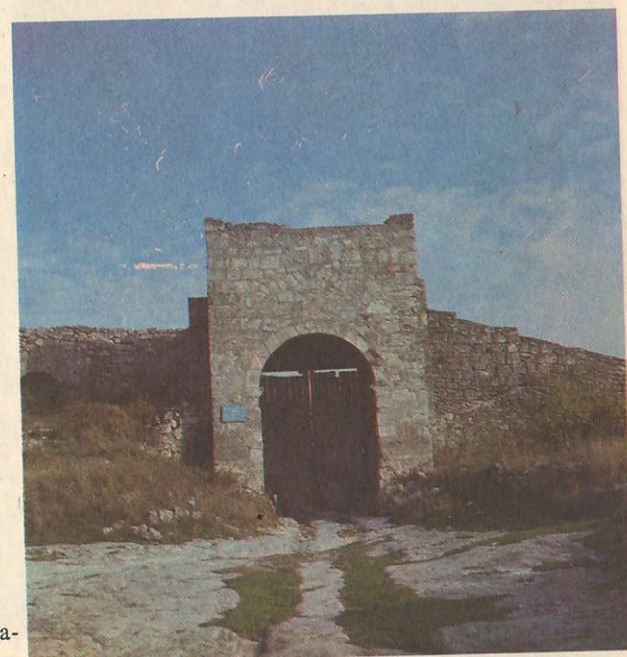
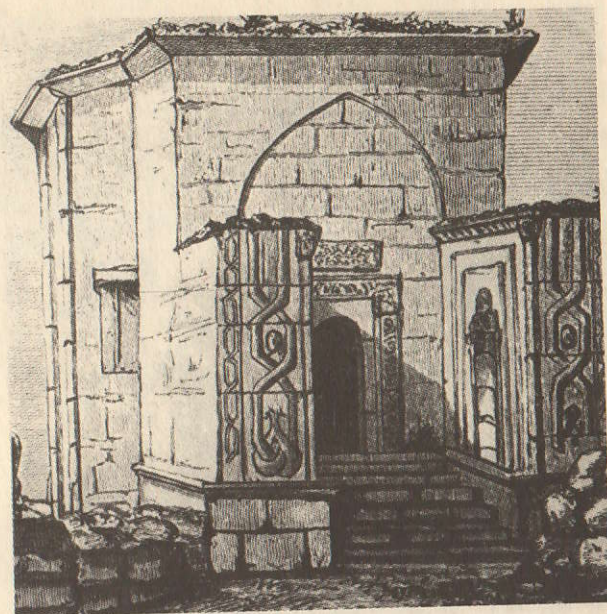
Фрагмент каменной храмовой чаши.

Успенский монастырь.

Мавзолей Джанике-ханым.

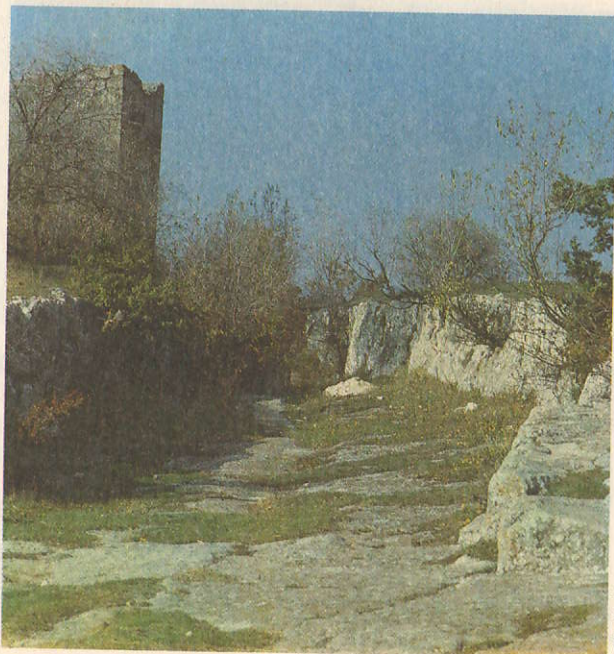
Мавзолей Джанике-ханым. Вид до ремонта начала 80-х гг. XIX в.

Башня Биюк-капу.

Башня Бикок-капу. Следы пристройки первоначальной южной куртины.

Ров перед Восточной оборонительной стеной.

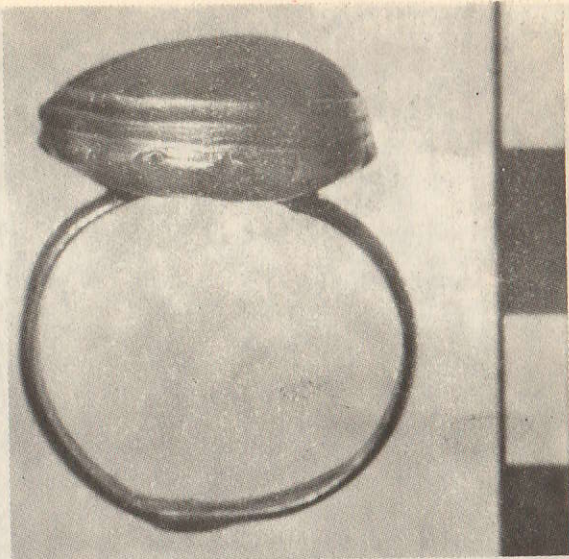
Южный фланг Восточной оборонительной стены. ▶

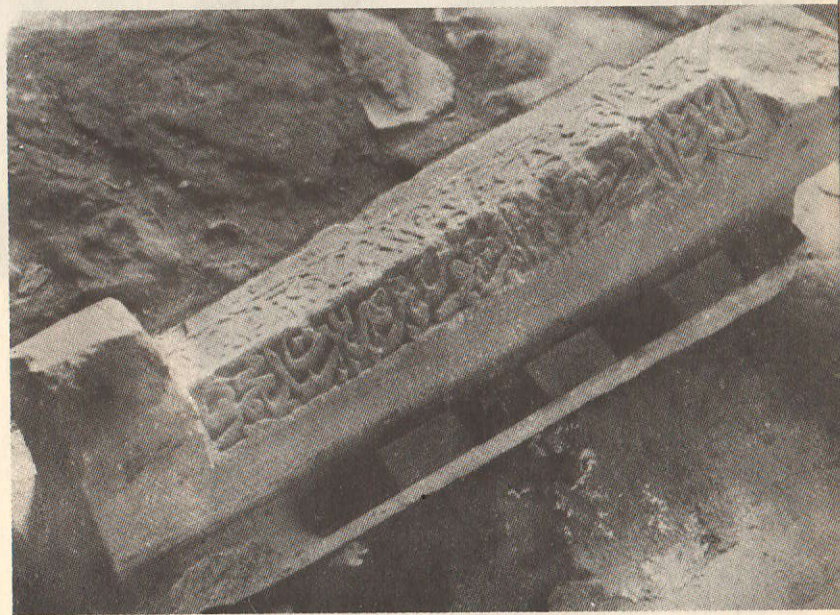

Помещение с тандыром у северного фланга Восточной оборонительной стены.

Серебряный перстень с халцедоном из раскопок бани.

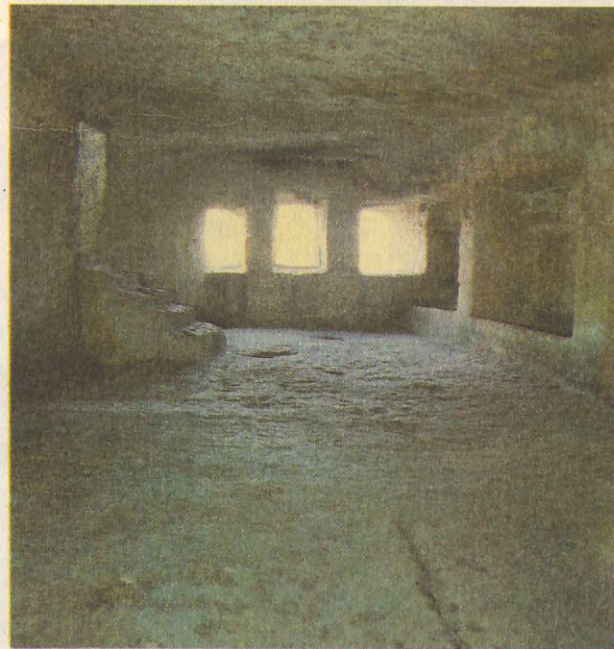

Надгробие из выемки у северного фланга Восточной оборонительной стены.

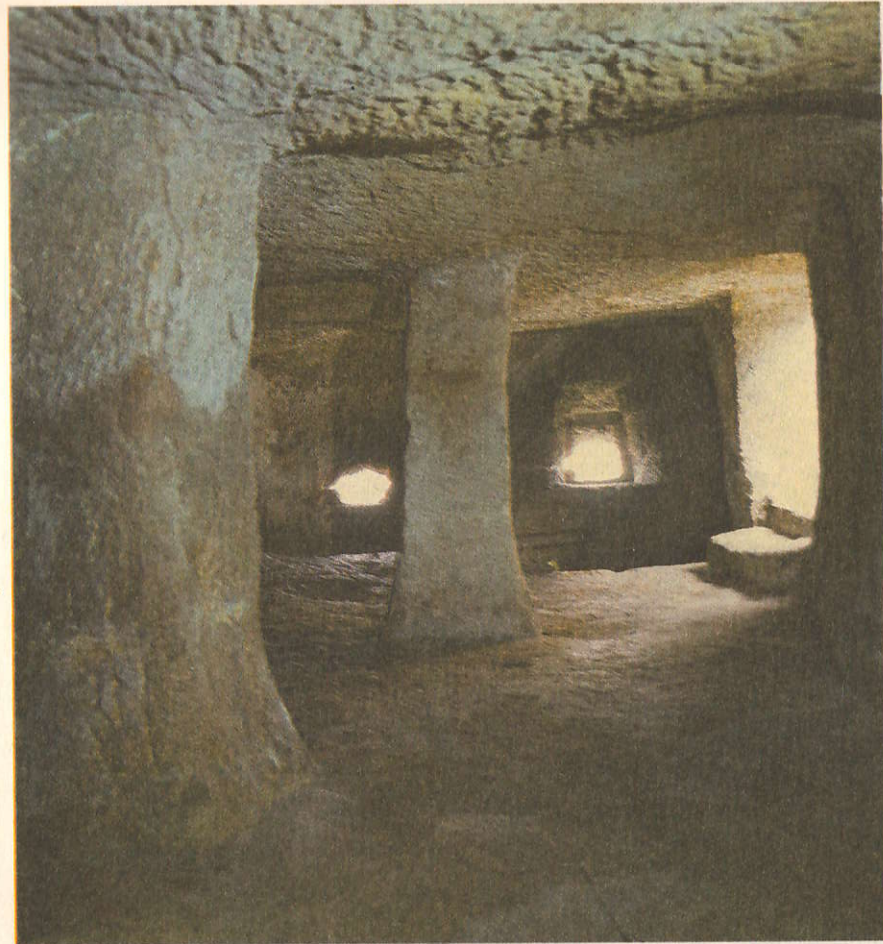

Пещера
Чауш-кобасы.
Верхнее помеще-
ние.

Пещера
Чауш-кобасы.
Нижнее помеще-
ние.

Каземат в Новом городе, предполагаемая тюрьма.

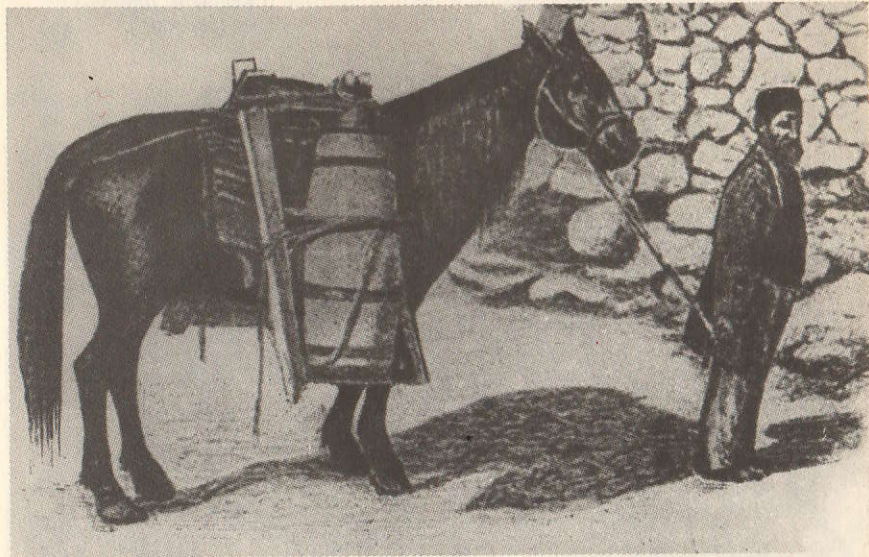

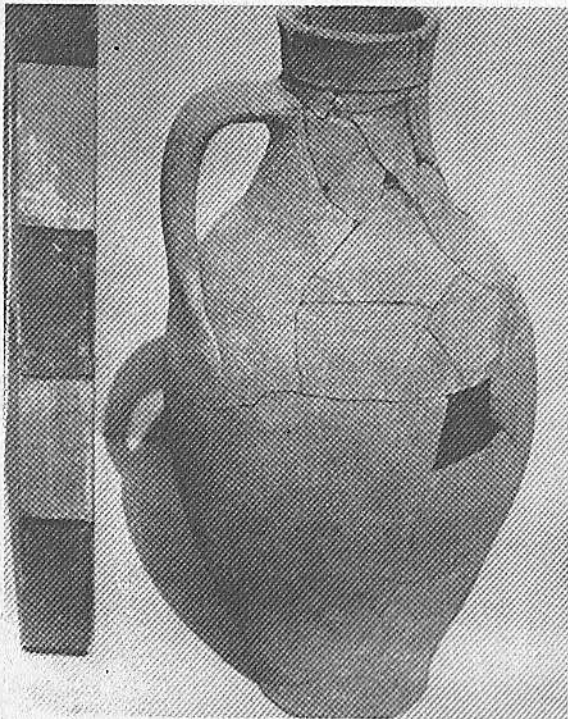
Караимские кенассы. Аэрофото.

Свиток Торы из
чуфут-кальской
кенассы.

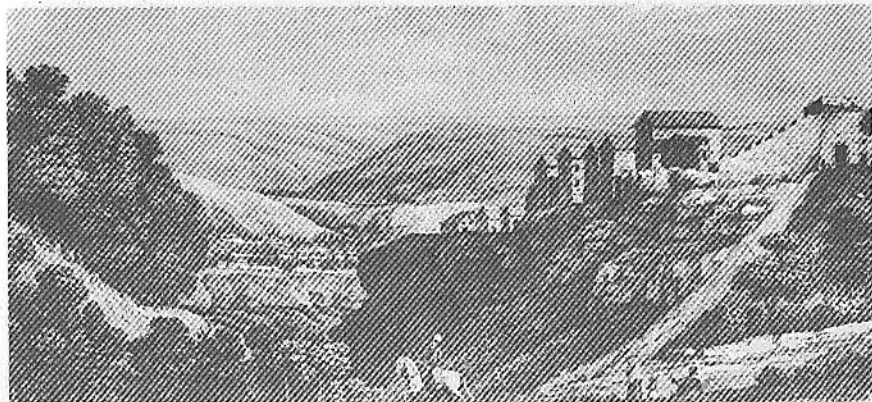
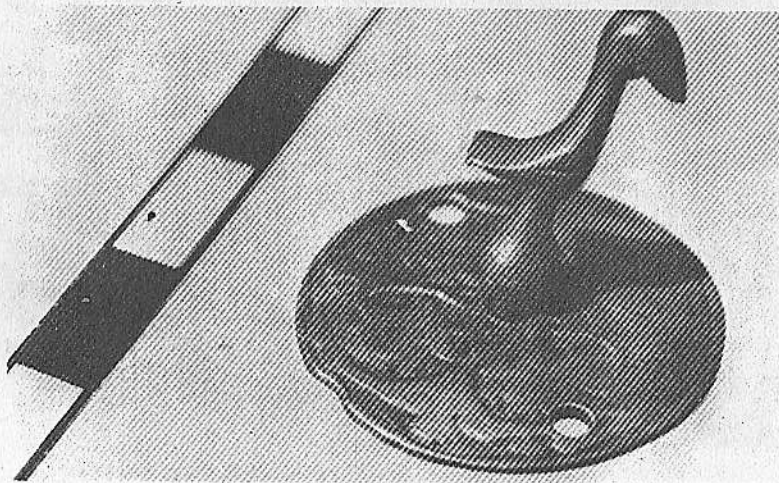
Способ доставки
воды в безвод-
ный Чуфут-кале.
(по рис. 2-й пол.
XIX в.)

Кувшин XVIII —
начала XIX вв.
из раскопок
Кюлпока.

Навершие (?)
женской шапоч-
ки (серебро).

Вид Чуфут-кале из Исофатовой долины. Из альбома П. И. Сумарокова, 1805 г.

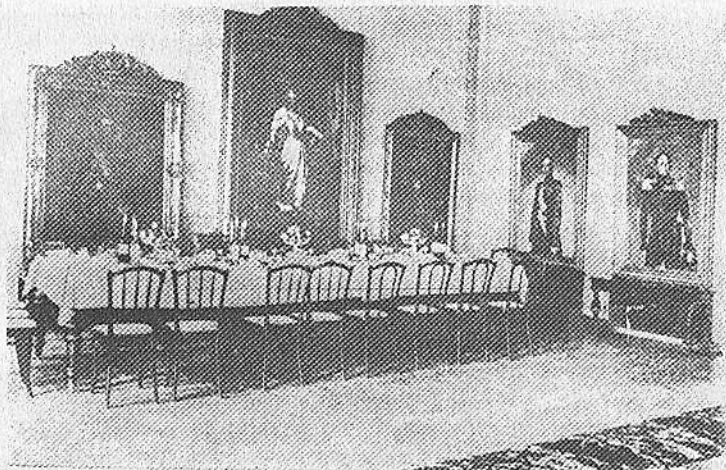
Так знатные путешественники выезжали на Чуфут-кале. С гравюры Раффе, 1837 г.

Чуфут-кале. С почтовой открытки начала XX в.

Фото из журнала «Караимская жизнь».

Главный парадный залъ въ „Домѣ караимскихъ обществъ“. Въ домъ былъ въ 1897 г. выстроенъ изъ средствъ всѣхъ караимскихъ обществъ для ма Высочайшихъ гостей. Гостиная—въ восточномъ вкусѣ. Въ залѣ развѣшаны портреты всѣхъ государей, посѣщавшихъ Чуфутъ-Кале.

Фото из журнала «Караимская жизнь».

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Чуфутъ-Кале 19 сентября 1902 г.

Последние обитатели Чуфут-кале братья Пигит. Фото из журнала «Караймская жизнь».

По словам русского историка С. М. Соловьева, «Крым избавил Москву окончательно от потомков Батыевых»⁸⁵.

Именно это время отмечено возведением мавзолеев, ставших, по сути дела, историческими памятниками Крымского ханства, иллюстрирующими историю его формирования и завоевания суверенитета. В XVI—XVIII вв. прочно укрепились традиции, согласно которым происхождение самостоятельного крымского татарского государства возводилось к Тохтамышу, и Джанике-ханам была ключевой фигурой этой версии.

В заключение наших размышлений у гробницы «великой государыни» следует упомянуть об археологических исследованиях памятника. В 1940 г. археолог В. П. Бабенчиков проинк в склеп под мавзолеем. Стены и свод его были выложены хорошо отесанными и пригнанными друг к другу блоками. Среди земли и камней, накопившихся на полу усыпальницы, были обнаружены разрозненные кости нескольких человеческих скелетов. Первоначальное захоронение не сохранилось.

В дневниковых записях русского поэта В. А. Жуковского, посетившего Чуфут-кале в 1837 г., есть такие заметки, относящиеся к мавзолее: «Гробница с прекрасно сделанной надписью. Свод под ней. Прах встрожежен»⁸⁶.

Но вернемся ко времени, когда Джанике была еще жива и принимала участие в событиях, приведших к появлению самостоятельного Крымского ханства.

Смерть Едигея в 1420 г. стала переломным моментом в борьбе татарских беев, осевших в Крыму, за отделение от Золотой Орды. Нужно учитывать, что претенденты на власть в Орде рассматривали Крым, в силу его изолированного географического положения, как надежное убежище, в котором можно отсидеться в случае поражения в междоусобной борьбе⁸⁷. Поэтому они с большим подозрением относились к центробежным устремлениям крымской феодальной знати. Ситуация эта хорошо воспроизведена в сообщении арабского летописца Эль-Айни, относящемся к марту 1427 г.: «В землях дештских (была большая неурядица, ханы осаривают царство друг у друга, из них по имени Девлет-Берды, овладел Крымом и прилегающим к нему краем; другой Мухаммед хан завладел Сарасем и принадлежащими к нему землями; а третий, по имени Борак, занял земли, граничащие с землями Тимур-Лешка»⁸⁸.

Девлет-Берды был родным братом Гнас-ад-дина, отца Хаджи-Гирея. Правление его было недолгим. В 832 г. х. (11.10.1427—1.10.1428 г.) тот же Эль-Айни называет «государем Крыма и прилегающих к нему земель» Мухаммед-хана, то есть Улуг-Мухаммеда, известного как основателя Казанского ханства.

История Крыма 30-х гг. XV в., как отмечает историк М. Г. Сафаргалев, плохо отражена в источниках, поэтому события ее приходится реконструировать на основании отрывочных сведений. Известно,

что Гнас-ад-дин, потерпев поражение в борьбе за ордынский престол, нашел убежище в Литве при дворе князя Витовта. Великий князь литовский вел сложную дипломатическую игру, лавируя между государствами Запада и Востока. Ему было выгодно держать при себе возможных претендентов на высшую власть в Дешт-и-Кичак, разжигая тем самым между соперниками вражду и взаимные подозрения. Поддерживая союз с Улуг-Мухаммедом, он в то же время дает приют его злейшему врагу Гнас-ад-дину, который в Литве и скончался. Вероятно, не случайно то, что и его сын Хаджи-Гирей со своими приближенными не раз находил убежище в резиденции литовских князей. Так начала формироваться этнографическая группа литовских татар и, возможно, караймов, появление которых в Литве по традиции связывается с именем Витовта.

В начале 30-х гг. XV в. преемник Витовта великий князь Сигизмунд, продолжая политику своего предшественника, направил Хаджи-Гирея на крымский престол и тем самым нанес сильнейший удар и без того лишь видимому единству Золотой Орды. В связи с событиями 1433—1434 гг., связанными с волевым конфликтом между генуэзцами, с одной стороны, и Мангупским княжеством и Крымским ханством, с другой, мы встречаем впервые имя Хаджи-Гирея. После поражения генуэзцы, вероятно, вынуждены были признать его полноправным крымским ханом. Однако вскоре Хаджи-Гирей терпит поражение от Сенд-Ахмета, в очередной раз пытавшегося возродить Золотую Орду. Не исключено, что к падению Хаджи-Гирея были причастны генуэзские дипломаты, которым выгоднее было иметь дело с ханом Золотой Орды, находившимся далеко от их владений, чем терпеть близкое соседство крымского хана. В 1434 г. Хаджи-Гирей вновь был вынужден искать убежище у великого князя Сигизмунда и пробыл там до 1443 г., лишь на короткое время объявившись в Крыму в 1437 г., о чем читатель уже знает.

К этому времени местные беи-карачи, укрепившиеся на полуострове с XIII в. (аргыны, барыны, ширны, сиджеуты), недовольные непрерывающимися смутами в Дешт-и-Кичак, угрожавшими их владениям, содействуют возвращению Хаджи-Гирея на крымский престол. Ведь нередко их земли раздавались приближенным одержавшего верх правителя степи. По сведениям русской летописи, литовский князь Казимир «по их просьбе (бесв. — *лат.*)... того царя Ази-Гирея з люди чествоваши и одароваши, и во великой его почести до орды Перекопские на царство посла, и послал з нем садеча его на царство, маршалка земского Радивила и Радивил отправил в почетности аз до стояна его до Перекопа, и там его Радивил именем великого князя Казимира посадил на царство Перекопском»⁸⁹. По другим данным Хаджи-Гирей был объявлен ханом еще в Литве⁹⁰.

Теперь у Хаджи-Гирея в руках была не только реальная власть, но и военная сила. Объединенное войско крымских беев под его командовани-

ем разгромило Сенд-Ахмета и захватило хана в плен. Став полноправным правителем в степях и предгорьях полуострова, Хаджи-Гирей своей резиденцией избрал однажды уже поддерживавший его Кырк-ор. Почему его не устраивал Солхат, традиционная резиденция золотоордынской отместника? Да потому, что Солхат отождествлялся с зависимостью от Золотой Орды. Кроме того, по своему географическому положению, сделавшему его важным пунктом на международном торговом пути, город был открыт со стороны степи, а значит, уязвим для карательных экспедиций из Дешт-и-Кичак. Да и близость к Кафе, с тревогой воспринявшей появление хана, с которым было связано унизительное для генуэзцев поражение в 1434 г., была опасной. Поэтому они всячески поддерживали хана Кичи-Мухаммеда, находившегося в отдалении от Крыма. Политика генуэзцев усугубляла и без того обостренные отношения с крымскими татарами, и в конечном итоге, борьба с коловыми толкнула Хаджи-Гирея к союзу с Османской империей. Союз был заключен в 1454 г. В мае 1475 г. турки высадились под Кафой, открыв новую эпоху в истории Крыма — эпоху османского владычества на территориях, захваченных у генуэзцев и княжества Феодоро, эпоху вассальной зависимости крымских ханов от стамбульских султанов.

Кырк-ор удовлетворял Хаджи-Гирея по целому ряду обстоятельств. Кроме того, что он представлял собой естественное укрепление, здесь имелись и надежные фортификационные сооружения. Привыкшая к степному приволью конница ордынских ханов чувствовала себя в лабиринте скал и ущелий неуютно. Далеко отсюда находились и враждебные крепости генуэзцев. К тому же здесь Хаджи-Гирей находился поблизости от своего союзника — мангупского князя.

И как уже отмечалось, население Кырк-ора было настроено доброжелательно к Хаджи-Гирею. Сыграли роль поддержка Джанике-ханым, а также традиция преемственности власти, о чем свидетельствует ярлык, выданный жителям города в 1459 г.

«Всеми-всеми народу как есть, знайте. Этот ярлык получившие Кырк-ерские народские старшины, а во главе их старши Сейид Ахмед Хаджики, Ходжи Махмуд, Хаджи Мухаммед, Хызр Шейх ходатайствовали, говоря «Хан, Дядя Ваш, смилостивился над народом кырк-ерским, дал тархашай ярлык» и предъявивши ярлык, испрашивали (такой же). Мы же соизволили на их просьбу рекли: «и по нашему благоволению пусть тем де обычаем будут тархашами. И вверде с этого дня пусть все находящиеся в крепости Кырк-ерской мусульмане, христиане, пуден — будут тархашами. «Кто бы справа, слева, извне, изнутри, откуда бы ни было, из ясычных, из неясных, ни пришел и ни осел в крепости он от ясака, от калыма, пусть будет тархашек рекли мы. Затем кто бы так и ни были эти тархашы, знаете, чтобы ни скота ни волов их для подвод арканами не ловили: ни алуфи, ни сюзони не взимали бы, ни в доме их насильно постоя не оставили бы, ни подымной подати, ни палого так не взимали бы никому так и из них утеснения и прижима не причиняли бы. Пусть они со спокойною душою тихо

проживая, проводя смиренно жизнь свою, вечером и утром в спокойствии да воздаст молитвы и славословие за нас и за наш род-родов. Так мы рекли»⁹¹.

Из этого документа ясно, что дяди Хаджи-Гирея — Девлет-Берды, кратковременно правивший Крымом в 1426—1427 гг., дал жителям крепости ряд льгот, объявив их тарханами. Хаджи-Гирей полностью подтвердил эти обязательства, подчеркнув тем самым свое феодальное право на Кырк-ор. В дальнейшем его преемники, становясь ханами, возобновляли этот важный документ, который можно считать признанием со стороны Гиреев роли кырк-орского бейлика в поддержке их стремления к независимости от Орды и упрочения положения в Крыму. Не исключено, что Кырк-ор был для Девлет-Берды ошей в объединении вокруг него сепаратистски настроенных крымско-татарских феодалов. Как уже говорилось, этому немало способствовала и важная политическая фигура из рода Тохтамыша — Джашке-хашам, далеко-видно сделавшая ставку на сторонников крымской самостоятельности.

Итак, Хаджи-Гирей выбрал Кырк-ор как единственно возможную резиденцию, и она стала фактически первой столицей Крымского ханства. В 1466 г. Хаджи-Гирей не стало. Вновь начинается смута. Власть осарили шесть сыновей умершего хана. В соответствии с шариадом право было на стороне старшего Нур-Девлета. Поддерживаемый Польшей, он правил два года, а в 1468 г. в условиях непрекращающейся усобицы был изгнан Менгли-Гиреем, за которым стояли влиятельные беи и генуэзцы. Ситуация осложнилась вступлением в борьбу за престол представителя могущественного бейского рода Ширинов Эмилька, вынудившего Менгли-Гирея искать убежище в генуэзской Кафе, для администрации которой он был и почетным заложником, и политическим орудием как претендент на крымский престол. После захвата Кафы турками в июне 1475 г. он был доставлен в Стамбул и провел там три года в почетном плену.

Надеждам Ширинов на лидерство в политической жизни Крыма не дано было осуществиться. К тому же они не были чингизидами и это позволяло ордынским ханам вмешиваться в крымские дела. Эмилька не сумел укрепить своего положения, феодальные же смуты вызывали все большее общественное недовольство. В конце концов в 1478 г. Ширини, не без «подсказки» с османской стороны, вынуждены были обратиться к султану Мехмеду II с униженной просьбой вернуть Менгли-Гирея. Стоит привести выдержку из этого послания: «Слышали мы, что властитель наш находится у вас; умоляем ваше величество прислать его к нам не мешкая, так как за именем царя все наши дела пришли в расстройство. Пусть весь край будет собственностью султана, а Менгли-хан пусть будет его наместником»⁹². С этого времени и до 1774 г. Крымское ханство оказалось втянутым в политическую орбиту Османской империи. Это во многом определило его историческую судьбу.

С возвращением высшей власти Менгли-Гирею положение в Крыму стабилизировалось. Все крымские феодалы признали эту власть, но

внешняя опасность со стороны Золотой Орды, все еще достаточно сильной, сохранялась. Орда в равной степени представляла угрозу и для Московского государства, и для Крыма. И в конце XV — начале XVI в. они не раз объединялись в борьбе с ней.

Возвращение Менгли-Гирея в Кырк-ор было далеко не триумфальным. Крепость пришлось брать штурмом, так как Эмилька не желал сдаваться на милость соперника. Захваченный в плен оттырык беев Ширинских был убит. О том как непросто далось Менгли-Гирею возвращение Кырк-ора свидетельствует любопытный документ — ярлык, выданный им жителям Кырк-ора, датированный как раз 1478 г. Ряд страшных, на первый взгляд, положений ярлыка привели историколога М. А. Усманова к выводу о поддельности этой жалованной грамоты. Вот что он пишет по этому поводу: «Подозрение вызывает общий тон документа, в котором «сын Хаджи-Гирея» дает униженные для монарха клятвы (за нарушение договора с его стороны в качестве наказания перечисляются отвержение от веры, от корана, от милосердия всех святых, потеря прав на законную жену), хотя старейшины Кырк-ора фактически клятву не дают, кроме признания другого в качестве «сына Хаджи-Гирея». М. А. Усманов считает невозможным столь униженный тон со стороны Менгли-Гирея и думает, что в последние коины были внесены существенные изменения, в результате чего нарушилось равновесие «клятв и обязательств договаривающихся сторон»⁹³.

Однако если учесть политическую обстановку в Крыму в то время, ярлык не покажется столь странным. Ведь, во-первых, не ясен был еще исход борьбы с Эмилька-беем, а во-вторых, не исключалась угроза со стороны братьев. Если Солхат достался Менгли-Гирею довольно легко, то для похода на Кырк-ор ему пришлось собрать значительные силы⁹⁴ и принять меры для привлечения на свою сторону жителей самой мощной в то время на территории Крымского ханства крепости. Учитывая свое непрочное положение, Менгли-Гирей мог пойти на унижения. Что ж, такие ситуации в истории бывали, и не раз. Король Генрих IV Наваррский в 1594 г., для того чтобы овладеть французской столицей и тронном, согласился сменить протестантскую веру на католическую. «Париж стоит мессы», — заявил он при этом. Можно с уверенностью сказать, что для Менгли-Гирея Кырк-ор в 1478 г. значил не меньше, а униженные заверения можно было и забыть, укрепившись на престоле. Именно поэтому данный ярлык никогда больше не возобновлялся, о нем предпочитали не вспоминать обе стороны.

Обосновавшись в Кырк-оре, Менгли-Гирей правит отсюда подвластным ему государством. Здесь еще со времен Хаджи-Гирея чеканили монету, принимали послов, подписывали договоры с соседними странами, выдавали ярлыки своим подданным. Например, в 1480 г. Менгли-Гирей подписал в Кырк-оре договор с польским королем Казимиром.

Для неугодных существовала тюрьма — обязательный атрибут административно-феодалного центра. В 1493 г. в нее был брошен литовский посол Лез, и в дальнейшем недобрая слава шла о кырк-орской темнице, предназначенной для важных узников крымских ханов.

Есть все основания считать, что Кырк-ор при первых крымских ханах был не только их политической резиденцией, как считали многие исследователи, но и развивающимся торгово-ремесленным центром. Подтверждением этому является сложный этнический состав его населения, о чем свидетельствуют ярлыки Хаджи-Гирей и Мешли-Гирей. Причем если в первом, уже знакомом читателю, упоминаются «находящиеся в крепости Кырк-орской мусульмане, христиане, иудеи», то во втором (1468 г.) содержится конкретное указание на состав христианской общины. Это были армяне, главой которых назван Ованес Танекэ. Татарскую общину возглавлял Хафиз Бахшаша, иудейскую — учитель Ягуда⁹⁵. Такая национально-религиозная пестрота была характерна для торгово-ремесленных городов Востока. Обычно каждая община имела в городе свою территорию, квартал. Подобная структура была и в золотоордынском Сарае на Волге, в котором, по сведениям арабского путешественника Ибн-Батута, проживали монголы, кыпчаки, черкесы, русские, византийцы⁹⁶.

И все же для первых Гиреев Кырк-ор был прежде всего надежной крепостью. А это значит, что оборонительные сооружения должны были поддерживаться в надлежащем состоянии. И археологические данные подтверждают, что в это время перестраиваются и реконструируются основные звенья крепостного ансамбля. В раскопках на западной и южной окраинах плато оборонительные стены подвергаются полной перестройке. Можно утверждать, что дошедшие до нашего времени кладки относятся к XV—XVI вв. Предшествующие сооружения были полностью разобраны, и материал из них использовался при обновлении стен. Примером могут быть укрепления Пенджаре-исар, Биок-исар и Кучук-исар. В первом хорошо видны крупные известняковые блоки раннего периода, включенные в верхний ярус кладки. Сохранившаяся кладка Биок-исар, как показали исследования 1988 г., была практически полностью возведена в XV—XVI вв. Об этом свидетельствует мощный слой строительного мусора, перекрывающий слой с раннесредневековыми материалами. В земле, вместе с кусками затвердевшего раствора и щебенки, образовавшихся при подгессе камней, встречались обломки глиняных поливных полихромных тарелок и мисок. Это остатки утвари, которой пользовались мастера, перестраивавшие стены кырк-орской крепости. Особо была усилена главная оборонительная позиция — Средняя стена. Раскопки Е. В. Веймарна 1956—1959 гг. показали, что на втором этапе она была существенно реконструирована. Ее тыльный панцирь и верхние ряды забутовки были разобраны. К сохранившимся рядам были присыпаны необработанные камни. Образовавшуюся

отлогую насыпь покрыли слоем утрамбованной глины, на которую уложили сланцевые плиты. Таким образом, за квадратным панцирем образовалась терраса с ровной поверхностью. С тыльной стороны она была ограждена крешдой. Общая толщина оборонительного сооружения после этих изменений достигла 10 м. По предложению Е. В. Веймарна, возможной причиной появления такого валганга (в фортификационной литературе этим термином обозначается насыпной вал за бруствером, предназначенный для усиления крепостной стены и установки за ней орудий) была необходимость установки крутых метательных орудий. Однако с этим трудно согласиться, так как участок древнего лицевого панциря возвышался над поверхностью валганга на 3,3 м, не позволяя вести прицельный огонь. Что касается возможности перекидной стрельбы с закрытой позиции, то даже в огнестрельной артиллерии она была освоена не ранее XIX в. Это, кстати, не позволяет называть кладку лицевого панциря бруствером. Ведь сам термин бруствер переводится как «погрудная защита». Бруствер предназначался для прикрытия воинов, стоявших на боевой площадке, от обстрела неприятеля. Однако он же должен был давать возможность для ведения ответного огня. Поэтому обычно высота бруствера была не более 1,5—1,7 м. Другое дело, что на нем могли устанавливаться более высокие мерлоны (зубцы), между которыми через промежутки (амбразуры) можно было защитникам и укрываться при интенсивном обстреле.

До сих пор следы мерлонов на Средней стене не обнаружены, хотя можно предположить их существование на раннем этапе жизни сооружения. Обычно эти архитектурные детали в крепостях сохраняются хуже других. Однако с уверенностью можно утверждать, что бруствер должен был существовать на всех этапах функционирования оборонительной стены.

По аналогии с крепостными сооружениями Мангуца, также реконструировавшимися в XIV—XV вв., можно предположить, что бруствером служил гребень панциря стены, а боевая площадка, с которой действовали защитники, представляла дощатый помост, установленный на столбах вдоль кладки панциря. В то же время на Мангуце известны примеры усиления оборонительной стены подсыпкой камня с тыльной стороны. Такая подсыпка была проведена в XV в. накануне турецкого нашествия. Это делалось с учетом распространявшегося в то время в Причерноморье огнестрельного оружия. Возможно, это было причиной усиления основной оборонительной стены Кырк-ора. Можно предположить, что каменная насыпь в XV в. была выше сохранившегося уровня и, соответственно, бруствер был выше. Об этом можно судить по пераскопанному участку южной куртины до ворот Орта-капу. Здесь каменный навал подходит под сохранившийся гребень стены. Пристройка жилых усадеб к тыльной ее части в XVII—XVIII вв. привела к тому, что у южной куртины

валган был разобран почти полностью, за исключением участка у ворот, а на северной — частично, близ оконечности стены. Это объясняет существование здесь каминя, ниша которого врезана в пазуху стены, а также вымостки водостока на ней. Они принадлежали усадьбе XVI—XVII вв. Таким образом, поверхность террасы за стеной, открытая раскопками 1956—1959 гг., предназначалась не для военных целей, а для хозяйственно-бытовых нужд обитателей усадьбы, прилепившейся к оборонительному сооружению, утратившему к тому времени свое назначение. Создание же валганга можно отнести ко второй половине XV в., когда, как сообщает Эвлия Челеби, при первых ханах здесь «имело квартиры отборное войско».

В это же время перед воротами Орта-кану окончательно сформировался архитектурный ансамбль главной площади города. Его основными сооружениями стали мавзолей Джанике-хатун и мечеть, расположенная на стыке Кенасской и Средней улиц. Перед человеком, входившим в город через открытые ворота, прежде всего открывалось величественное купольное здание мечети, и лишь подойдя к нему, можно было справа на пригорке увидеть кырк-орский «Тадж-махал» — дворец «великой государыни». Несомненно, что мечеть была гордостью мусульманской общины города, главным храмом Крымского ханства. Эвлия Челеби застал мечеть уже закрытой, так как татары-мусульмане к этому времени покинули крепость, оставив ее караимам. Над входом турецкий путешественник прочел и записал надпись-хронограмму, высеченную шрифтом джели: «Эту благословенную мечеть построил в 859 году (1455 г.) великий султан и высокий хакан, господни над царями арабскими и адвешскими Хаджи-Гирей-хан, сын Гияз-ад-дина хана сына Эртогмаза. Да одарит его Аллах длительным существованием».

В 1928 г. руины мечети были раскопаны археологами. Одной из важнейших находок года стал фрагмент плиты с арабской надписью, прочитанной ученым-эпиграфистом О. Акчокраклы. Сохранившийся отрывок текста гласил: «Хаджи-Гирей, сын Гияз-ад-дина». Описание Эвлии Челеби исследователям тогда еще не было известно. Фрагмент надписи с датой 1346 г. (см. гл. II) считался доказательством того, что мечеть построена в это время, а Хаджи-Гирей предпологался строителем медресе при ней. Однако сейчас уже очевидно, что первый крымский хан всерьез занялся именно мечетью, придав ей соответствующее столичному городу величие. Реконструкция древнего здания была столь существенной, а лествица вельмож столь беспредельной, что в парадной надписи над входом в храм Хаджи-Гирей был назван ее строителем. Примеры такого рода «деточностей» в строительных надписях не редкость. Так, надпись над входом в мечеть Бишк-Хан-джам в Бахчисарайском дворце называет строителем ее Селямет-Гирей (1740 г.), хотя очевидно, что здание воздвигнуто ранее первой половины XVIII в.

Здание мечети — в плане четырехугольное (13,8 x 10,65 м по

наружному обводу, 12,0 x 8,85 — по внутреннему). Толщина стен — 0,65 м. Кладка бутовая с использованием тесаного камня. Вход с западной стороны. Слева от входа находился минарет, от которого еще в 20-е гг. сохранились следы винтовой лестницы и фрагмента балкочки — шафры, а в южной стене — основание михраба, перекрывавшегося сталактитовым сводом. Внутренний объем здания делился на три части рядами колонн со сталактитовыми капителями.

О других сооружениях Старого города, относящихся к «столичному периоду», определенных сведений нет. Как уже отмечалось, высказывалось мнение, что рядом с мечетью находилось медресе (духовное мусульманское училище). О его строительстве в правление Хаджи-Гирей сообщает историк крымских ханов Халим-Гирей. Подтвердить или опровергнуть это могли бы раскопки примыкающих к мечети строений.

Можно предположить, что правители ханства должны были иметь в городе дворец. Косвенно на это указывают сведения письменных источников о Кырк-оре как месте постоянного пребывания первых ханов. Здесь выдано большинство ярлыков, оформлены многие дипломатические акты. Где могла находиться резиденция, сказать трудно. Указанием на ее местоположение могут служить устные предания о существовании «дворца» в районе Южных ворот (Кичик-кану). Здесь действительно густыми зарослями скрыты руины монументальных построек, возможно некогда составлявших комплекс обширной усадьбы. В упоминавшемся уже раскопе на территории Куллюка, заложенном близ «дворца», слой XV в. был самым мощным, и в нем среди разнообразных находок бытовой утвари встречались осколки изразцов. Такими глазурованными керамическими плитками выкладывались стены парадных помещений в богатых домах. Вот и все, что можно сказать о «дворце» первых Гиреев в Кырк-оре. Прочие развалины многочисленных строений принадлежат времени более позднему.

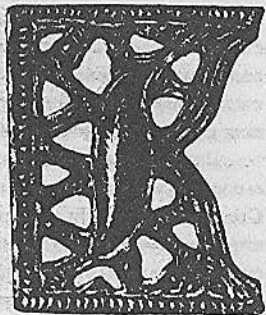
Разумеется, возникает вопрос, где размещались в городе упоминаемые в ярлыках три общины. Татары-мусульмане несомненно занимали Старый город. Нахождение здесь ханской резиденции и войска исключало возможность проживания иудеев, но здесь могли находиться их храмы, которые, как правило, старались скрывать за оборонительными стенами. Так было и в Кафе. Иоганн Шильтбергер, описывая этот город в первой половине XV в., сообщает, что в нем «есть два рода евреев, которые имеют две синагоги в городе и четыре тысячи домов в предместье». Здесь подразумеваются общины, представляющие ортодоксальное раббинистское и караимское течения в иудаизме. Вполне вероятно, что такая же картина наблюдалась и в Кырк-оре, то есть перед крепостной стеной должно было раскинуться предместье, торговое-ремесленный посад — неотъемлемая часть каждого восточного средневекового города. Не случайно первые сведения в нарративных источниках об иудейской и армянской общинах появляются в середине

XV в., то есть одновременно с формированием города. В XVI в., когда ханская ставка была перенесена в Бахчисарай и в Старом городе еще оставался татарский гарнизон, с западной стороны предместья была возведена оборонительная стена, именуемая сейчас «Восточной».

Поселение в Кырк-оре не случайно стало полиэтничным. Татары нуждались в каменщиках, кузнецах, ювелирах, кожевниках, торговцах. Прекрасными строителями считались армяне. Армянские артели возводили храмы, мавзолеи, дворцы на всей территории Византии, сельджукских княжеств, работали они в Северном Причерноморье. Мавзолей Джашке-ханым и мечеть имеют хорошо выраженные черты сельджукской архитектуры, посетителями традиций которой многие исследователи считают зодчих-армян. Что касается иудеев, то в средневековых городах Европы и Азии их общины занимались исключительно ремеслами и торговлей. Именно таковой описывают позднесредневековые источники караимскую общину Чуфут-кале.

С XV в. источники не упоминают об алапах-христианах, но, очевидно, они по-прежнему жили в окрестных долинах, занимаясь земледелием и скотоводством. Их религиозным центром стал Успенский монастырь, да и не только их, а всех христиан. В условиях господства ислама в Крымском ханстве этнические различия в среде православного населения стирались, уступая место этно-культурной общности, известной как крымские греки.

Глава IV. НА ОКРАИНЕ БАХЧИСАРАЯ

Как правило, шпенные посетители обычно попадают в Чуфут-кале через ворота Кичик-капу, выходящие на ущелье Марьям-дере. Уже говорилось, что это была пешеходная и вьючная дорога. Подъехать же к городу можно только с восточной стороны, по дороге, начинающейся на южной окраине Бахчисарая и огибающей верховья Исофатовой долины (в географическом смысле ее точнее назвать балкой). Для

человека, приближающегося к городу с этой стороны, он открывается оборонительной стеной. И поскольку местность здесь повышается к востоку и мы оказываемся на господствующей высоте, то размеры стены скрадываются и она не кажется такой уж серьезной преградой. Только подойдя совсем близко, можно обнаружить, что перед стеной, в скале, прорублен ров. Он начинается у ворот, называющихся Биюк-капу (большие ворота). Перед средней частью стены ров даже двойной. И этому есть объяснение, но оно будет дано позже.

От ворот к северу ров понижается, достигая под окончательностью стены края плато глубины 9 м при ширине 5 м. Здесь он особенно внушителен. Стоя на его дне, кажется, будто находишься в глубоком мрачном ущелье. Эвлия Челеби так описал оборонительную стену Нового города: «...во времена неверных глеуэзцев изощренные в своем искусстве камешники вырубали здесь глубокий и большой ров, а затем по внутреннему краю этого рва воздвигли большую стену, длиной в сто аршин, выстроили три мощные башни и в средней из них сделали железные крестовые ворота. Через эти ворота и идет дорога в горы, расположенные на юге». Действительно, в плоском скальном дне рва хорошо видны колеи, выбитые колесами повозок. Следы дороги прослеживаются и под обрывом плато. Они ясно показывают, что дорога вела в долину Ашлама-дере. Что касается трех башен в оборонительной стене, то с этим нужно разобраться. Как уже говорилось, в каменных крепостях эпохи средневековья ограда обычно состояла из куртин, разделенных башнями. Ограда восточного фронта оборонительной Чуфут-кале состоит из трех куртин, отличающихся друг от друга техникой кладки и характером использованного материала. Между средней и северной куртинами, нависая над рвом, высится действительно внушительная прямоугольная в плане башня. В верхней части ее лицевой стены видна круглая бойница, предназначавшаяся, вероятно, для пушки небольшого калибра. Башня имеет открытую тыльную сторону, в фортификационной терминологии «оржу». Зашитники и орудие находились на помосте, настланном на деревянных балках и, вероятно, поддерживавшемся столбами. Башня была полноценным фортификационным узлом, решавшим важные оборонительные задачи. С ее высоты простреливалась местность перед средней частью крепостного фронта, а также фланкировались пространства перед северной и центральной куртинами. Что касается башни Биюк-капу, разделяющей центральную и южную куртины, то она вызывает немало вопросов.

Башня Биюк-капу в плане прямоугольная 5 x 5,6 м. Высота с полной стороны — 9,3 м, со стороны города — 8,2 м. Ширина воротного проема — 3,5 м, длина — 4,8 м. Высота от поверхности дороги до чельмы подпружной арки 5,5 м. Ворота двустворчатые, полотнища из деревянных брусьев оббиты снаружи полосами кованого железа.

Над воротами Биюк-капу вмурована прямоугольная плита из белого проконесского мрамора. На ней грубо вырезаны два знака, в просто-

речи именуемые «сердцем и вилами». По поводу этих изображений высказано немало догадок: от толкования их как рисунков щита и рогатицы и до геральдического значения — как символов родов или общины, обитавших в Кырк-оре. Последнее более вероятно. Существование родовых знаков (тамг) зафиксировано в Крыму с конца I тыс. до н. э. Они широко распространились в период проникновения на полуостров сарматских племен, в основном на территории Боспорского царства, поэтому эти знаки нередко называют сарматскими. В дальнейшем, с появлением на полуострове тюркоязычных этносов, подобные знаки широко использовались для клеймения скота, обозначения границ пастбищ, водоемов и т. д. Появляются они на камнях оборонительных стен, искусственных пещер, на гончарных сосудах, черепице и других изделиях. Большую коллекцию знаков, высеченных в различных местах Чуфут-кале, собрал историк-краевед М. Я. Чореф. Знаки на Биюк-капу, по мнению известного энциклопедиста О. Акчокраклы, свидетельствуют о подчинении крепости татарским беям или хапам⁹⁷. Вилообразная тамга изображена на надгробной плите с арабской надписью, обнаруженной в 1928 г. на южном склоне в районе Биюк-капу. Вероятно, она происходит из мусульманского некрополя, полностью или частично уничтоженного при возведении восточной линии обороны. О. Акчокраклы сомневался в толковании этих знаков как начальных букв надписи на древнееврейском языке, переводимой как «скала иудеев». Весьма интересны сведения ученого-этнографа, бывшего директора Бахчисарайского дворца-музея татарской культуры У. Боданинского. Он отмечал, что в районе Евпатории вплоть до второй половины XIX в. аналогичный знак был тамгой деревни Кырк-чолак, и, таким образом, данная тамга могла относиться к роду с именем Кырк, перекликающимся с древним названием крепости⁹⁸. О. Акчокраклы обратил также внимание на то, что такая же пара знаков вырублена на большом известняковом блоке в кладке средней оборонительной стены слева от ворот Орта-капу. Поверхность камня сильно выветрена, изображения рассмотреть не так-то просто. Они гораздо круше тех, что выбиты на мраморной плите в Биюк-капу, и можно с уверенностью предположить, что древнее. При возведении башни Биюк-капу на ней очевидно были воспроизведены символы, имевшие отношение к Старому городу. Если бы это были тамги различных общин, зашмавших каждая свой район поселения, то вряд ли бы они повторялись при въезде в Новый город. Остается присоединиться к мнению исследователей 20-х гг., усматривавших в этих символах напоминание жителям крепости об их подчинении неким татарским родам, юрисдикция которых сохранялась над Кырк-ором и после создания перед его посадом новой крепостной стены. Ведь даже после того, как татары окончательно покинули крепость, оставшееся здесь население, большую часть которого составляли караймы, должно было платить

пошлину за ввоз различных товаров. Вероятно, об этих обязанностях, о зависимости общины и напоминали символы, расположенные на самом видном месте крепости — главной башне внешней крепостной линии.

Это внушительное сооружение могло выполнять только одну функцию в существующей оборонительной системе: служить громоздким обрамлением воротного проезда. В активной обороне прилегающих куртин и даже самих ворот эта башня участвовать не могла. Она выдвинута не в напольную сторону обороны, откуда только и можно было ожидать неприятеля, а вдается в сторону города, что конечно же нонсенс с точки зрения элементарных правил военно-инженерного дела. Еще одно наблюдение. На башне есть площадка, выложенная каменными плитами. На нее можно было подняться по приставной деревянной лестнице с центральной куртины. Площадка имеет хорошо выраженный уклон к напольной стороне, в сторону города она приподнята, что довольно страшно для боевого сооружения. Ведь местность перед укрепленной линией значительно повышается к востоку, таким образом противник, подходивший с этой стороны, находился на возвышении, то есть занимал чрезвычайно выгодную позицию: вел обстрел сверху вниз. Крепость же могла отвечать ему выстрелами снизу. Хуже не придумаешь! К тому же площадка надвратной башни, имевшая уклон в сторону обстрела, подставляла защитников под удар. Ни один грамотный фортификатор не мог так поставить башню. Остается предположить, что первоначально узел оборонительной линии имел иное решение. Для того, чтобы убедиться в этом, нужно пройти через ворота, если они, конечно, открыты, и посмотреть на южную стену башни. На ней хорошо видны камни, выступающие из плоскости кладки и наглядно указывающие место, к которому когда-то примыкала южная куртина; ныне она приставлена к юго-восточному углу башни.

На краю обрыва в южной куртине находится полукруглая в плане башня. Во всяком случае со стороны, особенно при взгляде из Иосифатовой долины, она выглядит как полноценная башня. На самом деле — это искусная архитектурная имитация. Закругленный изгиб был аккуратно облицован хорошо отесанными плитами. В нем было выложено большое прямоугольное окно (отходь не бойница), еще более усиливающее декоративный характер этого сооружения, судя по характеру кладки, весьма позднего. Из окна открывается головокружительный вид на верховья ущелья Марьям-дере. А сама башня, если смотреть из долины, придает романтический вид и без того экзотической панораме поднебесного города. Подчеркнем, что никакой оборонительной нагрузки это сооружение не несло. Вся южная куртина абсолютно лишена флангового прикрытия, ее скорее можно считать высоким забором, а не крепостной стеной. Что касается первоначального начертания оборонительной линии, то она, несомненно, также выходила к обрыву, но западнее современной башни. Фланговое прикрытие ей обеспечивалось с южной стороны башни

Биок-кау. Таким образом, если наша реконструкция планировки этого участка обороны верна, то его первоначальный вариант существенно отличался от современного.

Перенесена была не только южная куртина, существенно перестраивалась и центральная. В ее средней части хорошо виден выступающий вперед участок кладки, напоминающей лицевую сторону башни. Возможно, это фрагмент башни, включенный при перестройке в кладку куртины. Косвенно об этом свидетельствует расположение этого участка практически посередине между башнями. От башни над рвом — 24,5 м, до Биок-кау — 26 м. Это оптимальная дистанция, обеспечивавшая эффективный перекрестный обстрел пространства перед фасом куртины. Вероятно, Эвлия Челеби видел три мощные, близко расставленные башни, но в то время облик восточной оборонительной стены был иным. Естественно, напрашивается вопрос о времени создания и перестройки этого крепостного узла. Уже во второй половине XIX в. среди исследователей утвердилось мнение о сооружении восточной стены на рубеже XIV и XV вв. Основанием для этого послужили сведения, содержащиеся в двух эпитафиях, опубликованных караимским ученым А. С. Фирковичем, наряду с другими надписями кладбища в Иософатовой долине. Первая из них — эпитафия Моше (Моисея), умершего в 1396 г., называющая его основателем стены (не сказано какой, но А. С. Фиркович предположил, что речь идет именно о восточной). Далее в надписи упоминается Эльазар, завершивший ее создание. Вторая эпитафия 1433 г. посвящена Эльазару, вполне вероятно, тому же Эльазару, что и в первой надписи. О нем сказано, что он был главным начальником обеих крепостей (по А. С. Фирковичу, под ними подразумевались Старая и Новая части города).

Однако первая из этих надписей не может приниматься во внимание, так как ее подлинность была поставлена под сомнение еще в прошлом веке известным гебраистом Д. А. Хвольсоном, который в споре вокруг деятельности А. С. Фирковича обычно был склонен считать подлинными большинство из находок караимского исследователя (о проблеме научного наследия А. С. Фирковича будет сказано позже). Что касается второй надписи, то странно, что оборонительные стены одной крепости были названы отдельными крепостями, но не это главное. К сожалению, в натуре обе эти надписи до сих пор не обнаружены, хотя поиски их велись не один год. Отметим, что их не видели другие исследователи, в том числе и Д. А. Хвольсон. Возникает вопрос: существовали ли они вообще когда-нибудь? Ведь содержание надписей вызывает большие сомнения. Во-первых, в конце XIV в. крепость, как уже отмечалось, принадлежала татарам, в ней находился гарнизон, который вряд ли подчинили бы шверцу, тем более в столь смутное время. Во-вторых, даже в конце XVI — начале XVII в., когда крепость полностью была оставлена татарам и в ней жили практически одни караимы, ее начальником и кадием (судьей) ханской администрацией назначались татары, а владельцами крепости были беи

Яшлавские, собиравшие подати с местного населения. Лишь в конце 60-х гг. XVII в. в описании Эвлии Челеби упоминается, что комендантами назначались представители местных жителей евреев (караимов). В-третьих, исследователи восточная стена давно уже смущала своими архитектурными особенностями, не соответствовавшими представлениям об оборонительном зодчестве XIV—XV вв. Еще А. Л. Бертье-Делагард, в целом доверяя вышеупомянутым эпитафиям и не вдаваясь в их детальный разбор, писал, что стена «строена плохо и невежественно» и что она, «если не вся, то в наибольшей своей части (от ворот к северу) не ранее XVI в.». Основанием для этого явились ружейные бойницы в стене, аналогичные тем, которые известны в оборонительной стене Мангула²⁹. Следует, однако, отметить, что даты мангупских бойниц более поздние. Бруствер, в котором они находятся, был надстроен в конце XVII или даже в начале XVIII в. Впрочем, и на северном фланге восточной оборонительной стены Чуфут-кале они также относятся к верхней части стены, точнее к ее парапету. Он возведен на кладке куртины, в которой были амбразуры, заложенные при надстройке парапета. Хорошо видны три такие бойницы, расстояние между которыми составляет 6 м, а высота над основанием стены от 1,5 до 2,5 м. Несомненно, что они были созданы вместе с куртиной и являются органической частью ее конструкции. Надстроенные же бойницы подняты на высоту от 5,5 до 6,5 м от основания стены. Расположены они чаще, чем ширине, — промежуток составляет около 2 м. Странным на первый взгляд является то обстоятельство, что амбразуры скоцентрированы только в короткой (29 м) северной куртине, и без того хорошо защищенной самой глубокой частью рва и надежно флажированной башней. В центральной же самой длинной (57 м) и наиболее уязвимой куртине, есть всего лишь две бойницы возле Биок-кау. Одна из них — душевая круглая, а вторая — прямоугольная, вероятно, для тяжелого крепостного ружья. Предназначались они для обстрела дальних подступов к воротам. По правилам же фортификации обстрел должен быть более интенсивным по мере приближения противника к оборонительной линии.

На южной куртине, практически не подвергавшейся опасности прямого штурма из-за расположения ее на скальном склоне, были амбразуры, подобные тем, которые печатают северную. Это хорошо видно на рисунке, выполненном с натуры И. Медведевым в середине XIX в.

В настоящее время от этих бойниц в результате неоднократных перестроек и ремонтов бруствера не осталось и следа. На центральной же куртине ни визуально, ни по иконографическим источникам амбразуры не прослеживаются, это может служить еще одним доказательством того, что участок крепостной ограды был сильно изменен по сравнению с первоначальным состоянием.

А. Л. Бертье-Делагард считал, что надпись 1396 г. относится не ко

всей стене, а только к ее южному участку, и таким образом получалось, что восточная оборонительная стена строилась с конца XIV до начала XVI в. Большой промежуток в строительстве исследователь объяснил длительностью и трудностями постройки подобного сооружения.

Еще раньше А. Л. Бертъе-Делагарда караимский гахам (глава общины), автор нескольких книг по истории караимов С. Шашал относил даты 1396 и 1433 гг. не ко всей стене, а только к воротам¹⁰⁰.

Авторы работ, вышедших в свет в советское время, основывали свои выводы на заключенных А. Л. Бертъе-Делагарда. А. Л. Якобсон, соглашаясь с первой датой (1396 г.), считал, что стена была перестроена турками в XVI в.¹⁰¹ Д. Л. Талис вслед за А. Л. Бертъе-Делагардом полагал, что стена не имеет следов перестройки, а несоответствие между датой стены по эпиграфическим данным и ее архитектурными особенностями также объясняется длительностью ее строительства¹⁰².

Однако до сих пор в распоряжении исследователей не было самых важных аргументов для решения вопроса — археологических. Раскопки были проведены только в 1987—1988 гг. Поскольку велись они авторами книги, уместно будет познакомить читателя с их результатами.

Археологические исследования были подчинены не только научным, но и сугубо практическим целям. Восточная оборонительная стена — памятник, а памятник, как и все материальное, увы, имеет свойства разрушаться. К сожалению, этот процесс часто ускоряют люди. Поэтому памятники нуждаются в постоянной охране. Восточная стена в 60-х гг. нашего века неоднократно ремонтировалась киевскими реставраторами под руководством Е. И. Лоцушниковой и при участии Бахчисарайского историко-архитектурного музея: укрепилась кладка Орта-капу, восстанавливался верх северной башни. Однако до сих пор оставалась без внимания северная куртина, в особенности бруствер с ружейными бойницами, исчезающая буквально на глазах. В реставрационном деле существует золотое правило: прежде чем браться за верхки, нужно заглянуть в корешки, то есть полностью исследовать историческую ситуацию реставрируемого сооружения, установить состояние всех его элементов. Кроме того, всегда должна ставиться задача изучения пространства возле памятника, чтобы уяснить его связь с окружающей застройкой и культурными напластованными разными периодами. Исходя из этих задач, экспедиция Бахчисарайского историко-архитектурного музея и Симферопольского университета провела раскопки северной куртины у ее фланга на обрыве шлага. Выяснилось, что и история этого участка имеет три хорошо выраженных периода. Когда стены еще не существовало, на месте раскопа находилась жилая усадьба, от которой осталась глубокая прямоугольная вырубка в скале глубиной около двух метров. Такие ямы использовались в качестве подвалов. В них обычно устанавливалось несколько шифсов, в которых хранились зерно, вино, вода и другие припасы. На дне вырубки отложил-

ся культурный слой толщиной до 0,4 м. Археологические находки — немногочисленные обломки кухонных горшков и поливных мисок, датируются XV в., то есть временем, когда Кырк-ор был «Гнездом Гиреев», и перед средней оборонительной стеной сформировался неукрепленный посад. Застройка его доходила до расселины, по которой была проложена дорога в ущелье Ашлама-дере. Она служила естественной границей посада. В дальнейшем подвал оказался засыпанным строительным мусором; обломками камней, известковым крошевом, кусками кровельной желобчатой черепицы, так называемой «татарки». Толщина этого слоя, заполнявшего выемку до краев, достигала 1,5 м. Он сформировался в результате крушеного строительства. Важно отметить, что в нижней части слоя оказались фрагменты мусульманских надгробных памятников и даже целое надгробие Ахмада ибн ас-Сайида Махмуда, датированное 820 г. х. или 1416 г. н. э.*

Несомненно, что строительный эпизод, отраженный в этом заполнении вырубки, связан с возведением по соседству с ней крепостной стены. Такое строительство всегда оставляет большое количество отходов, особенно на ровной местности. К тому же на данном участке этот мусор пригодился для выравнивания ямы, оставшейся от разобранной усадьбы, мешавшей крепостному строительству.

Находки из второго слоя позволяют более точно установить дату создания самого раннего участка оборонительной стены. Ясно, что оно не могло начаться ранее 1416 г., иначе надгробие не пошло бы в выемку. Однако нужно учитывать обстоятельства, при которых стало возможным уничтожение мусульманского некрополя, очевидно оказавшегося поблизости от строящейся крепостной оградой.

Как известно, в мусульманском обществе особо чтут память об усопших. Места захоронений глубоко почитаются. Некрополи исламского населения, они защищаются всей мощью идеологической и административной системы. Только какие-то чрезвычайные обстоятельства могли вызвать уничтожение надгробий с мусульманскими символами, надписями на арабском языке, прекрасных произведений камнерезного искусства. У тех, кто пошел на них, должна была быть уверенность, что не осталось людей, готовых заступиться за память своих предков. Это означает, что заполнение выемки надгробными памятниками могло произойти значительно позже 1416 г. Вспомним, что до конца XV — начала XVI в. власть татарской администрации в крепости была безраздельной, так как она была ханской ставкой. Внимание к ней было ослаблено лишь после переноса Менгли-Гиреем резиденции в Салачик, а затем его преемниками и в Бахчисарай.

Таким образом, начало строительства восточной оборонительной стены можно отнести ко времени не ранее первой половины XVI в.

* Авторы благодарят сотрудницу КОИВ АН Украины Зырянова В. И. за помощь в изучении этого памятника.

У тыльной ее стороны была оставлена так называемая «военная улица», то есть незастроенное пространство вдоль оборонительной линии для беспретивного продвижения войск гарнизона. Проступствовала она, вероятно, до конца XVII — начала XVIII в., а потом жизнь взяла свое, и заповедное пространство за стеной начало застраиваться. На исследованном участке появилась жилища усадьба, от которой осталось основание помещения с тацдаром (печь для выпечки хлеба) и баней. Об этих памятниках мы расскажем подробнее, когда речь пойдет о застройке Нового города. Археологические материалы, связанные с этой позднейшей усадьбой, относятся к XVIII—XIX вв. Подтверждением столь поздней даты комплекса могут служить сведения, приводимые Эвлией Челеби, который особо отметил в своем описании отсутствие базара, магазинов, домов для приезжих, бани, виноградников, садов или хотя бы воды. Таким образом, баня — весьма внушительное сооружение — была построена после посещения города наблюдательным путешественником.

Как же в свете всего изложенного представляется авторам история восточной оборонительной стены? Она, несомненно, пережила несколько этапов, отражающих как историю поселения, для защиты которого она была возведена, так и эволюцию фортификационного дела. Можно в полной мере согласиться с А. Л. Бертье-Делагардом, что наличие в стене приспособлений для огнестрельного оружия указывает на довольно позднюю дату. Но и за относительно недолгое время функционирования (около 300 лет) крепостная ограда не раз подвергалась серьезным переделкам. Как уже отмечалось, в ней были проделаны ружейные бойницы, из которых можно было вести настильный прицельный огонь на дистанцию не более 150—200 м. Такова была эффективная дистанция стрельбы в то время. Малое количество ружейных бойниц в северной куртине указывает на небольшое количество ручного огнестрельного оружия в гарнизоне. Действительно, в XVI—XVII вв. лук еще не был вытеснен фитильным ружьем, весьма громоздким и ненадежным в сырую погоду. Лишь в середине XVII в. изобретение и широкое распространение ударного кремневого замка дало ружью преимущества над древнейшим метательным оружием — луком, изобретенным в эпоху мезолита около 10 тыс. лет тому назад. Кстати, в русской армии, еще в период кампании 1812 г., существовали конные отряды калмыцких лучников, успешно сражавшиеся с французской кавалерией. В Крымском ханстве ручное огнестрельное оружие получило довольно слабое распространение в связи с господствовавшей тактикой скоротечного боя, предусматривавшей быстроту внезапных налетов, отступлений, стрельбы с коня по преследующему противнику, в этих условиях луку разных видов оружия не было.

Вероятно, крепость этого периода оборонялась преимущественно артиллерией, однако места расположения орудий можно лишь пред-

полагать. Как отмечалось, возможно, небольшая пушка находилась на боевой площадке северной башни и на двух других, одна из них (центральная) не сохранилась, а Башок-капу оказалась значительно перестроенной.

Второй этап в истории восточной стены — реконструкция центральной куртины, которая вероятнее всего была проведена в конце XVII в. Однако и до этого она конструктивно отличалась от северной и южной куртин. Если предположить, что между Башок-капу и северной башней существовала еще одна, а это, как отмечалось, вполне возможно, то современная центральная куртина занимает место двух куртин и поглощенной ею башни. Она защищала самый уязвимый участок оборонительной линии, который мог быть подвергнут наиболее интенсивному обстрелу. Вероятно, в XVI в. эта угроза была не столь уж реальной. Трудно было представить, что в то время у стен крепости, расположенной в труднодоступной горной местности, в самом сердце Крымского ханства, оказался бы противник с тяжелой осадной артиллерией. Следует напомнить читателю, что в XVI в. в военно-инженерном деле появились важные новшества. Широкое распространение огнестрельного оружия, увеличение его эффективности, в особенности с началом применения чугунных ядер, заставило фортификаторов пересмотреть концепцию строительства крепостей. Если раньше их стены, оснащенные зубчатым парапетом, рвались вверх, еще более высокими старались делать башни, то теперь пушки заставили крепости прижиматься к земле. Сокращалась высота стен и увеличивалась их толщина, башни стали возводить ровнее со стенами. В Италии и других странах Западной Европы вместо башен возникают бастионы, вмещающие больше орудий и менее уязвимые для артиллерии. Наконец, в первой половине XVII в. камень и кирпич — основные строительные материалы для крепостей — были вытеснены прованческой землей. Теперь крепости окружались земляными валами с выступавшими из них бастионами. Они лишь облицовывались камнем, а их земляная середина поглощала ядра осадных пушек. Главный вал все более понижался по отношению к местности перед крепостью. Если старые каменные крепости гордо возвышались перед готовящимися к осаде врагом, как бы предупреждая своим видом — «не трошь меня!», то их земляные потомки на манер воинов XX в. — пехотинцев — вжимались в местность, стараясь ничем не обнаружить свою мощь, как можно дальше и лучше сохранить свои укрепления от губительного пушечного удара. Для этого перед валами и бастионами возводились дополнительные преграды: контргарды, ашелошты, рavelины, фоссеберен. Перед рвами еще с конца XV в. появился гласис — отлогая в сторону противника земляная насыпь, прикрывавшая и главный вал, и так называемый прикрытый путь вдоль внешнего края рва. Фактически активная оборона начиналась теперь перед рвом, а не на главной крепостной оgrade, как было раньше.

Строительная история восточной оборонительной стены отражает

период военного зодчества, пришедший на исход средних веков и начало нового времени. Однако прогрессивные тенденции в отдаленный от Западной Европы Крым проникали не столь уж быстро. Они внедрялись османскими военными инженерами, находившимися под влиянием французской военно-инженерной мысли. Как известно, французские фортификаторы возвели в начале XVIII в. крепость Ени-кале, защищавшую Керченский пролив, а еще ранее основательно реконструировали Арабатскую, сторожившую сухопутный перешеек, Арабатскую косу, соединяющую Крым с материком.

В конструкции средней куртны восточной линии обороны Чуфут-кале хорошо прослеживается влияние уже вполне сформировавшихся идей эпохи господства огнестрельного оружия. Высота куртны с бруствером достигает всего 6 м. Причем фас ее имеет заметный уклон в сторону города. Это характерная черта валов крепостей XVII—XVIII вв. Как уже отмечалось, основой их главного вала была земля. Снаружи вал был лишь облицован каменной одеждой, не позволявшей земле оползти в ров и создававшей в то же время недоступный для противника эскарп. Если посмотреть на поперечный разрез, от тыльной стороны центральной куртны до предоля, то легко убедиться, что профиль ее содержит все элементы и пропорции, характерные для крепостей XVI—XVIII вв. Хорошо видно, что стена служит лишь одеждой вала, составляющего ядро всего сооружения. Между рвом и куртной, от ворот к башне, тянется скальный выступ высотой от 1,5 до 2,2 м и шириной до 2,8 м. Пространство между ним и куртной играет роль как бы второго рва. На самом деле это характерный элемент фортификации XVI—XVII вв. — так называемая фоссебрея, или ложный вал, прикрывавшая тишину для этого времени широкую берму (пространство между рвом и главным валом). Фоссебрея предназначалась для обстрела рва, но главное — служила доополнительным прикрытием стены от артиллерийского обстрела. Нетрудно убедиться, что в условиях местности, на которой позиция осаждающих была господствующей по отношению к крепости, это было особенно важно. Фоссебрея перед центральной куртной не была насыпной или сложенной из камня. Искусные каменотесы, создавшие укрепление, при ломке камня по линии будущей стены оставили участок скалы нетронутым, создав тем самым профиль крепостной ограды, соответствующий требованиям фортификации того времени.

В связи с нашими рассуждениями интересны упоминания о Кырк-оре двух источников. Блез де Вижер, находившийся на службе польского короля, в 1573 г. упоминает в своих мемуарах о городе Киркен, в котором находится замок из дерева и дерна на вершине скалы¹⁰³. А торговый префект Кафы итальянец Эмиддио Доргели д'Асколи, хорошо знавший Крым, в 1634 г. упоминает о крепости и приводит ее название — Топра-Кала, то есть «земляная крепость»¹⁰⁴. Вряд ли эти авторы независимо друг от друга могли выдумать столь

схожие сведения. Скорее всего в этих данных отражен реальный факт: главный участок внешней линии обороны Кырк-ора действительно напоминал вал, покрытый дерном, подпертый с наружной стороны каменной стеной. Для образованных европейцев, знакомых с азами фортификации своего времени, важным было наличие именно вала, составлявшего основу главной куртны крепостной линии. Из чего он был насыпан? Был ли он действительно земляным? Зачистки у северной стены башни Биок-кау показали, что вал в основном состоял из ломаного камня, перемешанного с землей. Камень на плато добыть было гораздо легче, чем землю. Он находился тут же под ногами. Вполне вероятно, что вал был присыпан за стеной после ее возведения в первой половине XVI в. Оыт таких сооружений в Крыму начал накапливаться с середины XV в. Подобная каменная насыпь была создана за одной из оборонительных стен Мангуца накануне турецкой осады, во время которой турки использовали тяжелые орудия калибром до 40 см. Как уже говорилось, во второй половине XV в. усиливается валгангом средняя стена Кырк-ора, неудивительно, что и центральная куртня восточной крепостной линии сооружалась с учетом этого опыта.

Возможно, вначале она конструктивно была такой же, как северная куртня, но вскоре, во второй половине XVI в., понадобилось усилить тыльную часть центрального участка обороны каменным валом. Во времена Эвлии Челеби с внешней стороны он сохранял еще прежний облик. Хорошо были выражены три высокие башни. Затем в конце XVII или начале XVIII в. с учетом новых веяний в военно-инженерном деле возводят новую центральную куртню, поглотившую среднюю башню и окончательно придавшую крепостной линии вид, присущий укреплениям новейших крепостей: Арабатской и Ени-кале. Северная куртня, не подвергавшаяся опасности прямого штурма, осталась в основе прежней, приобрела лишь верхний ярус бойниц, а южная оказалась вынесенной вперед по отношению к старой линии на 10 м. Таким образом, боевая башня Биок-кау как бы отступила к городу, скрывшись за флангами центральной и южной куртни. Последняя, благодаря расположению на скальном уступе, высота которого увеличивается по мере приближения края обрыва, не внушала опасений как место возможного штурма и обстрела. Поэтому стена толщиной около 1 м не нуждалась в усилении тыла каменной присыпкой. Сохранившийся в ее средней части бруствер высотой до двух метров, вероятно, когда-то (по крайней мере в середине XIX в.) имел ружейные бойницы. Сейчас их уже нет. Они исчезли во время ремонтов, практически превративших боевое сооружение в высокий каменный забор. Башенка романтического облика на южной куртне — являющаяся поздняя, появилась она во второй половине XVIII или даже в начале XIX в. Она является декоративным завершением южного фланга внешней оборонительной линии крепости, не имевшей серьезного боевого назначения. Сооружение это удачно включено в живописный

горный ландшафт, создавая образ таинственного города, как бы возникающего из глубин средневековья. Хорошо видно, что башня (будем так условно называть этот участок курганы) — позднейшая надстройка над более ранней кладкой, последняя в свою очередь относится ко времени не ранее конца XVII в.

Декоративная башня появилась на южном фланге не случайно. Это не просто прихоть неизвестного нам зодчего. Она создавала определенное настроение, придавала местности сходство с весьма почитавшейся последователями иудаизма и мусульманства долиной близ священного древнего Иерусалима. На склонах этой долины находится древнее кладбище. Существует поверье о том, что здесь состоится последний страшный суд, о котором сообщает пророк Иона: «Я (Иегова), соберу все народы, и приведу их в долину Иосифата, и там произведу над ними суд». Верховья глубокого ущелья, на южный обрыв которого выходили дома Чуфут-кале, также называются Иосифатовой долиной. В ней находится некрополь караимской общины, о котором будет сказано ниже. На долину близ Чуфут-кале не только перенесено библейское название, но и в природно-архитектурный ансамбль местности внесены были узнаваемые детали иерусалимской святыни. Обратившись к репродукции гравюры, изображающей Иосифатову долину в Палестине, можно увидеть круглую башню, господствующую справа над входом в ущелье, ее-то и воспроизвели зодчие-караимы для придания крымской Иосифатовой долине истинно библейского облика.

Не случайно среди караимов было распространено убеждение, что А. С. Фиркович после возвращения из путешествия по Палестине, пораженный сходством долины у Иерусалима с кладбищенской балкой в верховьях Марьям-дере, дал ей название Иосифатова¹⁰⁵. Справедливости ради следует заметить, что этот экзотический топоним бытовал ранее появления здесь А. С. Фирковича. Впервые в литературе это название долины зафиксировал П. С. Паллас в конце XVIII в.¹⁰⁶

Пространство Нового города, зажатое между средней и восточной стенами, ныне покрыто руинами оград и домов, сохранивших черты первоначальной планировки. В зимнее время особенно хорошо заметно, что развалины лишь незначительно затянулись землей: просматриваются улицы и переулки, калитки, ведущие во дворы. Местами на свободных от камней участках выступает поверхность материковой скалы. Напомним, что еще в начале XIX в. посетившие Чуфут-кале путешественники отмечали, что земли в городе практически не было. Посетители обращали внимание на жилища и быт обитателей поднебесного города. Фактически эти описания являются основными источниками для изучения жизни поселения на последнем этапе его существования. До настоящего времени усадьбы на территории городища не подвергались систематическому археологическому изучению. Целью раскопок Е. В. Веймарна в 50-х гг. и авторов данной книги

в 80-х гг. было в основном исследование оборонительных сооружений, а остатки усадеб затрагивались постольку, поскольку они были связаны с крепостными стенами.

Можно достаточно уверенно утверждать, что уже в середине XVII в. сложилась система застройки, существовавшая и в первой половине XIX в. По словам Эвлии Челеби, всего в Чуфут-кале насчитывалось 530 домов, из них в Новом городе — 200. Если подразумевать под этим количество усадеб, а за среднюю брать семью в 6 человек, можно определить численность населения — 3500 человек. Через столетие (1769 г.) немецкий купец Клеemann, странствующий по Крыму, упоминает о деревне в полумиле от Бахчисарая, именуемой Кало, защищенной ветхой стеной с башнями. Жителей ее Клеemann называет Кара Ягуди, т. е. черными евреями, отличающимися по ряду религиозных традиций от евреев-раббинистов. Клеemann отмечает, что они не следуют Талмуду, а чтут только Тору, то есть Пятикнижие, первую часть ветхозаветной Библии. Им принадлежали в Чуфут-кале 120 домов¹⁰⁷, а значит, численность жителей сократилась по сравнению со временем посещения крепости Эвлией Челеби и достигла максимум 800 человек. То же количество домов называет Тузмаш в своем сочинении «Крымское ханство», включенном в «Большое землеописание Бюшпага», вышедшее на немецком языке в 1784 г. Не исключено, что Тузмаш, никогда не бывавший в Крыму, но собиравший практически всю доступную литературу о нем, пользовался описанием Клеemann.

Однако со второй половины 80-х гг. XVIII в. источники фиксируют увеличение городской общины. Жильбер Ромм, побывавший в Крыму в 1786 г., отметил отличный вид городских строений, указывает, что их насчитывается свыше 200¹⁰⁸. Ту же цифру называл академик П. С. Паллас, собиравший в 1794 г. материалы для обширного научного труда о населении, природе и истории полуострова, добавив, что население составляет 1200 душ обоего пола¹⁰⁹. Судья П. И. Сумароков в 1799 г. скрупулезно фиксирует точное количество домов — 227. Из его сочинения эта цифра перешла в справочную географическую литературу первой половины XIX в.¹¹⁰ Вероятно, до 30-х гг. XIX в. отток жителей из города был незначительным. Французский маршал Мармон писал, что живущие обособленной жизнью караимы Чуфут-кале занимают «домов триста»; цифра приблизительная, но позволяет судить о все еще достаточно плотной застройке города¹¹¹.

К концу XIX в. картина уже была иной. Стоит процитировать описание города, точнее его руин, принадлежащее перу караимского гахама С. М. Шашала: «Внутренность Кырк-Ера в настоящее время представляет печальный вид: дома за весьма малым исключением указывают нам, что город имел весьма оригинальный вид, дома всегда с балкончиками (софа), окнами во двор, большей частью двухэтажные, причем в верхнем этаже всегда жили сам

хозяин, а шкиний — обыкновенно отводился под конюшню для лошадей и ослов и тут же имелось помещение, куда жители загоняли на ночь свои стада. Дома отапливались первобытными печами тандурами, устроенными в земле посредине комнат. По обеим сторонам улицы или переулка тянулись высокие сплошные заборы, как бы предназначенные для того, чтобы скрывать от нескромного взгляда то, что делается за ними. Изредка попадались в стене крохотное окошечко с решеткою, крыльцо в несколько ступеней и опять тянулась белая, голая стена»¹¹².

К этому можно добавить, что перекрытие домов было обычно стропильным, кровли черепичными. Обломки черепицы — «татарки» — наиболее многочисленные находки при раскопках в любой части города.

Упомянутые печи — тандуры, или тандыры, устраивались обычно в жилых помещениях или во дворах под навесом. Они служили не только для отощления, но и для выпечки лепешек. Обычно тандыры были круглыми, достигая в диаметре 2 м. Если была возможность, основание их заглублялось в землю до 1 м и более. Иногда нижняя часть вырубалась в скале. Воздух в печь попадал снизу через специальные каналы, сделанные нередко из гончарных водопроводных труб. Через отверстие в верхней части купольного перекрытия тандыра внутрь ставились котлы или горшки для приготовления пищи. Лепешки прикреплялись к внутренней поверхности стен. В сильные холода, для того, чтобы согреться, садились на край тандыра и спускали в него ноги¹¹³.

В целом архитектура жилых домов Чуфут-кале выдержана в традициях крымского позднесредневекового зодчества, хорошо представленного памятниками Бахчисарая, Карасубазара, Кафы, многих крымских сел, сохраняющих еще так называемые «татарские дома», по сути восходящие к раннему средневековью и античности. Такой тип жилых усадеб сложился в глубокой древности у населения горных областей Южной Европы и Передней Азии. В Таврике носителями этих архитектурных традиций было христианское население, потомки византийских иранцев, аланов и готов. От них навыки каменного зодчества перенимали оседавшие в предгорьях кочевники, постепенно вливавшиеся в среду земледельцев.

О конструкции и размерах жилых и хозяйственных построек Чуфут-кале, лежащих в руинах, а то и вовсе разобранных, можно судить по грездам для укрепления балок и крыш, вырубленных на панцирных блоках лицевой стороны средней оборонительной стены. Это было очень удобно: пристраивать к заброшенной, потерявшей военное значение стене дома. Пристройки скрывали рвы, вырубленные в скале (см. главу I), поглотили среднюю стену, растворили ее в городском пейзаже. Пожалуй, только арка Орта-кау напоминала о бывшей разделенности крепости на «татарскую» и «караимскую»

части, и уж, конечно, вряд ли в XVIII в. вспоминали о временах, когда средняя стена была главной внешней защитой аланского и раишетатарского Кырк-ора. В начале XIX столетия русские военные топографы, люди наблюдательные и педагогичные в своем нелегком деле, сняли план Чуфут-кале, тогда еще живого города. Они зафиксировали контуры кварталов, восточную оборонительную стену, но средняя стена на этом плане отсутствует. Очевидно, в то время она была скрыта постройками. Только заустыне города с середины XIX в. позволило сбросить средней стене позднейшие неказистые одежды и предстать в своем первоначальном виде.

Как пример можно вспомнить судьбу оборонительной стены знаменитого московского Китай-города, в XVI в. оказавшейся, что называется, не у дел в связи с ростом столицы. На протяжении 3—4 столетий она до самой боевой площадки была завалена бытовым мусором, к ней пристраивались жилые дома, а некоторые из них даже перекрывали стену. Москвичи не знали, что их жилища стоят на древней оборонительной линии¹¹⁴.

Необходимо остановиться и на памятниках нижнего этажа Нового города, его подземных сооружений. К настоящему времени известно 44 помещения, и, несомненно, часть их еще скрыта под руинами усадеб. В отличие от Старого города пещеры в основном концентрируются на северной окраине плато, гораздо меньше их на застроенной территории и лишь единицы на южном краю. Все они имеют четко выраженные архитектурные особенности: в плане обычно четырехугольные, с хорошо выраженными углами, стены совмещаются с толчками под прямым углом. Посредине помещения в большинстве случаев можно увидеть монолитные подиумные столбы, прямоугольные или квадратные в поперечном сечении. Фактически это невыбранные при сооружении пещер участки скального грунта. Такие опоры были необходимы в больших по площади подземных сооружениях, имевших относительно тонкую скальную крышу, на которой нередко располагались наземные постройки. Впрочем, иногда столбы можно увидеть и в небольших помещениях с надежным потолком. Здесь они были скорее данью архитектурной традиции, чем несущим элементом конструкции. При расширении уже существовавших помещений иногда в одной из стен вырубали выступ, шпильстру, заменявшую столб.

О назначении подземных сооружений сведений немного. Нет ни одного описания их внутреннего облика, относящегося ко времени жизни поселения. Можно достаточно уверенно сказать, что пещеры последнего этажа Чуфут-кале по назначению были преимущественно хозяйственными. Некоторые использовались как жилища для беднейших обитателей, о чем свидетельствует Эвлия Челеби. Две пещеры в Старом городе близ южного фланга Средней стены носят название Хамам-коба и Сахыз-коба, то есть банная и мастичная. Название первой ясно, хотя угадать в обширной пещере, какие именно детали

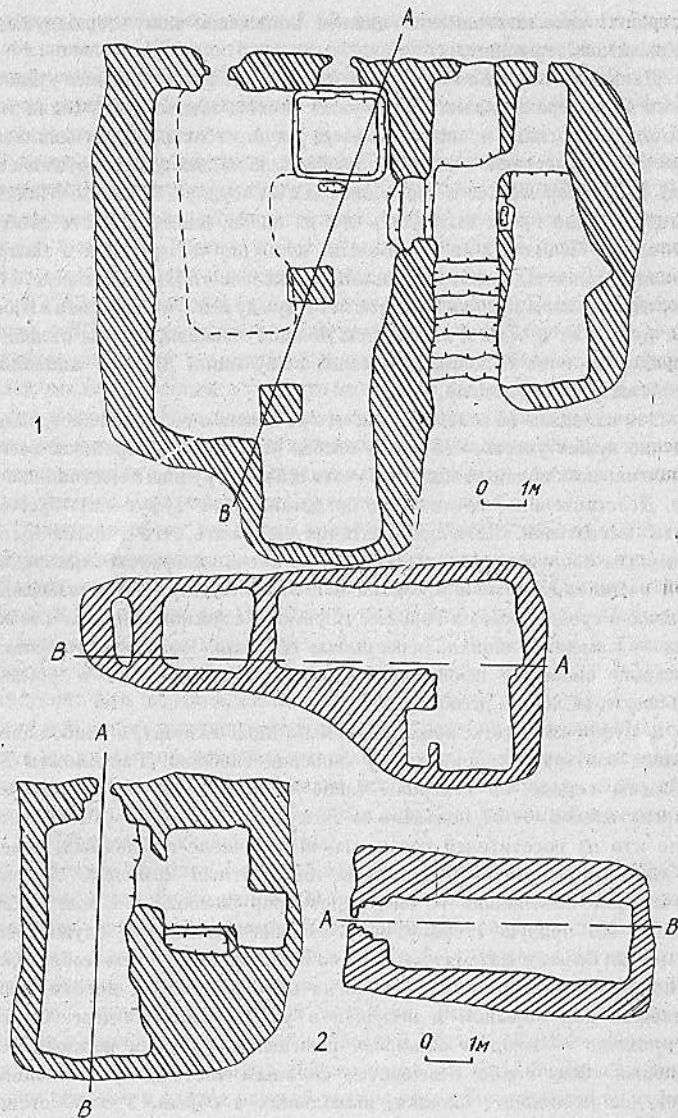
устройства связаны с баней, весьма сложно. По поводу второй утверждалось, что в ней женщины-карабки после банных процедур развлекались жеванием мастики.

Вообще же в представлениях о пещерах, распространенных в XIX в., господствовали вымыслы и романтические легенды. Особым вниманием посетителей тогда, впрочем как и в наши дни, пользовался двухэтажный пещерный комплекс, вход в который находился в малом внешнем рву перед средней оборонительной стеной. Это внушающее уважение сооружение именовалось Чауш-кобасы, то есть «пещера воина». Приведем описание, составленное по материалам учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии А. Н. Поповым: «Пройдя воротами эту стену, построенную из громадных камней, все повернули налево, на самый край скалы и по лестнице спустились в тюрьму, состоявшую из двух комнат: в первой по словам проводника проходил суд, а во второй налево, несколькими ступенями ниже — расправа. У стены два углубления: в первом обваривали осужденных кипятком, а над вторым рубили головы. Тут же, в задней части, мы видели и камешные места, в рост человека, так называемые камешные мешки»¹¹⁵.

Эти холодящие душу подробности уже не встречаются в современной научно-популярной и справочной литературе, однако нет-нет да и услышишь об отрубленных головах в доверительных рассказах некоторых экскурсоводов, считающих такие сюжеты изюминкой своих экскурсий. Слишком уж прозаично воспринимается объективная информация, полученная Е. В. Веймарном при раскошках малого рва. Исследователь пришел к выводу, что Чауш-кобасы — подвальное помещение богатой караимской усадьбы, построенной не ранее XVII в.¹¹⁶ И скучно и грустно станет здесь любителям душераздирающих историй, но что поделаешь, истина дороже.

Следует отметить, что в караимской литературе конца XIX—начала XX вв. высказывались здравые мысли об использовании пещер владельцами усадеб в качестве погребов и кошюшен¹¹⁷.

С Чауш-кобасы, поражающей своими размерами, молва соединила исторические сведения о существовании в Чуфут-кале темницы, в которой ханы содержали самых ценных своих пленников. Первые сведения об этом появляются в конце XV в. В 1498 г. Мешли-Гирей велел «срешить» в Кырк-оре литовского посла Леза, выразив тем самым свое отношение к великому литовскому князю Александру. В дальнейшем Чуфут-кале неоднократно фигурирует как место заключения в основном для тех, кто стал военной добычей крымских татар. Таким знатым узником был воевода В. Б. Шереметьев, с 1660 по 1681 г. находившийся в крымском плену; герман Потоцкий, захваченный в сражении при Корсуни в мае 1648 г.; стольник князь А. Ромодановский и другие знаменитые люди. Иногда в темнице Кырк-ора содержали влиятельных в ханскую немилость послов. Один из них, В. Айтемиров, весьма образно

План и разрез предполагаемой тюрьмы.

определил свое состояние в данном положении как «страждущего в Крымском терпении».

Давно уже спорят о том, где именно «испытывали терпение» узники, какой из пещерных казематов служил местом заточения¹¹⁹. Была эта сомнительная слава приписана пещере Чауш-кобасы. Высказывалось, впрочем, и сомнение в том, что тюрьма была подземным сооружением. Ведь В. Б. Шереметьев в своих письмах к государю Алексею Михайловичу, слезно прося выволить его из плена, пишет о месте своего заточения: «Капдалы на мне больше полшуда; четыре года я заперт в палату, окна заделаны камешьями, оставлено только одно окно. На двор из избы яиди не бывал я шесть лет и пужду всякую исполню в избе, и от духу и от пужды и от тесноты больше оцижал, и зубы от цинги повышадали и от головных болезней вижу мало, да и от капдалов обезножел, да и оглодел».

Это наводило на мысль о том, что речь шла о наземной постройке. Однако нужно учесть, что слово «изба» употреблено вероятнее всего в значении помещения вообще, без учета его конструкции и местоположения. Действительно, трудно себе представить на Чуфут-кале бревенчатый пятистенник. Логичнее всего предположить, что тюрьма была пещерным сооружением, естественно, не очень комфортабельным, но зато очень надежным и прочным в смысле надзора за пленниками. Обычно в средневековых городах тюрьмами служили подвалы или же ямы — каменные ящики, перекрытые сводами. Читатель наверняка вспомнит описание тюрьмы в Соловецком монастыре в романе В. Шукла «Слово и дело».

В Чуфут-кале есть, пожалуй, только один каземат, в наибольшей степени соответствующий месту лишения свободы. Расположен он в Новом городе на северном краю обрыва в 50 м от средней оборонительной стены, недалеко от экскурсионного маршрута. Однако мало кто из посетителей городища, в том числе и бывалых, знает об этом сооружении. Этот весьма любопытный комплекс состоит из четырех помещений. К ним ведет прорубленный в скале узкий проход. По правую сторону — небольшое помещение, служившее, возможно, боевым казематом, судя по находившейся в нем амбразуре, из которой просматривалась и могла простреливаться дорога, проходившая под обрывом и ведущая в ущелье Ашлама-дере. Слева от прохода — вход в обширное помещение с двумя подпорными столбами. Оно слабо освещается дневным светом, проникающим через два небольших окошка, выходящих в обрыв. У этой стены лежит отверстие люка, ведущее в нижнее помещение Г-образной формы. Попасть в него можно, срыгнув (что небезопасно) или спустившись по стремянке высотой не менее 2,5 м. По краям отверстия люка сохранилась подрубка, указывающая, что когда-то он перекрывался деревянным помостом. Ну чем не тюрьма? Более надежного каменного мешка не придумаешь. Охранять людей, находившихся

в нижнем помещении, могли 2—3 стражника, заодно выполнявшие и обязанности наблюдателей за окрестностями и дорогой. Ни один заключенный не мог бы самостоятельно выбраться наверх. Как тут не вспомнить слова Эвлии Челеби, повидавшего немало темниц в крепостях Европы и Азии и все же пораженного увиденным: «В этом замке находится тюрьма для пленников хана. Другого такого ада нет на всем свете... Выбраться из этой тюрьмы в Чуфут-кале ни одним образом нельзя, разве что человека в гробу оттуда вынесут». Именно такое чувство безнадежности охватывает, когда стоишь у люка в пещере на северной окраине Нового города.

В 1983 г. совместная археологическая экспедиция Бахчисарайского музея и Симферопольского университета в числе прочих объектов исследовала и этот комплекс. Каково же было изумление исследователей, когда, уверенные в том, что именно им впервые пришла в голову мысль о пещерном комплексе как о тюрьме, они услышали от местных жителей, что, по рассказам старожилы, здесь была страшная тюрьма древнего города и что еще в середине прошлого века в ее стенах можно было увидеть вделанные в скалу железные кольца и цепи.

Завершая обзор скальных сооружений Нового города, заглянем в буквальном смысле на самое дно. Как отмечалось, до сих пор остается открытым вопрос о том, как снабжался Старый город водой. В отношении же Нового все более или менее ясно. Недалеко от южного обрыва между усадьбой А. С. Фирковича и Средней оборонительной стеной находится колодец, ныне закрытый железной решеткой. Его вертикальный ствол диаметром 1,4 м пронизывает скалу и выходит в естественную пещеру у подножия обрыва. Некогда в нее из карстовой трещины струилась вода. В древности источник несомненно хорошо был известен жителям окрестных долин. Об этом свидетельствуют разнообразные знаки — тамги, обнаруженные М. Я. Чоревым на стенах пещеры.

Создание колодца можно связать с появлением Нового города, которому понадобился надежный источник воды, доступный с плато. Наиболее простым решением было добраться сверху к пещере под обрывом. Для безопасности вход в нее был заложен и, вероятно, замаскирован, чтобы неприятель во время осады не мог обнаружить жизненно важный для города источник. Воду доставали ведром, опуская и поднимая его с помощью ворота, кстати, об этом напоминает татарское название колодца «Кошка-кую», то есть «ведро-колодец». Таким образом в случае военной угрозы город был надежно обеспечен водой. Как долго служил колодец, мы не знаем, но уже Эвлия Челеби отмечал, что воду в Чуфут-кале доставляли на вьючных животных снизу из источника у кладбища Газы-Мансур. Обычно на осла навьючивали по два бурдюка или бочошка. По словам академика Палласа, жители Чуфут-кале для перевозки воды и других тяжестей во времена Крымского ханства использовали только ослов,

так как на лошадях ездить запрещалось, а мулов не позволял разводиться закон. В XIX в. ограничения были сняты, и караванмы стали использовать лошадей.

Через Кичик-капу животные доставляли свою пелегкую пошу на плато, и погонщики стуком в запертые калитки извещали хозяев о доставке драгоценного товара. За бочонок воды в Чуфут-кале в 90-х гг. XVIII в. платили пять копеек, деньги в те времена немалые¹¹⁸.

Не пропала и дождевая вода, сбегавшая по улицам и переулкам. По системе желобов, вырубленных в скале, по водопроводам из гончарных труб, по колесам в скале от колес телег она направлялась в водосборные бассейны и цистерны. С внешней стороны Биюк-капу можно увидеть обширный бассейн, имеющий с западной стороны ступенчатый спуск, позволявший овцам и лошадям пить воду со дна. Как уже отмечалось, большой водосборный резервуар, перекрытый каменным срубом, находится у Орга-капу. Во дворах многих усадеб были обширные цистерны, вырубленные в скале.

Несмотря на все трудности с водой, в городе тем не менее были даже бани, в которых использовалась природная вода. Если есть сомнения относительно соответствия названия Хамам-кобы ее реальному назначению, то открытые раскопками 1987—1988 гг. остатки постройки возле северного фланга Восточной оборонительной стены несомненно были баней. Даже на фоне высокой строгительной культуры караимской общины Чуфут-кале баня выделяется тщательностью отделки. Несмотря на то, что стены практически не сохранились, сделать такой вывод можно по уцелевшему полу моечного отделения, выложенному из отлично подогнанных друг к другу известняковых плит. В полу проделаны отверстия стоков, выводивших воду в обрыв. Заслуживает особого внимания царильное отделение. Это небольшое помещение, рассчитанное на одного человека. В нем была печка, на которой, вероятно, устанавливался котел для воды. Пол сложен из четырех квадратных плит серого мрамора. Под ним проходит тонкий канал, стены которого были покрыты козотью. Таким образом, пол в царильке подогревался снизу, как это делалось обычно в турецких банях. В качестве моющего средства применяли кил — белую мылящуюся глину, — месторождения которого есть в Крыму. В XVI—XVII вв. ее в большом количестве вывозили в Турцию. Рядом с царильным отделением сохранилась квадратная каменная ванночка, в которой кня разводили и образованнейшей кашеобразной массой покрывали тело и волосы, а затем смывали. Не обходилось и без огорчений для посетителей. В помещении, служившем, вероятно, предбанником, разделькой, найден серебряный мужской перстень с халцедоновой ветгавкой, потерявший хозяином, иршедшим попариться в бане.

Как уже отмечалось, Эвлия Челеби писал, что в городе не было бани. Эта баня была построена в конце XVII — начале XVIII в., вывод подтверждается обнаруженным при раскопках археологическим материалом.

Что нам известно об этническом составе населения Чуфут-кале? Напомним читателям, что в раннесредневековый период в окрестностях крепости жили преимущественно аланы. Упоминаются они вплоть до XV в. С середины XIV в., после захвата Кырк-ора татарами, можно говорить о появлении здесь нескольких этноконфессиональных групп. Источники упоминают о мусульманской, христианской, армянской и иудейской общинах. В позднесредневековое время несомненно доминирующей группой населения становятся караимы. Их деятельность во многом сформировала тот неповторимый облик города, в котором предстает он перед современным посетителем.

В 1608 г. в ярлыке Селямет-Гирея в качестве названия крепости еще фигурирует Кырк-ор, два года спустя Джантбек-Гирей выдает жителям города ярлык, в котором употребляется название Кале. В 1612 г. ярлык Батыр-Гирея, даный Ички-бею и Джантемир-бею из рода князей Яшлавских, «древних владельцев города Кыршы» (Кырк-ор. — *Аам.*), уточняет, что ныне этот город именуется иудейским городом, в котором проживают иудеи и армяне¹¹⁹.

Русские послы Петр Савелов (1628 г.) и священник Иаков (1634 г.) в своих отчетах употребляют название «жидовский городок» (в России XVI—XVII вв. ипрерженцев различных течений иудаизма именovali «жидами»). В Крымском ханстве различали караимов и раббинтов, то есть последователей ортодоксального иудаизма, но называли и тех и других «ягуды» или «чуфут», последнее посыле несколько презрительный оттенок. Ко второй половине XVII в. топоним Чуфут-кале уже утвердился в официальных документах и в обиходе. В это время город стал духовным и культурным центром караимов Крыма. Однако население города не было однородным. Отмечалось уже, что здесь проживали и армяне, неоднократно упоминавшиеся в документах XVI—XVIII вв. как жители крепости. В 1778 г. они вместе с другими христианами были переселены на северные берега Азовского моря. Материальным свидетельством существования этой группы является бронзовая восьмигранная гирька, обнаруженная при раскопках резервуара колодца Кошка-кую. На ней вырезана армянская надпись «Манурк — сын Маркоса».

Несомненно, что в городе в первой половине XVII в. еще оставалось и мусульманское население. Из ярлыка 1608 г. следует, что начальником крепости и судьей (кадием) здесь были мусульмане. Однако ко времени поездки Эвлии Челеби (1666 г.) мусульман в крепости уже не было. Начальник ее назначался из числа караимов, которых Эвлия называет евреями.

Однако ярлык Девлет-Гирея от 1773 г. говорит о назначении нового начальника «Кырк-Кирской крепости» — Кутлуша-бея Яш-

* Авторы благодарят В. П. Душеного, предоставившего находку для публикации, и В. А. Сидоренко, определившего ее, давшего перевод надписи и сделавшего прилагаемый рисунок.

лавского на место умершего Али-бея, из этого следует, что существовало установление, по которому крепостью управлял старший в роде беев Яшлавских¹²⁰.

По Клеemannу, караимов Чуфут-кале называли Кара Ягуди, как отмечалось, П. С. Паллас же пишет, что все они (жители города) «каранты или каранмы, как они сами себя называют».

О хозяйственной жизни города XVI—XVIII вв. у нас гораздо больше сведений, чем о предшествующем времени. Основными занятиями жителей были ремесла и торговля.

О том, что каранмы были искусными каменотесами и строителями, наглядно свидетельствуют остатки построек. Путешественники, взиравшие на Чуфут-кале снизу из долины, восхищались удивительной архитектурой города, гармонировавшей с живописной местностью. И. М. Муравьев-Аюстол так писал о своих впечатлениях при посещении города в 1820 г.: «Венеция водяной город. Чуфут-кале воздушный... жилища каранмов подобны орлиным гнездам на вершине крутой неприступной горы»¹²¹.

Выразительным примером чуфуткальской архитектуры являются моленные дома — кенассы (до начала XX в. моленные дома каранмов именовались синагогами, название кенасса для них впервые зафиксировано в литературе в 1910 г. как возвращение к старому библейскому термину). Они паходятся во дворе, окруженном глухими каменными стенами. С улицы, носящей условное название Кенасской, во дворик ведет калитка с роскошным порогом из мраморной плиты, взятой из какой-то древней постройки. Входящий оказывается перед двумя кенассами, представляющими в плане прямоугольные каменные здания, покрытые двускатной черепичной крышей. Большая кенасса, слева, выстроена более тщательно и монументально. Вход в нее акцентирован каменной аркадой, поддерживающей навес и образующей веранду перед дверным проемом, шлан закрытым железной решеткой. К внутреннему устройству кенассы мы обратимся позже. Отметим только, что в их стены с внутренней стороны были вмурованы глиняные узкогорлые кувшины-голосники, исполнявшие роль резонаторов, улучшавших акустику помещений.

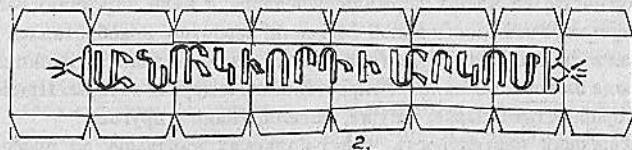
О времени сооружения большой кенассы высказывались различные предположения. Традиционная дата, приводимая в путеводителях и охранных досках, — XIV в. — вызывает сомнения. Постройка в дошедшем до нас виде имеет выразительные черты зодчества более позднего времени. Вероятнее всего, возведена она была в XVII в., хотя, возможно, на месте более раннего здания. К сожалению, археологические исследования этого интересного памятника не проводились.

По литературным данным, малая кенасса появилась в конце XVIII в., когда мангуская каранмская община покинула пришедший окончателно в упадок город и переехала в Чуфут-кале, где была построена новая кенасса, материалы и оборудование для которой были

1.

0 3 см

2.

3. ՄԱՆՈՒՐԿԻ ՈՐԴԻ ՄԱՐԿՈՍ (ԻՆ)

Бронзовая гирька с армянской надписью: «Манурк сын Маркоса» (рисунок и чтение В. А. Сидоренко).

вывезены с Мангуна¹²³. Она проще, скромнее первой, уступает ей в размерах и внутреннем убранстве.

Перед большой кенассой у каменного забора находится каменный резервуар для воды с небольшим сливным отверстием. Вероятно, это остатки мшквы — фонтана для ритуальных омовений перед посещением храма.

Высокого развития достигло декоративно-прикладное искусство каранмов, что отмечалось путешественниками, посетившими город в начале XIX в. П. Сумароков писал: «Синагога в Дчу-фут-Кале хорошо сооружена. Украшения ее состоят в нескольких серебряных панкадилах, лампадах, коврах и Библии, хранимой в бархатном ковчеге с богатыми приборками»¹²⁴. Свиток рукописной библии, точнее Торы (Пятикнижью), на хорошо выделанном пергаменте, в роскошном футляре (ковчеге), отделанном бархатом и серебром, шлан хранится в фолдах Бахчисарайского историко-архитектурного музея.

Об искусстве ювелиров свидетельствуют перстни и другие изделия, например, серебряное навершие женской шапочки, найденное при раскопках. Не случайно каранмская фамилия Чорэф означает «ювелир».

Традиционным занятием для каранмских общин в Юго-Западном Крыму была выделка кож, как грубых, так называемых «мангуских», так и тонкого сафьяна. Из кожи изготовляли седла и обувь, в то же время было развито производство изделий из войлока. И фамилии каранмов весьма выразительно указывают на ремесленную специализа-

шио ряда семей. Например, Казас — изготовитель кушаков и позументов, Сарач — мастер, делавший седла, уздечки и другие предметы конской упряжи, Калпакчи — шапочки, Балджи и Муджи — пчеловоды.

Занятия ремеслами сочетались с земледелием, пчеловодством, садоводством, и все же караймы прежде всего были ремесленниками и торговцами. Коммерческая деятельность чуфут-кальской общины в XIX в. была весьма обширной и выходила за пределы Крыма. В частности, ее члены держали солеварни и вели торговлю солью. В результате взаимовыгодной торговли, вероятно, приобреталась гончарная и стеклянная посуда (нет данных о том, что она изготовлялась в городе или его ближайших окрестностях) и другие товары. Приходилось приобретать сырье: шкуры, металл, ткани и другое.

Торговая деятельность чуфут-кальских караймов до присоединения Крыма к России протекала в основном в Бахчисарае, где они держали свои лавки. Все авторы XVII—XVIII вв., писавшие о Чуфут-кале, отмечали, что ханская администрация не разрешала караймам оставаться в столице на ночь. И они вынуждены были ежедневно рано утром покидать свои жилища, пешком отправляться в Бахчисарай, а вечером в сумерках возвращаться в родной город. При всей заинтересованности ханского двора в близком соседстве трудолюбивой, искусной в ремеслах общины, все же определенные дискриминационные меры против нее предпринимались. Особенно усилились притеснения в правление последнего крымского хана Шагин-Гирея¹²⁵.

Тем не менее далеко не бесспорной является точка зрения А. Л. Якобсона, оценивавшего статус Чуфут-кале как своеобразного гетто Бахчисарая¹²⁶.

В дошедших до нас ханских ярлыках, данных жителям Чуфут-кале, неоднократно упоминаются различные льготы, освобождения от повинностей, например, подводной, постоянной, табачной, от ряда налогов.

Как уже говорилось, владельцами крепости считались бен Яшлавские. Они пользовались правом облагать пошлинами ввозимые в нее товары и продукты питания. Так, из ярлыка 1612 г. можно узнать, что за убой овцы или козы взималась 1 акча, от арбы с овощами по 1 акча, от бочки вина 15 акча. Приходилось платить также подушную подать, за оформление брака и т. д.¹²⁷

Последние обитатели Чуфут-кале — караймы, одна из загадок крымской истории. Не существует единой точки зрения на вопрос их происхождения, времени появления в Крыму. По-разному толкуется сам этноним. По утвердившемуся в науке мнению, он происходит из языков семитской группы (в нее входят арабский, арамейский, древнеегипетский, ассирийский, древнееврейский и другие языки, распространенные на Ближнем Востоке и в Северной Африке) и переводится как «чтец».

то есть читающие закон — ветхозаветную Библию. Высказывались и другие точки зрения. Например, В. Х. Кондораки, известный в прошлом веке краевед, переводил этноним как «черноверцы», считая его тюркским. Некоторые лингвисты возводят термин к названию монгольского племени тумат-керант.

Караимизм, или каранитизм, возник как обособленное течение в иудаизме, оппозиционное официальной доктрине, основанной на Талмуде. Одним из важных условий в караимизме было свободное чтение верующими Библии. Ортодоксальные же иудеи чтение Библии не разрешали, они могли знакомиться лишь с Талмудом, толковавшим архаичные библейские законоположения в более модернизированном виде, приемлемом для средневекового еврейского общества.

Основателем караимского течения считается Апан Ганаси бен-Давид, живший во второй половине VIII в. в Багдаде. В 767 г. он провозгласил себя эксилархом, то есть религиозным главой всех евреев, рассеянных в разных странах. За это по приказанию халифа Алманасара он был брошен в тюрьму, откуда вскоре вышел. Около 770 г. Апан написал книгу «Сефер ха-Мишвот», то есть «Книгу заповедей», содержащую основы вероучения караимизма. Оно не представляло какого-то обособленного вероучения. Обычно в литературе караимизм определяют как секту или же реформистское течение в иудаизме.

Иудейская религия зарождается во втором тысячелетии до н. э. у кочевых скотоводческих племен, обитавших на севере Аравийского полуострова. В I тыс. до н. э. иудаизм оформляется в монотеистическую религию. История древнееврейского общества этого периода сложна и противоречива. В 587 г. вавилонский царь Навуходоносор захватил Иерусалим и увел в плен значительную часть иудеев. Был разрушен и главный храм, находившийся в Иерусалиме. При персидском царе Кире пленники вернулись на родину, храм был восстановлен. Ко II в. до н. э. в основном сформировался канон ветхозаветной Библии. К V в. н. э. сложился устный закон — Талмуд, ставший главным законоположением для ортодоксального (раввинистического) иудаизма. Талмуд отразил новые для иудаизма представления, перенятые из других религий. Например, веру в загробное воздаяние и воскресение мертвых. Для евреев, живших в диаспоре, то есть в рассеянии, Талмуд стал основным источником по обрядности и правовым вопросам. Постепенно он становится тормозом в развитии духовной жизни. Протест против засилья раввината и арабских завоевателей вылился в форму призывов возврата к первоначальному чистому ветхозаветному учению, отказа от сковывавшего интеллектуальную жизнь влияния Талмуда. Возрождаются идеи древних религиозных учений, среди которых ближе всего к караимизму были взгляды саддукеев, проповедовавших строгое соблюдение религиозной традиции, и учение кумранской общины эссеев (эссены), проповедовавших веру в загробную жизнь, общность имущества.

Протест против Талмуда объединил различные группировки, высту-

пившие под знаменем учения Анапа. К X в. оно уже сформировалось как обособленное от ортодоксального иудаизма оппозиционное течение. Сторошники его постепенно расселялись в районах с иудейским населением. Так, в 1161 г. в Константинополе находилось до 2000 евреев-раббинистов и до 500 караимов. Места их обитания в Пере (район города) были разделены оградой¹²⁸. Немало караимов пошло в Испанию, где в XI—XII вв. возникла школа грамматиков древнееврейского языка, бывшего к тому времени уже более тысячелетия фактически мертвым. Им пользовались лишь в богослужении да для надгробных надписей.

О времени и обстоятельствах появления караимов в Крыму существует несколько версий. К сожалению, по этой проблеме источники крайне скудны.

Пожалуй, первое известие, которое может толковаться как свидетельство о пребывании в Северном Причерноморье караимов, принадлежит путешественнику XII в. Рабби Петахье. Проезжая через причерноморские степи, он встречал среди кочевников-половцев каких-то евреев-сектантов, по описанию схожих по обрядам с караимами. В конце XIV в. Иоганн Шильтбергер упоминает, что в Кафе живут евреи двух родов, вероятно раббинисты и караимы. В более позднее время появляется немало упоминаний и описаний, дающих представление о расселении караимов по Крыму. Их общины были в Кафе, Солхате (Старом Крыму), Карасубазаре, Гезелеве (Евпатории), Мангуце, Чуфут-кале. Согласно преданиям, сохранившимся в среде караимов в XVIII—начале XIX в., в Крым они пришли вместе с татарами в XIII—XIV вв. С их слов об этом писали Пейсонель, Кешен и другие авторы. В Крымском республиканском государственном архиве хранится прошение от имени караимов к всеильному фавориту Екатерины II графу Платору Зубову — правителю Новороссии и Бессарабии, писанное в 1794 г. Караимы просили уравнивать их в правах с татарами, освободить от двойной подушной подати, которая была установлена для евреев-раббинистов, проживавших в пределах России, от платы рекрутского налога и солдатского постоя. При этом сообщалось, что в Крым караимы поселились 450 лет назад, то есть в середине XIV в. В 1837 г. академик П. Кешен в «Крымском сборнике» со слов стариков, живших когда-то на Мангуце, сообщает, что караимы переселились в Крым вместе с татарами из Персии, Бухары и Черкесии¹²⁹.

В 30-е гг. XIX в. русскому правительству понадобились сведения о происхождении караимов и их этнической специфике. Губернатор Новороссийского края, в который входил и Крым, в 1839 г. потребовал от караимского гахама Симхи Бобовича представить необходимую информацию по следующим пунктам: о времени появления караимов в Крыму, их национальной принадлежности, традиционных обычаях, обрядах, занятиях, о знаменитых людях, о наличии древних документов, о происхождении их религии, об отличиях караимского вероисповедания от ортодоксального иудейского (раббинистического).

В связи с этим в 30-е гг. XIX в. началось изучение древностей караимов. Особенно заметной по размаху и полученным результатам была деятельность А. С. Фирковича.

Абраам Самуилович Фиркович родился 27 сентября 1787 г. (есть сведения, указывающие и на 1785 г.) в городе Луцке на Волыни, в семье небогатого землевладельца. В двадцать пять лет А. С. Фиркович начал учиться в караимской школе Луцка (где впоследствии остается работать учителем-меламедом). Он получает двухгодичное традиционное образование, состоявшее из изучения древнееврейского языка и литературы, которое и послужило основой становления его мировоззрения как ученого. А. С. Фиркович был одним из последних представителей ученых средневекового типа. Превосходно зная Священное писание, они были способны воспроизводить по памяти целые его главы. Но в то же время им не хватало элементарнейших представлений о научных методах исследования, они искренне верили во все, о чем говорили, и с той же наивностью передавали услышанное другим.

Вступив в конфликт на религиозной почве с руководством луцкой караимской общины, А. С. Фиркович уехал в Крым, а оттуда в Иерусалим — «Святую землю». В 20-х гг. он основал в Евпатории (бывшей тогда центром крымских караимов) издательство, публиковал произведения караимских классиков. Но вскоре прекратил издательскую деятельность, ибо нашел другую, ту, которая впоследствии принесла скромному мельнику мировую известность.

В 1830 г. совместно с уже упоминавшимся Симхой Бобовичем состоялось второе путешествие А. С. Фирковича в Палестину, где ему удалось собрать большую коллекцию рукописей. С большим интересом он продолжал поиски старинных рукописей в Крыму и на Кавказе, а поддержка всеильного М. С. Воронцова, губернатора Новороссии и почетного председателя Одесского общества истории и древностей, во многом этому содействовала. Коллекционер обратил особое внимание на генизы — своеобразные хранилища древних книг при синагогах. Он один из первых осознал огромную научную ценность этих хранилищ.

В характере Фирковича сочетались целеустремленность исследователя и авантюризм, азарт собирателя. Он путешествует по Египту и арабскому Востоку. Его маршруты пролегли через Наблус, древний Сихем, Самарию — основное местожительство уже немногочисленных самаритян, у которых ему удалось приобрести ценную коллекцию рукописей. Плодотворной была и поездка в Каир, где А. С. Фиркович познакомился с интереснейшим памятником — древней каирской синагогой и ее генизой. Основанная во времена римской диаспоры, она пережила золотой век арабской науки. В генизе он обнаружил уникальные древние рукописи. Сухой климат Египта помог им сохраниться.

В ходе своей собирательской деятельности А. С. Фиркович посетил множество мест в Центральной и Восточной Европе, где когда-то селились караимы. Таким образом он собрал огромное количество рукописей, сделал

массу эстампажей с различных надписей и других самых разнообразных документов. Об их количестве можно судить хотя бы по тому, что они заняли два огромных зала императорской Публичной библиотеки. По времени поступления в библиотеку коллекция рукописей, согласно систематизации Германа Штрака и Альберта Гаркани, делилась на три части: первое, второе и самаритянское собрания. Для первых двух характерно преобладание рукописей на древнееврейском языке. Это библейские тексты (они составляют самую многочисленную и ценную часть коллекции). До недавних открытий (1949 г.) в районе Мертвого моря именно они считались самыми древними в мире. Самаритянские рукописи представлены документами, касающимися всех сторон жизни как светской, так и духовной, и превосходят самаритянские фонды всех библиотек мира. Следует отметить разнообразие собранных произведений караимских и других авторов: это и комментарии к Библии, произведения по философии, поэзии, караимские толкования X—XI вв., содержащие рассказы о средневековом Востоке, исторические сочинения, трактаты по юриспруденции, грамматике, математике и другим наукам.

Возвратившись из поездки по Ближнему Востоку, А. С. Фиркович вскоре поселился на Чуфут-кале. Усадьба его сохранилась и является одной из достопримечательностей города. Здесь его посещали путешественники, ученые, журналисты, писатели. Их заметки и воспоминания позволяют представить образ жизни и облик патриарха караимской науки.

Е. Л. Марков, директор Симферопольской мужской гимназии, известный публицист, автор прекрасной книги «Очерки Крыма», вышедшей четырьмя изданиями, так запечатлел свою встречу с А. С. Фирковичем, случившуюся на Чуфут-кале в начале 70-х гг.: «Среди гробового вида этих ветхозаветных развалин, напоминающих заустевшие города Палестины и Сирии, пред нами появился старец, высокого роста, величавого вида, в костюме настоящего Мельхиседека. Он одет был в длинный хитон, на голове его была белая круглая шапка с широким околышком, фиолетового цвета, и что-то среднее между чалмой Шамиля и митрой библейских первосвященников. Ошираясь на посох, он твердыми шагами приблизился к нам и приветствовал нас на чистом русском языке»¹³⁰.

Одну из кенас А. С. Фиркович использовал как книгохранилище — на полках и на полу там горами лежали бесценные свитки. Еще в 1856 г. он побывал в Санкт-Петербурге и продал за 100 тыс. руб. серебром свое первое собрание рукописей императорской Публичной библиотеке.

В быту А. С. Фиркович старался соблюдать традиционные религиозные нормы. Тот же Е. Л. Марков свидетельствует, что он отказался фотографироваться, считая это грехом. «Вообще же он идеалистически стоит за все обычаи и обряды своей религии, как бы ни были они

маловажны... Я знаю научно образованных и весьма развитых караимов, которые в присутствии Фирковича боятся сесть за столом русских, а в субботу не осмеливаются надевать себе часы или брать в руки книгу... В доме Фирковича господствует ветхозаветная патриархальность. Старший сын раввина человек уже зрелых лет, и кажется отец семейства, с почитательностью снял туфли с ног отца и принял его посох»¹³¹.

В целом такой образ жизни был характерен для старших поколений караимского общества второй половины XIX в. В это время в караимских общинах еще были сильны консервативные традиции: строжайшее соблюдение субботы (шабат), как дня отдыха, в который запрещалось работать, даже приготавливать пищу, срывать плоды с дерева и т. д. Существовал обряд обрезания (суит) младенцев. Школа (медраш) давала религиозное образование. Первые два года мальчики (девочки в школу не принимали) учились читать по складам на древнееврейском языке, не понимая смысла текста. Живым разговорным языком караимов Крыма был крымскотатарский язык.

Женщины в традиционном быту были рабынями кухни, вели замкнутый образ жизни, большую часть ее проводя в отведенных для них особых отделениях дома. Это положение тяготило молодежь, стремившуюся вырваться из-под вековых архаических предписаний, активно участвовать в общественной жизни, шире приобщаться к городской культуре. Во второй половине XIX в. эта тенденция обретает широкие масштабы, получает отражение в караимской публицистике¹³².

К этому можно добавить, что А. С. Фиркович на исходе жизни не избежал соблазна угодиться библейскому патриарху Аврааму и жениться на шестнадцатилетней девушке. Однако в этом намерении он встретил открытое недовольство караимского общества и вынужден был отступить¹³³.

В 1874 г. Авраам Самуилович скончался и был погребен на кладбище в Иосифатовой долине, бывшем для него при жизни исследовательской лабораторией. Для того, чтобы поклониться его праху, нужно выйти из Восточных ворот и по дороге, вырубленной в скале, пройти полкилометра к верховьям долины. Еще сохранилась арка входа, слева от нее видны руины сторожки, в густоту леса уходит извилистая аллея, по обеим сторонам которой, тесня друг друга, поднимаются надгробные камни. Их очень много, это можно определить сразу. Газан чуфут-кальской общины Соломон Бейм, сопровождавший русскую путешественницу О. Шинкину, посетившую кладбище в начале 40-х гг. XIX в., уверял, что здесь покоится около 40 тыс. человек (Соломон Бейм известен как автор подражания на древнееврейском языке тексту русского гимна «Боже, царя храни», написанного В. А. Жуковским). В издании О. Шинкиной приводится его полный текст на двух языках¹³⁴.

К сожалению, до сих пор не установлено точное количество над-

гробий. По приблизительным же оценкам их не менее 5 тыс. Как показали раскопки, проводившиеся здесь в прошлом веке, многие надгробия ныне скрыты землей.

Когда-то Иосифатова долина была почитаемым местом погребения, куда привозили умерших даже из других городов. В долине произрастали вековые дубы, которые, видимо, и дали ей второе название — Балта-Тиймез, что означает «топор не коснется». Этим деревьям поклонялись, во время засух возле них произносились молитвы. Сегодня еще можно видеть до десятка древних дубов, вся же территория кладбища почти полностью заросла кустарником и молодым лесом.

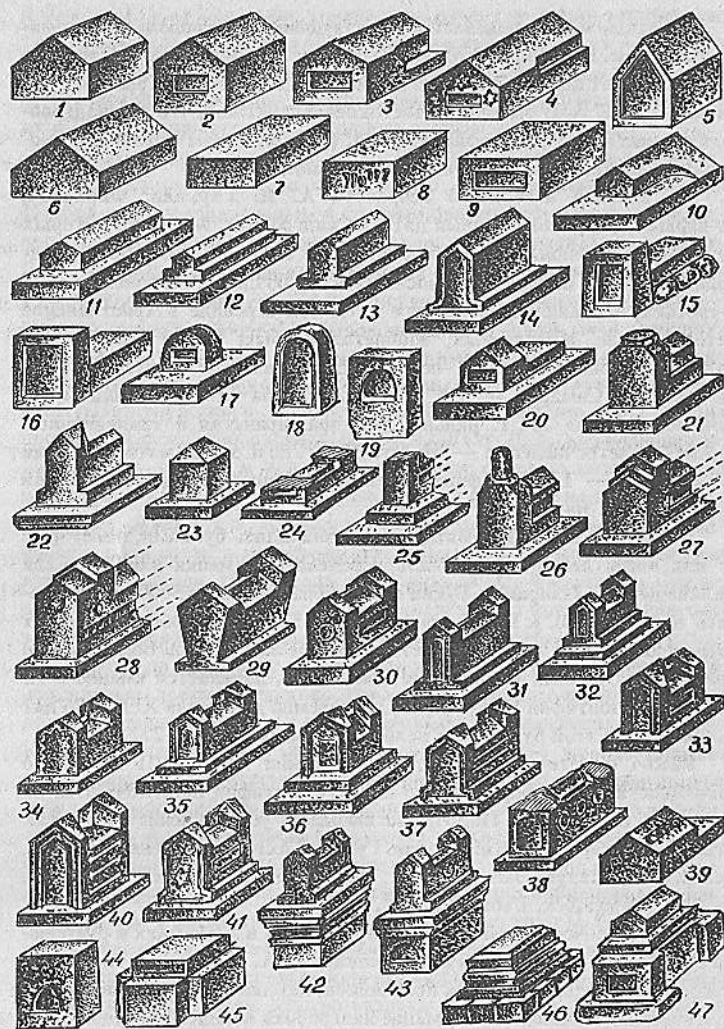
Кладбище расположено на двух весьма крутых склонах долины, его территория выгнута с запада на восток. Надгробные плиты прослеживаются практически перпендикулярно тропе на протяжении 500 м.

Бросается в глаза разнообразие форм надгробий: прямоугольные плиты, домикообразные, двурогие и однорогие, обелиски, стелы, столы и гробообразные. Среди них есть памятники людям, умершим и похороненным далеко от Чуфут-кале, так называемые кенотафы, условные погребения. Эпитафии на памятниках выполнены в подавляющем большинстве на древнееврейском языке, хотя есть и на караимском, но древнееврейскими буквами. Надгробия конца прошлого, начала нынешнего века, как правило, имеют двуязычные надписи — на русском и иврите.

На некоторых надгробиях можно увидеть разнообразные символы. Среди них концентрические окружности — солярные знаки, дошедшие со времен язычества. Они тишичны как для оседлых, так и кочевых племен Востока, и практически не претерпели изменений. Кишарасы — символ скорби, розетки — торжество радости жизни — отражают малоазийские корни культовой обрядности. Некоторые надмогильные памятники имеют вид прямоугольных стел с полусферическим экраном и похожи на армянские хачкары (напомним, что в Чуфут-кале была армянская община). Есть тишичные еврейские надгробия, распространенные в Западной Европе в XV—XVIII вв. На могильных плитах нередко можно увидеть признаки культовых традиций европейских иудейских общин: кабаллистические многогранники, заключенные в окружности, хасидскую систему расположения эпитафий, ориентировку надгробий.

В эпитафиях часто приводятся краткие цитаты из Ветхого завета.

Погребальный обряд караимов, известный по этнографическим данным, был единым и для богатых и для бедных. Покойника обертывали в белый саван и укладывали в деревянный гроб. Затем погребальное шествие с песнем заукокойной молитвы направлялось к могиле, которая обычно коцалась на глубину до 1 м. Семь недель продолжался траур по усопшему, для ближайших родственников срок его длился год. Их склоненные скорбные фигуры можно было увидеть в полумраке кенасы под хорами, в отделении, называвшемся мошау-зеккеним (седалище стариков).

Типы надгробий некрополя в Иосифатовой долине (по Н. В. Кашовской). Рис. В. А. Сидоренко.

Грустные мысли навеивает полуразрушенный некрополь в Иософатовой долине. И не только сознаем брешности человеческого бытия, но и тем, что этот колоссальный по ценности архив истории Крыма изучен очень мало. К тому же многие востоковеды считают, что ряд надгробных надписей был фальсифицирован А. С. Фирковичем с целью обоснования своей теории происхождения караимов.

По мнению известного гебраиста А. Я. Гаркави, Фиркович, во-первых, фабриковал новые даты на надгробиях, эпитафии которых не были датированы или вообще не имели надписей. Во-вторых, подправляя даты надписей, относящихся к позднему средневековью, в-третьих, неправильно вычислял даты при переводе в христианское летоисчисление, в-четвертых, изобретал особые, якобы бытовавшие только в Крыму системы исчисления времени. Например, эра от изгнания из Самарии (с 596 г. до н. э.), эра от сотворения мира, начинавшаяся на 151 г. раньше, чем эра, принятая в традиционном еврейском летоисчислении — то есть 3760 г. до н. э., эра матархическая (Таматарха — Тамань), фактически совпадавшая с традиционной эрой от сотворения мира.

Даты на еврейских памятниках обозначались буквами, некоторые из них очень легко можно было переделать, изменяя или добавляя мелкие детали. Например, буква «сей», обозначающая 5000, превращалась в «тав»—4000, к этому прибавлялся 151 год по крымской эре от сотворения мира, и дата становилась древнее на 1151 год. Большинство древних надгробных надписей, к сожалению, начинаются именно с П. Так, из 271 эпитафии Чуфут-кале, датируемой до начала XI в., 186 дат начинаются с этой буквы, а в целом по Крыму их 313—222.

Важно отметить, что надгробные камни XVI—XVII вв. ни по сохранныости, ни по форме, ни по шрифту эпитафий не отличаются от «древних» памятников. Подозрение вызывает употребление в надписях I тыс. н. э. татарских имен: Парлак, Гулаф, Тохтамыш, Менеш, Хатун, Севергелин, Манук, Эмче, Эйтолу, Бакче, Тахтар, Бикелек, Илу-Ата, Султан, Мемешек, Баба, Паша¹³⁵.

Ряд исторических сведений, содержащихся в эпитафиях и рукописных кодексах, собранных и опубликованных А. С. Фирковичем, резко противоречит данным других источников, как письменных, так и археологических. Привлекает внимание надгробная надпись, упоминающая Элиаху, павшего в 1261 г. при защите города от генуэзцев. Она дала возможность Д. А. Хвольсону утверждать, что до этого Чуфут-кале был населен исключительно евреями, защищавшими его от врагов. Однако обоснованное сомнение в подлинности этой надписи было высказано А. Я. Гаркави¹³⁶. Действительно, источники в совокупности не позволяют говорить о появлении генуэзских поселений, а тем более об активных действиях генуэзцев в горных районах Юго-Западного Крыма до 1266 г. Следует напомнить, что Чембало (Балаклава) — крайний юго-западный опорный пункт генуэзцев был отнят ими у греческих князей лишь

в 40-х гг. XIV в. Как выше отмечалось, ничего не знают о пребывании здесь значительной иудейской или караимской общины ни Абульфида, ни Шильтбергер, ни другие авторы XIII—XVI вв.

Подозрительно и употребление этнонима «генуэзцы»: известно, что их в Крыму тюркоязычное население именovalo франками.

Споры вокруг наследия А. С. Фирковича разгорелись особенно яростно уже после смерти караимского коллекционера-востоковеда. Наиболее последовательным и стойким защитником мнения о подлинности собранных им документов стал крушной гебраист Д. А. Хвольсон. Выходец из бедной еврейской семьи г. Вильно (Вильнюс), он закончил Бреславский университет, где изучал восточные языки, особенно арабский, занимался историей еврейско-арабских связей, был приглашен Николаем I возглавить кафедру еврейской, сирийской и халдейской словесности на открытом тогда факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. Фактически им была создана школа российской гебраистики. В 1878 и 1881 гг. Д. А. Хвольсон посетил Иософатову долину и вел здесь раскопки с целью поиска древних надгробных плит. Ему удалось обнаружить несколько надгробий с датами ранее рубежа I и II тысячелетий н. э. Эти исследования были проведены в связи с разгоревшейся полемикой относительно подлинности материалов, прошедших через руки А. С. Фирковича. Следует отметить, что Д. А. Хвольсон, резко отвечая на критику оппонентов, защищая в целом коллекцию А. С. Фирковича от обвинений в массовой фабрикации дат и целых надписей, в то же время обнаружил и несколько поддельных древних текстов. Это касалось прежде всего удревнения дат. В обширном труде под названием «Сборник еврейских надписей из Крыма», вышедшем в Санкт-Петербурге в 1884 г., автор указал и несколько надписей полностью сфабрикованных. В полемику включилась караимская община. В трудах караимских авторов конца XIX—начала XX в. А. С. Фиркович однозначно восхвалялся и поносились его оппоненты. Дискуссия так и не завершилась.

После октября 1917 г. в советской гебраистике крымская тема была приглушена. Фактически можно назвать только труд П. К. Коковцева, посвященный так называемой еврейско-хазарской переписке (ок. 960 г.). Лишь в послевоенные годы на караимских кладбищах вновь оживилась работа исследователей. Можно назвать труды А. Л. Хосроева, Н. И. Бабаликашвили. Рукописные фонды из собрания Фирковича изучались востоковедом В. Н. Лебедевым. Выводы их носят пока предварительный характер. Очевидно все же, что среди наследия А. С. Фирковича есть немало материалов, засоряющих коллекцию в целом и дискредитирующих личность ее собирателя. Однако категоричные выводы пока неуместны. Нельзя не отметить огромный энтузиазм и самоотверженность, с которыми работал А. С. Фиркович. Его собрание древних восточных рукописей и надписей действительно имеет величайшую научную ценность. Необходимо отделить зерна от плевел. Правдопо-

био предположение о том, что он сам не совершал фальсификаций, а получал уже подделанные или подправленные материалы.

Вопрос о подлинности ряда материалов коллекции А. С. Фирковича в настоящее время может быть решен при комплексном их анализе. Для этого должны быть использованы достижения современной науки и техники. В последние годы в лаборатории консервации и реставрации документов при АН СССР были исследованы специальными приборами несколько библейских рукописей, содержащих в приписках упоминания о крымских и кавказских городах, датированных в основном IX—X вв. Там упоминаются Кафа (Феодосия), Солхат (Старый Крым), Анапа и другие поселения.

При чтении в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах ясно было видно, что буквы обозначенных дат были переделаны, обычно «тав» превращался в результате подчистки и подрисовки в «реш», что существенно удвояло первоначальную дату.

И все же несмотря на это, коллекция древних еврейских, арабских, караимских, крымчакских и других рукописей, собранных А. С. Фирковичем, сохраняет свое колоссальное историко-культурное значение. Установление истинных дат в общем-то немногих по сравнению с общим объемом коллекций сомнительных колофонов позволит ввести в научный оборот важные источники, в том числе и по истории Крыма.

По мнению арабиста и семитолога доктора филологических наук В. Н. Лебедева, хранителя коллекции А. С. Фирковича в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, вряд ли возможно шкряпнуть собирать рукописей фабричную на некоторых из них приписок и подправление дат. Волюне вероятно, что это делали продавцы манускриптов, поднимая цены на свой товар. Есть еще один аспект проблемы. К огромному сожалению, древние некрополи Крыма пребывают в плачевном состоянии. От буйства неорганизованных посетителей серьезно пострадали кладбища Чуфут-кале и Мангуш. С каждым годом становится все меньше и меньше памятников с надписями. Поэтому одна из важнейших задач в спасении этих драгоценных исторических свидетельств — скорейшая их инвентаризация и фиксация. В противном случае история яркого самобытного этноса — караимов Крыма просто не сможет быть написана.

А. С. Фиркович выдвинул следующую гипотезу происхождения крымских караимов. В VI в. до н. э. вместе с войсками персидского царя Камбиза в Крым появились израильтяне, которые основали здесь ряд городов, в том числе и крепость Села-Га-негудим (Иудейская скала). Оказавшись в окружении тюркских народов — мидийцев, тавров, скифов, — они перенимали от них обычаи и язык. Религией этих израильтян был чистый доталмудический иудаизм (библизм). Хазары

* Лебедев В. Н. К источниковедческой оценке некоторых рукописей собрания А. С. Фирковича // ИС. — 1987. — Вып. 29 (92) — С. 61.

переняли религию от этих пришедших в Крым израильтян и затем, смешавшись с ними, образовали этнос караимов. Особый акцент делался на том, что израильтяне попали в Крым до Рождества Христова и, следовательно, не причастны к гибели Христа (вина в трагедии Иисуса была главным упреком антисемитов в адрес евреев).

Основываясь на материалах А. С. Фирковича и других источниках, представители академической науки — В. В. Григорьев, В. Д. Смирнов и другие — выдвинули так называемую «хазарскую теорию» происхождения караимов, в которой главный упор делался на принятии хазарами караимской формы иудаизма, и таким образом караимы представлялись потомками хазар. Евреи, по мнению этих ученых, решающего значения в этногенезе караимов не играли и растворились в среде хазар.

Ряд представителей еврейской историографии (Б. Штерн, Д. Хвольсон, С. Пинскер и др.), поддерживая многие положения теории А. С. Фирковича, этническую принадлежность караимов рассматривали как еврейскую.

А. Я. Гаркави, А. А. Куник, Г. Штрак, С. А. Дубнов, Д. Г. Магид и другие уже считали возможным временем появления в Крыму евреев I—II вв. н. э., при этом отрицая какие-либо религиозные и бытовые особенности, выделяющие их из остальной еврейской диаспоры. Иудаизм, принятый хазарами, они определяли как раввинистический. С. А. Дубнов и Д. Г. Магид считали возможным появление караимов в Крыму и в хазарский период, хотя более вероятным представлялся период XI—XIII вв.

А. Я. Гаркави, Г. Штрак, А. А. Куник отрицали участие хазар в этногенезе крымских караимов. Появление последних в Крыму они относили к XIII в. и связывали с татаро-монгольским вторжением. Тюркские черты в антропологическом типе караимов связывались с половецким влиянием и длительным проживанием в среде крымских татар. Этническую принадлежность караимов исследователи рассматривали как еврейскую, допуская некоторую примесь тюркской крови.

В советское время в научно-популярной, филологической и антропологической литературе наиболее распространенной оказалась хазарская теория происхождения караимов. Предками караимов называются тюркские племена, входившие в состав Хазарского каганата и принявшие караимизм. История крымских караимов рассматривается в связи с историей их вероучения. Согласно схеме, предложенной языковедами, предки караимов последовательно входили в гунский, болгарский, хазарский, огузо-печенежский, кыпчакско-половецкий племенные союзы. Участие евреев в этногенезе караимов отрицается, и даже в этнониме «караимы» видится название монгольского племенного объединения тумат-керант.

Историки и этнографы придерживаются иной точки зрения, считая, что в этногенезе крымских караимов принимали участие как семитский,

так и тюркский этнический субстраты с возможным участием и других этнических групп.

Этнографические особенности караимов Чуфут-кале достаточно подробно зафиксированы в литературе конца XVIII—XIX вв. Практически все авторы отмечали близость бытовых черт и языка караимов к крымским татарам. Например, П. Сумароков писал: «Они не знают другого языка, кроме татарского, носят такое же как они одеяние, жен содержат по их обряду, в домах употребляют те же убрания, одним словом, они одни соблюдают с ними обычаи»¹³⁸. Кроме этого, отмечалось, что караимы-мужчины большие охотники пить кофе и курить трубку. Обычная одежда мужчин во второй половине XIX в.: полосатый жилет, кафтан с короткими рукавами, сверху надевался черный халат. Одевались они в синие шаровары, белые чулки и полусапожки. На бритой по обычаю голове носили ермолки или белые суконые шапки с черным бараньим околышком.

Женский наряд состоял из серого шерстяного платья с лифом, имеющим небольшой вырез на груди. В талии оно перетягивалось поясом с серебряными застежками. Этот наряд дополнялся белыми чулками.

На голове караимки носили шелковую шапочку, расшитую позументами. Нередко на ней была вышита надпись на древнееврейском языке «машлама» (храни Господь).

Свадебный обряд караимов заечатлен с достаточной точностью. Приведем его описание: «Перед свадьбой жених и невеста должны откупить себе место на кладбище, чтобы не разлучаться не только в этой жизни, но и в будущей. Затем заключается родственниками «тним» — предварительный брачный договор, после которого молодые люди официально считаются помолвленными. Накануне свадьбы совершается обряд очищения грехов, причем раввин кружит петуха или курицу над головами жениха и невесты и потом бросает животное; этот обряд сохранился по-видимому как пережиток древнего кровавого жертвоприношения. После этого жениха и невесту осыпают в знак пожелания богатства денгами, которые остаются бедным. Во время брачной церемонии невеста находится в углу своей комнаты, покрытая фатой и окруженная женщинами, которые сидят на полу. Свадьба заканчивается танцами азиатского характера, после чего молодой уводит свою жену в брачную комнату, где они сидят в течение семи дней лицом к стене. При вступлении в брак, согласно патриархальному строю, преобладающее значение имеет согласие родителей. Близкое родство не служит препятствием, если жених в родственном отношении старше невесты (например, дядя может жениться на племяннице). Ранние браки между караимами, как и вообще у южных народов, очень распространены»¹³⁹.

Караимское общество в Чуфут-кале нередко устраивало общественные церемонии. Особенно пышно протекали встречи августейших особ. Практически все императоры российские, начиная с Екатерины II,

и члены их семей удостаивали своим вниманием Чуфут-кале (за исключением Павла I). Как это происходило, можно судить из описания посещения города Николаем I, Александрой Федоровной и великой княжной Марией Николаевной: «У главных ворот караимские мальчики, выстроившись в линию, под начальством стариков-раввинов, цели духовную песнь, оканчивая каждый стих хором и молитвой о сохранении августейшей фамилии. Караимские женщины встретили также августейших посетительниц у ворот города, укутанные белыми покрывалами, но с открытыми лицами. Издали толпа казалась какой-то неподвижной белой массой. В сопровождении многочисленной и разнообразной толпы въехали в город и по извилистым узким улицам достигли караимской синагоги. Там раввины вновь воспели Всевышнему Богу молитву, о сохранении царствующего дома. Императрица с любительством рассматривала Ветхий Завет, написанный на огромных листах пергамента и сохраняющийся в богатых ящиках, отделанных бархатом и серебром. Оставив синагогу, государыня императрица удостоила своим посещением дом одного из зажиточных караимов — Мангуби, где была угощена завтраком, состоящим по восточному обычаю, большей частью из варенья, конфет и азиатского блюда «схалва» (челва), составленного из сахара, яиц, муки и части меда. Ее Императорское Величество долго любовалось богатыми нарядами караимских женщин и детей и оставили Чуфут-кале около 2-х часов, выехав через другие ворота»¹⁴⁰.

В 1897 г. на средства, собранные караимским обществом, рядом с усадьбой А. С. Фирковича был возведен каменный дом, предназначенный для приема царственных особ. В 30-е гг. он был разобран, и сейчас сохранился только его высокий цоколь.

Сосредоточением духовной и общественной жизни чуфут-кальских караимов были кенасы, об архитектурных особенностях которых читатель уже знает. Внутреннее устройство кенасы во многом сходно с устройством синагог и своими корнями восходит к библейскому Иерусалимскому храму. Перед входом в кенасу находится азара (духовное седалище) — с каменными скамейками, огражденное невысоким каменным забором. Здесь собирались старейшины караимского общества для разбирательства религиозных жалоб. Внутри кенасы делится на три части. Сразу у входа расположено Мошау-зеккеним (седалище стариков) — здесь во время молитвы на стульях сидели старики, которые не в состоянии были молиться стоя на коленях, и те, кто носил траур. Вторая часть кенасы — большой зал — назывался Шулхан (место для прихожан), где молились все мужчины. Они приходили на молитву дважды в день: утром и вечером. Причем моление проходило иногда стоя, а иногда на коленях. В дальней части храма находился Гехал (алтарь). В нем помещалась уже упоминавшаяся Тора. В алтаре находились три позолоченные доски с эмблемами трех миров и нарисованными фигурками Иеговы, семи свечей и жертвенника. Здесь же находились два страусиных яйца. Согласно легенде они указывали

молящимся, что те мысленно должны стремиться к богу, по аналогии со страусом, пристально смотрящим на яйца, пока из них не выдуются птенцы. Женщинам запрещалось молиться вместе с мужчинами, поэтому для них существовал отдельный вход и особое помещение на втором этаже над Мошау-зеккеним, огороженное решетками. Женщины могли видеть богослужение, оставаясь для мужчин невидимыми. Служба в кенассе велась митталделом или газаном (протоверей).

Караннская община Чуфут-кале отличалась высоким уровнем образованности. Предание связывает это с деятельностью Сианапа Бай-Ходжи, переехавшего в Крым из Персии в 1500 г. и поселившегося в Чуфут-кале. Ему приписывалось строительство дворца для Менгли-Гирея в Бахчисарае. Энергичный просветитель полицейскими мерами загнал каранмов в Чуфут-кале и не выпускал полгода, заставляя учиться. Скончался он в 1551 г.¹⁴¹.

Именно в Чуфут-кале в 1731 г. была основана первая типография в Крыму, выпустившая через три года первую книгу на древнееврейском языке. Вероятно, типография располагалась близ кенасс. Не случайно под обрывом в этом районе были найдены М. Я. Чоревым литеры металлического наборного шрифта.

Наше знакомство с «крещостью драгоценностей» закончено. Однако мы надеемся, что читатель не захочет расставаться с этим замечательным островком древности, умеющим хранить тайны. Несомненно, впереди новые открытия. Появятся новые гипотезы, толкующие, казалось бы, уже достаточно описанные и объясненные памятники. Это нормальный процесс познания исторического прошлого, с которым мы, сами того не замечая, связаны тысячами нитей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

¹ К р о п о т к и н В. В. Из истории средневекового Крыма // СА. — 1958. — № 28. Могильник Чуфут-кале в Крыму // КСИА АН СССР. — № 10.

² Księga podrozry Ewliji Czelebiego (Wybor). — Warszawa, 1969. — S. 266.

³ Ibid. — S. 265.

⁴ Б е р т ь е - Д е л а г а р д А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. — 1920. — № 57. — С. 108.

⁵ В е й м а р н Е. В. О двух неясных вопросах средневековья юго-западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. — Киев: Наук. думка, 1968. — С. 69—74.

⁶ Я к о б с о н А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах Чуфут-кале // КСИА АН СССР. — 1974. — № 140.

⁷ Т а л и с Д. Л. Оборонительные сооружения юго-западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М., 1974. — С. 111.

⁸ В е й м а р н Е. В. О двух неясных вопросах... — С. 53, 66.

⁹ Я к о б с о н А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах... — С. 111.

¹⁰ Б е р т ь е - Д е л а г а р д А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов... — С. 110; Талис Д. Л. Оборонительные сооружения... — С. 111; Г а й д у к е в и ч В. Ф. Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия // МИА. — 1953. — № 34. — С. 312.

¹¹ Э н г е л ь с Ф. Горная война прежде и теперь // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 13. — С. 111—119.

¹² R o d l e y L. Cave monasteries of Byzantine Cappadocia. — London: Cambridge university Press, 1985. — P. 224.

¹³ С а н и к и д з е Т. Уплисцихе. — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1987. — С. 51—52.

¹⁴ R o d l e y L. Cave monasteries... P. 225.

¹⁵ Б е р т ь е - Д е л а г а р д А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов... — С. 120—121.

¹⁶ К и п ш и д з е Д. А. Пещеры Ани. — Ереван, 1972. — С. 17.

¹⁷ Веймарн Е. В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена // История и археология средневекового Крыма. — М., 1958.

¹⁸ Могаричев Ю. М. О раннесредневековых фортификационных пещерных сооружениях в Таврике // История и культура Херсонеса и западного Крыма в античную и средневековую эпохи: Тез. докл. — Севастополь, 1987. — С. 28; К вопросу интерпретации и датировки пещерных сооружений средневекового Крыма // Актуальные проблемы историко-археологических исследований: Тез. докл. — Киев: Наук. думка, 1987. — С. 111.

¹⁹ Там же.

²⁰ Герцен А. Г. Оборонительная система столицы княжества Феодоро // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI веках. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. — С. 39.

²¹ Айбабин А. И. Хронология могильников раннесредневекового Крыма IV—VII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1987. — С. 13.

²² Талис Д. Л. Городище Тепе-Кермен // КСИА АН СССР. — 1977. — № 148. — С. 103.

²³ Кропоткин В. В. Из истории... — С. 211; Могильник Чуфут-кале... — С. 109.

²⁴ Марковин В. И. О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. — М.: Наука, 1978. — С. 125.

²⁵ Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. — 1970. — № 168. — С. 103—110.

²⁶ Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале // ИТОИ АЭ. — 1928. — Т. 2. — С. 172—178.

²⁷ Айбабин А. И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV—первой половины VII вв. н. э. // Материалы к этнической истории Крыма. — Киев: Наук. думка, 1987. — С. 194.

²⁸ Веймарн Е. В. Отчет об археологических раскопках на Чуфут-Кале в 1956 г. — Архив БГИКЗ.

²⁹ Вегетиц. Краткое изложение военного дела. — ВДИ. — 1940. — № 1. — С. 283.

³⁰ Фиркович М. Я. Старинный караимский городок Калз. — Вильно, 1907. — С. 26.

³¹ Кондораки В. Х. В память столетия Крыма. — М., 1883. — Ч. 1. — С. 75—76.

³² Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. — М.: Л., 1927. — Вып. 5. — С. 188.

³³ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. — М.: Наука, 1980. — С. 64.

³⁴ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес // МИА. — 1950. — № 17. — С. 30—31.

³⁵ Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. — М.: Наука, 1986. — С. 183.

³⁶ Чичуров И. С. Указ. соч. — С. 63—64.

³⁷ Кокорцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. — Л.: Изд-во АН СССР, 1932.

³⁸ Кулаковский Ю. А. Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. — 1898. — Т. 21. — С. 17.

³⁹ Кузнецов В. А. Очерки истории алан. — Орджоникидзе, 1983. — С. 81—82.

⁴⁰ Брун Ф. К. Черноморье. — Одесса, 1880. — Т. 2. — С. 137.

⁴¹ Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. — Л.: Наука, 1971. — С. 157.

⁴² Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М.: Наука, 1964. — С. 36.

⁴³ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской порты до XVIII века. — СПб., 1887. — С. 54.

⁴⁴ Матузова В. И. Английские средневековые источники. — М.: Наука, 1979. — С. 135.

⁴⁵ Плано Карпини. История монголов. Рубрук В. Путешествие в восточные страны. — СПб., 1911. — С. 83.

⁴⁶ Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей из Крыма. — СПб., 1884. — С. 342.

⁴⁷ Попов А. И. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай. — Симферополь, 1888. — С. 71.

⁴⁸ ИТУАК. — 1889. — № 8. — С. 120—123.

⁴⁹ Бабенчиков В. П. Дневник сотрудника Крымской экспедиции ИИМК АН СССР /1952/. — Архив ЛОИА АН СССР. — Ф. 10. — Д. 11. — Л. 11.

⁵⁰ Чорев М. Я. Отчет об археологических работах на средневековом городище Чуфут-кале. — Архив БГИКЗ — Д. 18. — Л. 7.

⁵¹ Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. — Киев, 1914. — С. 75.

⁵² Курбатов Г. Л. История Византии. — М.: Высшая школа, 1984. — С. 83.

⁵³ Васильевский В. Г. Житие Стефана Нового / Труды. — СПб., 1912. — Т. 2. — Вып. 2. — С. 325.

⁵⁴ Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // ЖМНП. — СПб., 1878. — Ч. СХСУ. — Январь. — С. 128.

⁵⁵ Творения преподобного Феодора Студита в русском переводе. — СПб., 1902. — Т. 2. — С. 454.

⁵⁶ Васильевский В. Г. Хождение Апостола Андрея в стране мирмидоян // Труды. — СПб., 1909. — Т. 2. — Вып. 2. — С. 268—270.

⁵⁷ Соломонок Э. И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. — 1986. — № 47. — С. 215.

⁵⁸ Творения... Феодора Студита... — С. 454—455, 553—554.

⁵⁹ Рубрук В. Путешествие... — С. 68.

⁶⁰ Гаркави А. Я. О происхождении некоторых географических

названий местностей на Таврическом полуострове // ИРГО. — 1875. — Т. 2. — С. 5—7.

⁶¹Смирнов В. Д. Крымское ханство... — С. 108—115.

⁶²Кондораки В. Х. Универсальное описание Крыма. — Спб., 1875. — Т. 4. — С. 140.

⁶³Смирнов В. Д. Крымское ханство... — С. 119.

⁶⁴Тизенгаузен В. Г. Материалы, относящиеся к истории Золотой Орды. — Спб., 1884. — Т. 1. — С. 112.

⁶⁵Там же. — С. 383.

⁶⁶Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. — Баку: Элы, 1984. — С. 45.

⁶⁷Акчокраклы О. Новое из истории... — С. 172—178.

⁶⁸Башкиров А. И., Боданинский У. А. Крымскотатарская старина // НВ. — 1925. — № 8—9. — С. 307—309; Иванов А. А. Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI веках. — Ростов-на-Дону, 1989.

⁶⁹Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — М.; Л.: Наука, 1964. — С. 128.

⁷⁰Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов... — С. 112.

⁷¹Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1960. — С. 193—194.

⁷²Тизенгаузен В. Г. Материалы... — С. 532.

⁷³Там же. — С. 194.

⁷⁴Там же. — С. 442.

⁷⁵Там же. — С. 454.

⁷⁶Тизенгаузен В. Г. Материалы, относящиеся к истории Золотой Орды. — М.; Л., 1941. — Т. 2. — С. 62.

⁷⁷Тизенгаузен В. Г. Материалы... — Т. 1. — С. 457.

⁷⁸Там же. — С. 553.

⁷⁹Карамзин Н. Л. История государства Российского. — Спб., 1897. — Т. 5. — С. 53.; Сафаргалиев М. Г. Распад... — С. 151.

⁸⁰Сафаргалиев М. Г. Распад... — С. 193.

⁸¹Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангуша // ИГАИМК. — 1933. — Вып. 71. — С. 11—14.

⁸²Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. — Киев, 1899.

⁸³Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. — Л., — 1941. — С. 70.

⁸⁴Колли Л. П. Хаджи-Гирей и его политика // ИТУАК. — 1913. — № 50. — С. 135.

⁸⁵Соловьев С. М. Сочинения. — М.: Мысль, 1989. — Кн. IV. — Т. 5. — С. 84.

⁸⁶Маркевич А. И. Н. В. Гоголь и В. А. Жуковский в Крыму // ИТУАК. — 1902. — № 34. — С. 32.

⁸⁷Смирнов В. Д. Крымское ханство... — С. 170.

⁸⁸Тизенгаузен В. Г. Материалы... — Т. 1. — С. 533—534.

⁸⁹ПСРЛ. — Т. 17. — С. 543.

⁹⁰Сафаргалиев М. Г. Распад... — С. 262.

⁹¹Смирнов В. Д. Татаро-ханские ярлыки // ИТУАК. — 1918. — № 54. — С. 8—9.

⁹²Смирнов В. Д. Крымское ханство... — С. 280.

⁹³Усманов М. А. Жалованные грамоты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. — Казань, 1979. — С. 71.

⁹⁴Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. — Л.: Наука, 1971. — С. 180.

⁹⁵Смирнов В. Д. Татаро-ханские ярлыки... — С. 10.

⁹⁶Греков Б. Р., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — С. 135.

⁹⁷Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму // Изв. Крымского пед. ин-та. — 1927. — Кн. 1. — С. 41.

⁹⁸Боданинский У. А., Засыпкин Б. П. Чуфут-кале // ИТОИАЭ. — 1929. — Т. 3. — С. 17—19.

⁹⁹Бертье-Делагард А. Л. Исследования некоторых недоуменных вопросов... — С. 113.

¹⁰⁰Шапшал С. Караимы и Чуфут-кале в Крыму. — Спб., 1896. — С. 17.

¹⁰¹Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — М.: Л., 1964. — С. 129.

¹⁰²Галис Д. Л. Оборонительные сооружения... — С. 96—97.

¹⁰³Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Киев, 1890. — С. 84—85.

¹⁰⁴Эмидио Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии // ЗООИД. — 1902. — № 24.

¹⁰⁵Фиркович М. Я. Старинный караимский городок... — С. 25.

¹⁰⁶Паллас П. С. Путешествие по Крыму // ЗООИД. — 1881. — Т. 12.

¹⁰⁷Клееманн. Путешествие в Крым. — Спб., 1783. — С. 105.

¹⁰⁸Ромм Ж. Путешествие в Крым... — С. 70.

¹⁰⁹Паллас П. С. Путешествие по Крыму... — С. 81.

¹¹⁰См. напр.: Словарь географический Российского государства. — М., 1804. — Ч. 2. — С. 323.

¹¹¹Мармон. Путешествие маршала Мармона герцога Рагузского в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию по Крыму и берегам Азовского моря в Константинополь. — М., 1840. — Т. 1. — С. 206.

¹¹²Шапшал С. Караимы и Чуфут-кале... — С. 21.

¹¹³Фиркович М. Я. Старинный караимский городок... — С. 24.

¹¹⁴Всеволожский Н. А. Стена Китай-города на московской набережной // Московский краевед. — М., 1828. — Вып. 3. — С. 4.

¹¹⁵Попов А. П. Вторая учебная экскурсия... — С. 82.

¹¹⁶Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах... — С. 66.

- ¹¹⁷Фиркович М. Я. Старинный караимский городок... — С. 20—21.
- ¹¹⁸Паллас П. С. Путешествие по Крыму... — С. 80.
- ¹¹⁹Лашков Ф. Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Труды VI археологического съезда в Одессе. — Одесса, 1889. — С. 104.
- ¹²⁰Блюменфельд Г. Ф. Крымскотатарское землевладение. — Одесса, 1888. — С. 23.
- ¹²¹Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. — Спб., 1823. — С. 121.
- ¹²²Караимская жизнь. — М., 1911. — № 1. — С. 109.
- ¹²³Леви-Бобович. Очерк истории и караимизма. Севастополь, 1915. Крым: Путеводитель. — Симферополь, 1930.
- ¹²⁴Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. — С. 144.
- ¹²⁵Рабби — Азарья. Событие, случившееся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. — 1856. — Кн. 24. — С. 101.
- ¹²⁶Якобсон А. Л. Средневековый Крым... — С. 129.
- ¹²⁷Лашков Ф. Ф. Архивные данные... — С. 104.
- ¹²⁸Три еврейских путешественника XI—XII ст. — Спб., 1881. — С. 20.
- ¹²⁹Кеппен П. И. Крымский сборник. — Спб., 1837. — С. 289—290.
- ¹³⁰Марков Е. Л. Пещерные города Крыма // Вестник Европы. — Т. 4. — Кн. 7. — Спб., 1872. — С. 183.
- ¹³¹Там же. — С. 186—187.
- ¹³²Казанлы Ш. Из современного караимского быта. — Спб., 1873.
- ¹³³Марков Е. Л. Пещерные города... — С. 186.
- ¹³⁴Шишкина О. Заметки и воспоминание русской путешественницы по России в 1845 г. — Спб., 1848. — Ч. 2. — С. 118.
- ¹³⁵Harkavy A. Alt Judische Denkmaler aus der Crim. — St. P., 1876. — S. 185—186.
- ¹³⁶Ibid. — S. 185—186.
- ¹³⁷Старкова К. Б. Гебраистика // Азиатский музей. — Ленинградское отделение АН СССР. — М.: Наука, 1972. — С. 544—545.
- ¹³⁸Сумароков П. Путешествие... — С. 143.
- ¹³⁹Россия. — Спб., 1910. — Т. 14. — С. 216—217.
- ¹⁴⁰Сафонов С. Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 г. — Одесса, 1840. — С. 20—21.
- ¹⁴¹Синани И. История возникновения и развития караимизма. — Симферополь, 1888. — С. 67—69.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание Чуфут-кале турецким путешественником Эвлия Челеби

Описание замка Гевхеркерман

На языке татарском замок тот зовется Бузмай. Когда Джочи-хан из рода Чингизидов прибыл в году... из страны Махан, овладел Крымом и отобрал замок сей из рук франко-генуэзцев, татарские улусы дали ему имя Гевхеркерман. Ибо в те времена все ворота, стены и калитки замковые украшены были драгоценными драгоценностями. Татары, захватившие его, не обращали на те сокровища внимания, однако теперь места, где те драгоценности обрелись, знают пустотами.

Потом неверные генуэзцы еще раз в этот замок вторглись, но в году... отобрал его у них Менгли Герей-хан с помощью Гедяк Ахмед-наши, который пал смертью вонзеля за дело ислама, и замок тот был первой столицей ханов крымских. В эпоху свою был он весьма многолюден и оживлен; сверх того, имело тут свои жилища отборное войско.

Лежит он над расположенным в долине замком Эскисаладжик на обрывистой красной скале, верхушкой своей неба достигающей. Это высокий замок овальной формы, могучая крепость, основанием которой является скала, имеющая в окружности восемь тысяч шагов. Вокруг нее нет никакой стены оборонительной, ибо со всех сторон она окружена скалами в тысячу аршин высотой, за которые не защитится даже итичий коготь; находятся на оных гнезда соколов и орлов. Под ними же пронасти лежат глубины бездонной, подобие члестям ада.

Однако во времена неверных искусные в своем деле каменотесы вырубали здесь глубокий и большой ров, потому под внутренним берегом этого рва вознесли огромную стену длиной в сто аршин, три могучие

башни построили, а в средней из них сделали железные ворота крепостные. Через ворота те проходят дорога к горам, расположенным на юге. С внутренней стороны этих ворот на расстоянии трехсот шагов на север от них протянули они одну стену от одной глубокой долины до другой и на той стене также три могучие башни вознесли. В башне средней находится сейчас, как и в древние времена, деревянные двусторчатые ворота.

Между двумя упомянутыми стенами стоит двести домов иудейских, покрытых красной черепицей. Кроме этих двух стен, нет там иных укреплений. Впрочем, они там вообще не нужны, ибо со всех сторон крутые скалы тянутся. Если с тех скал человек — да сохранит Аллах! — посмотрит вниз, то потеряет отвагу и в пропасть низринется. Однако если под ноги не смотреть, то страха нет.

От расположенной на юге вершины на север ведут малые ворота, через которые идет от домов в замке дорога вниз, по вырубленным в скале лестницам, имеющим сто ступеней. По обеим сторонам той дороги тянутся вырубленные щеры, в конях убогие иудеи проживают. В твердые той находится тысяча пятьсот тридцать прекрасных и великодушных каменных домов иудейских с черепицей, в хорошем состоянии. Мусульман нет там вообще, ибо даже комендант замка, охрана крепости, стража и привратники — все они иудеи.

В замке сем находится множество оружия и амуниции военной, но иудеи не имеют отваги оружие это в ход пускать. Замок называется Чуфудкалеси, однако в действительности его название звучит, как Гевхеркерман. Пушек или ружей там нет, ибо иудеи боятся грохота, а потому ни из пушек, ни из ружей не стреляют.

Воистину ни в одной стране нет подобной неприступной крепости иудейской. Все иудейские хозяева лавок, а также досточтимые и уважаемые кушцы крымские из Багчесарая живут в том Чуфудкалеси и в замке Машуб. Каждодневно утром спускаются они с горы и после часа пути прибывают в лавки свои в Багчесарас.

На скалах же во всех четырех сторонах этой крепости иудеи нагромоздили многократно по сто тысяч камней и насыпали их в виде гор. Во время осады извергают они на врагов те ручные снаряды каменные, ибо из пушек или ружей стрелять они не умеют.

В замке том один из предыдущих ханов Гази Хаджи Герей-хан построил джамии в старом стиле. Над ее воротами находится следующая хронограмма, прекрасно стилизованная под шисьмо джели:

«Мечеть эту благословенную построил в году

Восемьсот пятьдесят девятом

Великий султан и высокий хахан,

Властелин царей арабских и аджамских Хаджи Герей-хан,
Сын Гияседдин-хана, сына Эртогмаз-хана.

Да одарит его Аллах длительным правлением!»

Так там написано. Однако из-за того, что эта достойная сожаления мечеть среди иудеев находится, двери ее всегда на засов закрыты. Общины мусульманской нет там и следа.

В крепости сей нет вообще рынка, базара или лавок, ни ханов для путешествующих, ни башни, ни виноградников и садов или хотя бы воды. Вся вода привозится в этот замок на ослах из лежащей ниже долины Хаджи Дерелери. В давние времена были там прекрасно сделанные вместилища для воды, теперь же они испорчены.

В замке сем находится темница для пленников хана. Другого подобного ада нет на всем свете, разве что темница в замке Солюк в эйалете Темешвар или тюрьма в крепости Дьор, которая остается в руках неверных. Выбраться из этой темницы в Чуфудкалеси никоим образом невозможно, разве что человека оттуда в гробу вынесут. До такой степени эта тюрьма подобна аду.

Дорога, ведущая из этого Чуфудкалеси вниз, в сад Ашлама, который владением наисветлейших ханов является, идет вдоль колодезев и имеет четыре тысячи шагов, как сосчитал это я, убогий, шествуя по этому склону пешком до Эскисаладжика.

На расстоянии двух тысяч шагов, поблизости от колодезев, находится там великая гробница шейха Мансура из Медьны. Это был один из благороднейших спутников жизни Пророка (да благословит его Аллах и испрошет ему благодать!). Этот знаменитый шейх Мансур обмыл и упокоил в местности, называемой Эскиюрт, наисветлейшего короля Эштера, который погиб во время войны за Аккерман от отравленной стрелы проклятого Салсала. Благословенный шейх Мансур умер потом во время битвы за этот замок Гевхеркерман и был похоронен около этих колодезев. Прекрасное строение, в котором он покоится, огромные толпы паломников притягивает.

Оттуда дорогой, ведущей среди скал, спустился я на запад.

Описание стародавнего града и замка Эскисаладжик

Согласно повествованию летописцев династии Чингизидов, народ татарский прибыл на полуостров Крымский под предводительством Джочы-хана, отобравшем Крым в году... у неверных генуэзцев, а также Эртогмаз-хана. Татар же, мчавшихся в потоках ветра, неприятеля излавливающих, было тогда сорок тысяч. Исходили они землю крымскую вдоль и поперек, но не нашли себе ни одного места для поселения. Только эту долину Эскисаладжик для себя приемлемой посчитали и из опасения перед неверными врагами замок Эскисаладжик построили.

Позднее вырвали они из рук генуэзцев вышеописанную твердыню Гевхеркерман, или Чуфудкалеси, за Эскисаладжиком расположенную, и облюбовали себе в качестве резиденции Эскисаладжик.

По обеим сторонам и на обоих концах долины шириной четыре тысячи шагов, протянувшейся с востока на запад, возвышаются обрывистые, достигающие неба скалы. Все эти скалы источны внизу, как гора Бисутун, полны щер и ходов подземных, а на верхушках тех красных скал орлы и коршуны гнездятся. Джочи-хан и Эртогмаз-хан видели, что неприятно совершенно невозможно проникнуть туда с какой-либо стороны, или оттуда ускользнуть. Видя, что долина сия является для них безопасным убежищем, заградили они узкие проходы по обеим ее сторонам, перебрасывая с одной стороны на другую валы оборонительные, и у обоих проходов долины сделали по деревянным воротам. Ворота эти до сегодняшнего дня стоят. Кроме как в те ворота, даже птица не найдет иного пути в долину.

Между скалами теми течет ручей живительной воды. Источник вытекает из окрестных скал, протекает через водосборы и бассейны в садах, старательно содержащихся и находящихся поблизости от домов, обеспечивает их водой, приводит в движение несколько водяных мельниц в расположенных ниже кварталах Эскисаладжика, а затем течет через долину лежащего ниже старого города Багчесарая. Ручей сей называется Чюрюксу. Воды его употребляются повсеместно для различных целей, однако не для питья.

В Саладжике оба берега этой реки украшены виноградниками и садами, а также застроены разнообразными прекрасными домами. Это древний город, насчитывающий триста прекрасных домов, покрытых красной черепицей и изукрашенных. Все эти дома надежны, со стенами из камней, изукрашены изящно и восхитительно, построены крепко, по старому образцу. В пещерах же у подножия скал находится несколько сот помещений. Жить в этих помещениях в июле холодно, а зимой, напротив, тепло. Находится там пять кварталов и пять святынь, при которых стоит пять минаретов, по старым канонам построенных.

В городе нет, однако, ни лавок, ни постоянных дворов для путешественников, ни бань, ибо поблизости от него лежит город Багчесарай. Эскисаладжик — это, как я уже говорил, город древний и, как мне рассказывали, было там когда-то множество постоянных дворов, мечетей и медресе. Теперь находится там огромное медресе Менгли Герей-хана. Над его прекрасными дверями виднеется нижеследующая хронограмма, письменах джелли написанная:

«Медресе сие приказал построить с помощью Аллаха
Господни добродетельный, Менгли Герей-хан,
Сын Хаджи Герей-хана,
Да продлит Аллах его правление до конца света!»

Год 956

К медресе этому прилегал баня удивительная, прекрасно построенная, с приятной водой и воздухом.

За дорогой, которая к этой бане ведет, стоит старый дворец Джочи Герей-хана. Во дворце том давние ханы пребывали, о кои я уже раньше упоминал. Теперь этот серай, построенный надежно в форме четырехугольника, небольшую крепость собой являет. Окружность ее имеет двести шагов. По ее сторонам стоят четыре башни. Имеет она также ворота, обращенные на запад. Внутри этой крепости стоит мечеть с двумя невысокими минаретами. Минареты те, однако, настолько малы, что даже человек в них не помещается, вследствие чего зван святой с них не провозглашается.

По пути к этому сараю находится прекрасное здание суда, крытое досками, помесяцем из чистого золота украшенное. Там заседали ханы и собрания дивана проходили.

В сарае этом находится теперь лишь оружейная и ничего кроме нее. Содержится там множество предметов, ханам некогда принадлежавших. Вход в серай всегда закрыт на ключ. Над его красиво выполненными дверями начертана следующая хронограмма:

«В сию минуту, с помощью Аллаха,
Косму моления о помощи воссылаем,
Построил в этом граде серай великолепный
Сын владыки, владетель седых, косам подобных, бунчуков,
Потомок Чингиза Сахиб Герей — дом прекрасный возвел.
Произошло это в году девятьсот сорок втором от хиджры.
Именно тогда завершено было сие истинное пристанище воителей».

Год 924

С позволения Аллаха, о медресе Сахиб Герей-хана, о полных святости мавзолеях стародавних ханов, о владетелях, покоящихся там в многочисленных, остроконечными крышами покрытых гробницах, напишу я в надлежащем месте.

В горной части города Эскисаладжик, с восточной стороны, у подножия уже описанного Чуфудкалеси, находится старательно возделываемый сад, подобный рощам Ирема. Направившись на застолье с кадиаскером крымским Муртаза-Али-эфенди, я превосходно провел время и множество удовольствий получил, прогуливаясь в удивлении по этому саду.

Похвала саду Ашлама, рощи вонстину райской.

В этом райском саду развлекаются и получают удовольствия все ханы, сыновья ханские и султанши, бийимы и бюкче. В саду этом буйном, в цветниках вонстину райских, уголка не найдешь, где бы воды не лились и не струились; в усадьбах же, над их берегами возвышающихся, живут они в веселости и упоении наслаждающимся, один на один с возлюбленными своими, и прекрасно звучащие трели соловьев слушая,

удовольствия получают такие, что от них на душе легко делается, а также ширшества и застоля непрестанно учиняют. И прекрасно там настолько, что тот, кто хотя бы час там проведет, все свои невзгоды, заботы и неприятности забудет, а веселия и радости наберется.

В саду этом всюду удивительно позолоченные и украшенные дома возвышаются, а также небольшие дворцы, многочисленные беседки и строения, наисветлейшими ханами установленные, подобные дворцам цезаря китайского. Тут находятся построенные различными ханами десятки бассейнов с водой, фонтанов, колодезей и дворцов, подобных замку Хавернак, при виде которых даже искусные в своем деле архитекторы от огромного удивления палец к устам прикладывают.

Растет здесь много таких видов фруктовых деревьев, подобных которым нет не только по всему Крыму, но и в иных странах. Сочных же фруктов там такое изобилие, что вывозят их в другие города в подарок. Фрукты эти, даже перевезенные на расстояние десяти парсапгов, сладости своей и вкуса не утрачивают; время также сладости их не лишает, ибо фрукты эти выросли на земле с приятным климатом.

Ноздри вдыхают здесь упоительный аромат тысяч цветов различных, которые ханы в дар из всех стран получили. В этом райском саду были посажены привезенные из Анатолии луковицы сиканарда, саженицы гвоздик из Трапезунда, нарциссы из Стамбула, шарообразные тюльпаны «Монла Челеби», нидерландские тюльпаны «Челеби Ходжи», тюльпаны из Книгыхтана, разнообразные виды анемонов, гиацинты из Истанбула, а также сотни тысяч других цветов, в дар присланных.

Тот, кто лишь войдет в этот сад и увидит его, сразу поймет, что очутился в одном из райских уголков.

Весной распускаются тут цветы всех деревьев фруктовых: сливы, яблоны, груши, черешни, вишни и др. От их запаха у человека голова кругом идет.

Этот роскошный сад стал таким прекрасным во времена Мехмед Герей-хана. Наисветлейший хан сей, человек благородный и наделенный приятным характером, щедрый и великодушный, провел от фонтанов через зелень и цветники, распростершиеся в тени огромных деревьев, ручейки и содейл сотни фонтанов, воды которых окропляют листья и орошают плоды деревьев, как будто дождик ласковый. Прибывали сюда из всех стран мастера знаменитые: несколько тысяч обученных невольников также показали здесь свои умения, обдумывая различные устройства для этого сада. Воистину, вещи такие удивительные, как в этом саду Ашлама, есть только разве что в досточтимом городе Константинополе, или же по-нашему в Стамбуле.

Если бы мы все же захотели привести здесь хронограммы, находящиеся на строениях этого парка, и описать эти разнообразные строения, то лишь перечисление наших записей заняло бы так много времени, что на посещение иных краев времени бы уже не хватило. Говоря коротко, во

всем Крыму нет другого такого Ирема — места для прогулок и развлечений, подобного паркам Аджамы.

Пусть Аллах, пожелания наши исполняющий, дозволит, дабы сад сей до конца света так же хорошо содержался, был бы таким же прекрасным и цветущим. Аминь!

В саду этом извещал я, наипичтожнейший и наипедостойнейший, немало удовольствий и развлечений. Потом же ехал я через город Эскисала.

Город этот называется Эскисала потому, что это была первая местность в Крыму, где по пятницам сала пелась. Проезжая через этот город, посетили мы сады и виноградники, которые в его западной части находятся, а также гроты среди обрывистых скал, с обеих сторон окружающих Эскисала.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. На подступах к византийскому Херсону	4
Глава II. В стране малых алан	39
Глава III. Гнездо Гиреев	58
Глава IV. На окраине Бахчисарая	74
Список использованной литературы.....	113
Приложение.....	119

Научно-популярное издание

«Археологические памятники Крыма»

ГЕРЦЕН Александр Гермакович

МОГАРИЧЕВ Юрий Миронович

КРЕПОСТЬ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ

Кырк-ор

Чуфут-Кале

Художник В. В. Бунь

Цветные фото Н. П. Орлов

Художественный редактор М. М. Лукьяница

Технический редактор Н. Д. Крупская

Корректор Л. Г. Стахурская

Сдано в набор 30.11.92. Подписано
в печать 02.08.93.
Формат 84 × 108 1/2 Бумага офсетная.
Гарштура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отг. 10,60.
Уч.-изд. л. 9,04. Тираж 25000 экз.
Заказ № 182

Издательство «Таврия», 333000,
Симферополь, ул. Горького, 5

Типография издательства «Таврида»,
333000, г. Симферополь, ул. Генерала
Васильева, 44